

159

159
159
159

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ,
ИЛИ
О ПРИЧИНАХЪ БЛАГОДЕНСТВІЯ
И НЕСЧАСТІЯ
ГРЕКОВЪ;
СОЧИНЕНІЕ Г. АББАТА ДЕ МАБЛИ.
Переведено съ Французскаго.

Изданіемъ Общества стариннаго о печатаніи
книгъ. Продается въ луговой Миліонной улицѣ,
у книгопродавца К. В. Миллера.

Цѣна 60 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи наукъ.

1773 года.

Slav. Reserve
92-4424

Mably, abbe

Remysden Hoogbe

THE UNIVERSITY OF
THE STATE OF NEW YORK
THE STATE LIBRARY
ALBANY

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ,

ИЛИ

О ПРИЧИНАХЪ БЛАГОДЕНСТВІЯ И
НЕСЧАСТІЯ

ГРЕКОВЪ

КНИГА ПЕРВАЯ.

*Нрапы и прапленіе перпыхъ Грекопъ.
Причины состапишия изъ Греціи
союзную ресублику, которыя Ла-
жедемонъ сталъ столицею. Разу-
жденіе о семъ образъ прапленія. О
пойнъ со Ксерксомъ.*

*Исторія представляетъ намъ первыхъ
Грековъ, скитающимися изъ еди-
ныя страны въ другую. Не знали
они земледвія, не имѣли учрежденнаго
жи-*

жилица: и не будучи сопряжены ни сообщеніемъ, ни установленіями, ни законами, всегда ходили вооруженны, и другаго права не вѣдали, опричь права силы: Таковы были всѣ народы, при своемъ началѣ; шакovy суть еще дикіе Американскіе жители, коихъ частое съ Европейцами сообщеніе грубости не изстребило. Сколь ни было велико зло, которое разныя Греческія орды взаимно себѣ причиняли, однакожъ не были они главные свои неприятели. Ближнихъ острововъ жители ихъ еще свирѣпѣе, частыя, если историкамъ вѣрить можно, на Греческіе берега дѣлали нападенія. Страсть ко грабежу, или лучше сказать къ опустошенію, не рѣдко усремляла ихъ даже до внутренности земель, и своими разореніями они чаяли оставить по себѣ достопамятные знаки своего мужества.

Нѣкоторые писатели далѣе сихъ варварскихъ вѣковъ возводили; и *Диксархъ*, который по мнѣнію *Порфирія* съ наибольшою изъ всѣхъ философовъ описалъ точностію начальныя Грековъ нравы, представляетъ ихъ мудрецами, препровождающими жизнь тихую и непорочную между стѣмъ, какъ земля, выкинувъ ихъ по потребности, безъ удобренія плоды производитъ.

Зашный сей вѣкъ мечтою стихотворцевъ быши токмо должествующій, со-
ста-

ставляяб едино изъ правилъ вѣры древнѣя Филозофѣи: Платонъ поставляебъ царство правоудїя и благоденствїя у первыхъ человекѣвъ: но уже нынѣ знаемъ, что думать о тѣхъ дерновыхъ одрахъ, о тѣхъ пѣнїяхъ, о той сладкой праздности, содѣлывающей прїятности общества, сильней невѣдающаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ *Минной* за правосудіе свое въ адъ судїею баснословіемъ постановленный, Крипянъ научилъ быти счастливыми, повинужся законамъ, коихъ премудрости вся удивлялася древность, возгордѣвшійся Крипъ не могъ воспретить себѣ, чтобы не презирать своихъ сосѣдей; а чувствованіе своего превосходства вперило ему желаніе ихъ покорить. Внукъ сего Государя, *Минной* именованный, воспользовался рождающимся властолюбіемъ своихъ подданныхъ, и разпространилъ свое владѣніе. Поспиривъ суда, науча Крипянъ мореходству и военному искусству, завоевалъ онъ острова близъ его государства лежащїе, и заставилъ почищать свои законы, учредя тамъ поселенїя. Видя поспрѣбность, безпрепятственное имѣвши сообщеніе между отдѣленныхъ частей своего владѣнїя, онъ очистилъ море отъ разбойниковъ; и утверждая тѣмъ свое владычество, сталъ, не вѣдая того, благодѣтель Грековъ, коихъ брега остались въ безопасности. Сему отъ единыхъ части золь своихъ избавлен-
А 2
ному

ному народу осшалася токмо свирѣпость своя ужасна ; а вкушеніе перваго блага подало ему желаніе , оное усугубить.

Аптика , земля безплодная , меньше другихъ Греческихъ провинцій , была подвержена непріятельскимъ набѣгамъ. Убѣгшіятуда семьи съ трудомъ питались природными земли произведеніями ; но бѣдность ихъ , говоритъ *Фуксидидъ* , доставила имъ споспѣшествующее успѣхамъ общежитія спокойствіе: вымыселъ ихъ изоспирялся , и они первые скипающуюся жизнь оставили. Примѣръ ихъ научилъ остальную Грецію : и поелику земледѣлающія народы умножались , и соспавляли нѣкоторый родъ республикъ , могущихъ защищать свою жашву и хижины ; по толику и грабежъ становился труднѣе и опаснѣе. Обманутые въ своей надеждѣ грабители меньше на свои силы полагаяся , часто возвращались безъ добычи ; и необходимость принуждала ихъ наконецъ къ земледѣлію , дабы чрезъ то имѣть пропитаніе. Прилѣпились они къ землямъ ими удобряемымъ и такъ всѣ Греки приобрѣли жилища и помѣстья неподвижныя.

Я прехожу тѣ времена , въ кои Греція еще въ глубочайшее невѣденіе должностей челоѣчества поверженная , имѣла Ироевъ и Полубоговъ толь славныхъ въ ея баснословныхъ преданіямъ. Челоѣкъ , достойнѣй-

нѣйшій благодарности и почтенія Грековъ , былъ непрекословно томъ , который имъ повѣдалъ общее ихъ происхожденіе. Ученіе сіе умягчило разумы ; селенія составляющія неподвластныя и непріязненные единое другому обществу , престаали ненавидѣть другъ друга , и начали содѣлывать союзы. Взаимныя благодаренія увѣрили ихъ , что они единъ шокмо народъ составляютъ ; а скоро по томъ узрѣли всѣ , что цѣлая Греція , почитая себя участницею обиды *Паридомъ* содѣланной *Менелаю* , укрѣпилась союзами для опомщенія оныя. Разумы въ сіе время великіе уже сдѣлали успѣхи ; и хотя Ирои *Омиропы* нравы имѣли еще свирѣпыя , но Греки уже упражнялися въ художествахъ , требующихъ проицанія.

По возвращеніи изъ Троянскаго похода казалось , что покровительствующіе царство и родъ *Пріамовъ* боги , хотѣли , разоряя Грецію опомстить его несчастія. Въ самомъ дѣлѣ она претерпѣла великія недѣлины , могущія изгнать грубыя правила правленія , нравуученія , порядка и повиновенія ея принятыя , и которыя шокмо миръ могъ привести въ совершенство. Несогласіе вооружило Грековъ другъ противъ друга ; война изгнала многіе народы или принудила ихъ оставить земли , которыя они начинали именовать отечествомъ. Такимъ по образомъ выгна-

ные *Бессалияноли* изъ *Арны Востяне* поселилися въ *Калмендѣ*, давъ ей свое имя. *Делогонисъ* прѣмѣнилъ видѣ свой по возвращеніи *Ираклидовъ*. Побѣжденные или услащенные сея провинціи народы оставили свою землю; и сіи люди, не возмощные защищать свое помѣстье, имѣли довольно силъ или храбрости, чѣмъбы завоевать новыя. Греція, мало почти для своихъ жителей имѣла имѣющая, наполнялась изгнанными и шатающимися народами, прибѣжища ищущими, которые, грабежемъ жить будучи не въ состояніи, древнія возпріяли нравы своихъ предковъ. Побѣжденные часто бывали изпребланы; всегда многою кровію купленные побѣды самихъ побѣдителей разслабляли, и испещренные народы заняли на конецъ неподвижныя жилища: но воспоминаніе обидъ и золъ, взаимно учиненныхъ, усугубило между ими причины ненависти и несогласія, и два селенія не могли быть сосѣди, не бывъ другъ другу непріятели.

По счастью Грековъ, что они побуждаемы были на войну токмо завѣршномъ и раздраженіемъ, а властолюбіе не владало имъ въ руки оружія. Когда бы они восхотѣли другъ надъ другомъ дѣлать завоеванія, то бы распри ихъ не прервалися. Ненависть и мщеніе будучи не столь медлительны и не столь умышленны, какъ властолюбіе, не столь долго въ челоуѣческомъ пребываютъ сердцѣ; и большая

шая

шая часть городовъ упомяны будучи своими несогласіями, кои не токмо не увеличивали но уменьшали ихъ благоденствіе, возобновили свои прежніе союзы. Земледѣльцы безъ опасности пользовались своими наслѣдствами; преходящее спокойствіе показало всю цѣну непреснаннаго мира; спали изыскивать средства утвердить оной; собственная польза научила народы быть правосудными: и въ то время, какъ между ими учреждались празднества, жертвоприношенія обща, и всенародное право, то законы приходили въ каждомъ городѣ въ совершенство, и Греки получившіе о должностяхъ своихъ большее свѣденіе начинали нечувствительнѣе составлять обществъ благоустроенныхъ.

Греція до сихъ поръ имѣла воинское правленіе, то есть, что полководецъ былъ судіею, для того, что Греки всѣ были воины; но съ миромъ начиная быть гражданами, возимѣли новыя потребности, новыхъ опасались бѣдствій, и новые законы потребны были вмѣсто древнихъ, сдѣлавшихся недостаточными. Полководцы пользовавшіеся подѣ царскимъ имениемъ непрестанною и мало ограниченою властію во время войны и смятенія, урѣзли оную миромъ умалену, и санъ ихъ почти уничтожался. Безъ сомнѣнія восхотѣли они возстановить свой уронъ и во гражданахъ обрѣсти по же повинности,

нѣ, кѣ коему они воинствѣ приучили. Но народы научившіеся чувствовать всю цѣну гражданскія вольности самымъ злоупотребленіемъ начальничей власти, опасались, чтобы не быть рабами тамъ гдѣ законы не будутъ выше судей. Чемъ болѣе движущее разумъ безпокойствіе близкую перемену возвѣщало; тѣмъ болѣе владѣтели старались удержать влекомую власть изъ ихъ десницы. Но простота ихъ нравовъ воспретила имъ вѣдаться тайнствамъ притворства и мучительства; а властолюбіе ихъ воздвигло людей бѣдныхъ, мужественныхъ и коихъ гордость не была смягчаема тѣмъю излишнихъ недостатковъ и робкихъ страстей, приведшихъ потомковъ ихъ въ рабство.

Едва нѣкоторые города иго своихъ полководцовъ свергли, какъ вся Греція восхотѣла быть вольною. Народъ не довольствовался быть управляемъ своими законами, побуждаемъ или мнѣніемъ, что вольности его полезно не зрѣтъ у сосѣдей заразительный примѣръ тиранства, или что вѣроятнѣе, слѣдуя восхищенію, коему предаемъ въ первомъ перемены жару, подавалъ помощь всѣмъ, кто хотѣлъ Царей низвергнуть. Тогда любовь къ безподданству стала отличающимъ Грековъ качествомъ: даже Царское имя имъ стало ненавистно, и удрученный городъ мучилемъ былъ бы всей Греціи поношеніемъ.

Безъ

Безъ сей переменны, новыя Грекамъ качества даровавшей, вѣроятно, что они одно бы жребіе имѣли съ тѣми народами, коихъ мы не знаемъ ни исторіи ни имени. Король Аргской, Микенской, Кориньской, Фивской или другаго какого города, покорилъ бы своихъ сосѣдей и утвердилъ бы власть свою надъ своими подданными. Самодержавно управляемая Греція, не произвела бы ни законовъ, ни художествъ, ни добродѣтелей, вольностию и соревнованіемъ въ ней произращенныхъ. Пресмыкающаяся въ немощи, или не вѣдая искусства употребляти свои силы, она бы въ рабствѣ изнемогала и ожидала, чтобы кто ее сдѣлалъ частію своего владѣнія.

Взаимныя услуги кои Греки при сихъ переменнахъ другъ другу оказали, со всѣмъ упушили ненависти республики ихъ раздѣляющія; и какъ скоро они другъ друга ненавидѣть перестали, то немощь и любовь къ отечеству привлекли ихъ общимъ совокупиться союзомъ, а многіе изъ нихъ народы частнымъ уже были сопряжены.

Не упоминая о городахъ, депутатовъ на Олимпійскія, Кориньскія и Немейскія игры посылавшихъ для жертвоприношенія, ихъ общимъ богамъ и стѣсенія ихъ дружбы, давно уже явно было благоденствіе разныхъ народовъ *Амфихтіономъ*, претіимъ Аѳинскимъ Царемъ, тѣснымъ сопряжен-
А 5
ныхъ

ныхъ союзомъ. Депутаты ихъ всякій годъ сбѣзжались въ Дельфъ или къ *Бермолиямъ*, и судили о ихъ общихъ и частныхъ дѣлахъ. И сіи вѣрныя данной клятвѣ союзники, кою ни какого зла содѣлывать себѣ общались, но защищать и общими силами отмщевать Дельфійскому храму содѣланныя обиды; зрѣли успѣхи своихъ внутреннихъ дѣлъ; извѣ же ихъ боялись, любили и почитали. Новые республики желали такъ же присовокупитья къ сему союзу, дабы пользоваться его покровительствомъ; и Амфиктіоническія собранія стали, если можно сказать, общіе государственныя чины Греціи. Сто вольныхъ и неподвластныхъ городовъ составили наконецъ одну токмо союзную республику, коея мы во Швейцаріи довольно сходственный видимъ образъ.

Какъ бы выгоды Греками чрезъ союзъ приобретенныя велики ни были, какое бы благо они себѣ изъ онаго впредь ни сбѣждали; но ихъ новое правленіе не могло удовлетворять всѣмъ ихъ потребностямъ и удалять всѣ опасности, которыхъ политика предвидящая и просвѣщенная остерегается. Хотя новыя Амфиктійскаго совѣта союзники заимствовали отъ него премудрость, правосудіе и безкорыстіе, но онѣ у нихъ заимствовалъ ихъ пороки. На ходатайство токмо ограниченный, не имѣя права ни предписывать общихъ Гре-

Греци законовъ, ни достаточныхъ силъ, чтобы принудить повиноваться своимъ повелѣнїямъ, онъ возмогъ однакожъ удержать въ тѣсномъ союзѣ республикъ равную славу приобрѣтшихъ, миръ любящихъ и имѣющихъ одинаковое правленіе, одинаковыя боязни и однихъ непрїятелей; но не могъ онъ имѣть тѣ же успѣхи, сколь скоро приобщилъ къ себѣ посланниковъ тѣмъ республикъ, не равныхъ силами и управляющихся противными правилами. Многія суть политическія установленія, коихъ весь плодъ пропадетъ, сколь скоро они превосходятъ положенныя предѣлы. Если бы сосѣдственныя Швейцарїи провинціи захопѣли съ нею совокупиться, то не вѣроятно ли, чтобы Гелленическій союзъ ослабѣлъ.

Если Греки миръ наблюдали, или по крайней мѣрѣ если токмо преходящія и малозначущія между ими бывали ссоры; то оное не было дѣйствіе единого Амфикийскаго правленія. Древнее обыкновеніе, высылать гражданъ на поселенія, и домашнїя ихъ распри съ возстановленія вольности, на развалинахъ монархіи, равно къ сему способствовали: и всѣ сіи причины споспѣшествовали къ содержанію союза.

Пансаній повѣствуетъ, что *Оенотрій* младшій *Лихаонидъ* сынъ, смѣлъ, предпрїимчивъ и преисполненъ надежды *Иросъ* оживляющія, испросивъ у *Никтима* брата

брата своего кораблей и воиновъ, вздумалъ первый изъ Грековъ, положить основаніе новаго государства въ землѣ чужестранной. Вѣтръ принесъ его въ Ипалію, гдѣ онъ царствовалъ со славою. Успѣхамъ сихъ отважныхъ людей всѣ удивлялись. Счастіе ихъ возбудило всеобщее соревнованіе: и всѣ неспокойные и властолюбивые Греціи граждане помышляли шокмо и по изпребленіи Государей о учрежденіи поселеній, коихъ отдаленіе, новыя корысти, и духъ независимости, изъ перваго ихъ опечесства съ ними пришедшій, въ скорое время сдѣлали ихъ столицамъ чуждыми. Между тѣмъ, какъ Греки, Ипалію и берега Африки и Асіи населяли, города ихъ, ни когда излишними гражданами не наполнясь, не чувствовали недостатка въ прибрѣщеніи новыхъ земель для ихъ содержанія; и немощь сія, дѣлающая ихъ неспособными долговременныя вести войны, воспрещала имъ привыкнуть ко властолюбію, и въ предпріятіяхъ имѣть сіе упорное постоянство, безъ коего народъ не бываетъ никогда властолюбивъ и завоеватель.

Всякій городъ вновь къ Амфиктическому совѣту приобщенный, будучи много занятъ своимъ внутреннимъ правленіемъ, не беспокоилъ своихъ сосѣдей. Случай учреждалъ правленія въ то время, какъ они отъ мучительства своихъ пред-

во-

водителей освободились; а законы даемы были поспѣшно безъ всякаго правила и основанія. Всякій, старался употребляя перемѣну въ свою пользу, завладѣть властью; а какъ тишина въ разумахъ учреждаться начинала, то всѣ, разсуждая о своемъ состоянїи, находились не довольными. Со всѣхъ сторонъ возрастали распри между благородными и чернью, между судьями и гражданами; всегдашнїя бывали прѣвнїя о учрежденїи ихъ правъ и имѣнїй. Противныя требованія, жалобы, всегда новая боязнь или надежда, препятствовали республикамъ твердый принять образъ. Едва законъ издали, какъ чувствительна была уже надобность, или оный уничтожить, или ограничить: новые законы тому же подвергались жребію, какъ рушившіяся ими; да и при такихъ всѣ города превожущихъ смятенїи, Амфиктионамъ удавалось между ими миръ поддерживать.

Однакожъ не возможно было, чтобъ изъ полїкаго числа республикъ единая не воспрїяла наконецъ видъ правленія мудрой и неподвижной; и не должно ли было опасаться, что употребляя во зло правильное учрежденіе своихъ законовъ, свои силы, и безпорядокъ другихъ народовъ, она предастся властолюбію. Какая же бы власпъ тогда Амфиктическаго была совѣта, когда уже онъ не предупредилъ несчастныя

стныя дѣйствія соперничества Аѳинъ и Спарты; да и въ такое время, какъ союзная Грековъ республика казалась утѣрженна привычкою многихъ столѣтій.

Моглобъ еще и по случитъся, что господствующая въ городѣ спрана, содѣла бы себѣ правило отвращать народъ отъ домашнихъ корыстей, упражняя его въ-шними предпріятіями: таковъ то былъ жребій Римлянъ, всегдашними сосѣдей своихъ войнами безпокоющихъ, поддерживая шѣмъ тишину въ своемъ городѣ.

Если бы же Греціи чужестранная держава войною угрожала, то невѣроятнo ли, что для общія защиты совокупяя народовъ вольныхъ, не подвластныхъ и ревнующихъ своему величеству, Амфиктіоны никогда бы ихъ не привудили къ повиновенію, безъ коего однакожъ Греки, поставили бы противу непріятеля токмо половину силъ своихъ, или несогласныхъ воиновъ, опасаясь покоритъся власти самодержавца, республики бы предвоителя не избрали; всѣ хотѣли бы повелѣвать, повиновашься же ни едина; и не имѣя главнаго побужденія ихъ соединяющаго, учреждающаго ихъ дѣйствія, и по чредѣ оное одерживающаго, или устремляющаго, были бы добычею чужестранцовъ.

Дилуръ

Лихуръ доставилъ Грекамъ то, чего имъ недоставало; и правленіемъ въ Спар-
тѣ имъ учрежденнымъ сталъ онъ нѣко-
торымъ образомъ законодатель всея Греціи.
Какъ по смерти брата своего *Поллелла*
до рожденія *Хармала* своего племянника,
сей великій мужъ дѣлами отечества сво-
его предводительствовалъ; по Лакедемонъ
въ толь же худомъ находился состояніи,
какъ и другія Греческія республики. Два
Царя, для того имъ не свергнутые, что
раздѣленная ихъ власть не столь ихъ
дѣлала предприимчивыми, какъ другихъ
Государей, хотѣли мучители бытъ зако-
новъ; а подданные ихъ не различая воль-
ности отъ всевольтва, ни какія власти
не признавали. Партіи по чредѣ овладели
верховною властію, и всегда мучитель-
ству, или безначальству преданное пра-
вленіе по чредѣ переходило со рвеніемъ
изъ единыхъ крайности, въ другую.

По возвращеніи своемъ изъ Крита и
Египта, знатнѣйшихъ тогда въ свѣтѣ
государствъ, коихъ *Лихуръ* научатся
ѣздилъ нравамъ и законамъ, помышлялъ
онъ о преобразеніи Спартянъ. Не такъ
онъ мыслилъ, какъ другіе послѣ его въ
Греціи возставшіе законодатели, кото-
рыя отъ робкаго угожденія, желая всѣмъ
удовлетворить гражданамъ, ни кого не
удовольствовало; оставили сѣмена всѣхъ
несогласій или исправили одно злоупо-
пре-

требленіе , дабы тѣмъ удовлетворить другому. Политика должна конечно повиноваться разположенію умовъ , и не оскорблять народные нравы , когда она даетъ законы великому государству , для того что народный разумъ , необходимо сильнѣе разума законодашеля : но коли дѣло имѣешь съ небольшимъ числомъ гражданъ , единую въ городскихъ стѣнахъ семью составляющихъ , то нѣтъ нужды въ такомъ свисхожденіи. *Ликургозъ* духъ противуборствовалъ духу *Лакедемонянъ* , и отважному слѣдуя предпріятію , возмѣрился онъ новый изъ нихъ народъ содѣлать. Не почелъ онъ невозможнымъ , что бы побуждая ихъ надеждою или боязнію они не восхотѣли помышляемой имъ перемѣны. Приобрѣвши друзей достойныхъ своей мудрости и мужества , велѣлъ онъ имъ явиться вооруженнымъ на площади , гдѣ хотѣлъ объявить свои законы ; и не имѣя другаго права , какъ любовію къ благу и къ спасенію отечества подаваемого , принудилъ *Лакедемонянъ* быть мудрыми и счастливыми.

Ликургозъ сохранилъ въ *Лакедемонѣ* сугубое царское правленіе ; что было свойственностъ двухъ потомства *Иракліева* отпрыскей. Оставляя симъ государямъ неограниченную , какъ полководцамъ надъ войскомъ власть , принудилъ ихъ какъ судей , купно съ Сенаторомъ , быть шокмо орудіемъ

или

или исполнителями законовъ. Народному же пѣлу опидаль законодатель сей власть самодержавную , то есть право давать законы , учреждать миръ или войну , и поспавлять судей , коиъ онъ долженъ спволавъ повиновашия. Но дабы народъ не тревожился о своемъ состоянїи , и чтобы подъ видомъ сохраненїя своей вольности , онъ не предался бы беспокоящейся и волнуемой недозвренности ; то *Ликургъ* учредилъ въ его пользу *Ефоровъ* (а) или *Надзирателей*. Имъ особливо препоручено было предо-
 Б хра-

(а) Г. *Мабли* не съ довольнымъ , мнѣ кажешся , основанїемъ приступаетъ ко мнѣнїю , приписующему честь установленїя *Ефоровъ* *Ликургу*. Правда , что и *Иродотъ* древнѣйшїй Греческїй историкъ , отцемъ Исторїи названный , сего же мнѣнїя : *Ксенофонтъ* , относилъ сїе установленїе такъ же ко врежнамъ *Ликурга*. Но *Аристотель* и *Плутархъ* опредѣляютъ учрежденїе *Ефоровъ* при Царяхъ *Феополитъ* и *Поллдоръ* , приписуя онаго честь сему послѣднему : которое мнѣнїе мнѣ кажешся есть справедливсе. *Ликургъ* полагая явные предѣлы власти народа и власти Царей , не имѣлъ нужды учреждать между ими посредниковъ. Мнѣнїе сїе тѣмъ болѣе подтверждается , что *Ефоры* не имѣли положенныхъ предѣловъ своей власти ; по чему и кажешся , что они были учреждены во время несогласїа и возмущенїя : а до временъ *Феополита* и *Поллдора* Исторїя не упоминаетъ ни о какихъ смяшенїяхъ въ Спартеъ промзшедшихъ. Учрежденїе *Ефоровъ* можно почестъ средствомъ употребленнымъ къ возстановленїю шшннн и спокойствїа. Какъ можно повѣрншь , что *Ликургъ* , сей мудрый Законодатель , былъ учред-

храняшь, чтобы Цари или Сенаторы не употребляли во зло исполнительную власть, а чрезъ то не освободились бы отъ законовъ, и ихъ бы не нарушили. Въ чину семъ граждане перемѣнялись ежегодно, для того, чтобы они прилѣжнѣе были къ своей должности, и не столь предприимчивы. Такимъ образомъ удерживали они республику въ безопасности, подающей единую всѣмъ гражданамъ корысть.

Сенатъ, составленный изъ двадцати осми народомъ выбранныхъ гражданъ, исполнившихъ шестидесятилѣтнее жизни теченіе, отправлялъ гражданскія должности, служилъ обоимъ Царямъ совѣтомъ, которымъ безъ ихъ согласія ни чего предпринимать не дозволялося, и предлагалъ народному собранію тѣ дѣла, которыя оно судить и рѣшить долженствовало.

Ликургова республика такъ же, какъ *Полвій* сказалъ послѣ о Римской республикѣ, сопрягая всѣ выгоды, коихъ Мо-
нар-

шель *Ефорскія* власти? онъ, который съ такою точностію полагалъ предѣлы различныхъ властей Лакедемонскаго правленія; когда *Плутархъ* сомнѣвается, были ли они поставлены для того, чтобы соглашать различныя мнѣія своихъ Царей, или избираемы самими ими, когда долговременная война принуждала ихъ ослушаться дѣлъ Спарты.

нархія, Аристократія и Демократія заключаютъ въ себѣ шокмо слабѣйшую часть, если они не соединяются въ единомъ правленіи, не имѣла ни единого имѣ естественнаго порока. Самодержавство, коимъ народъ пользовался, побуждало его безъ напряженія ко всему тому, что въ народноуправляемомъ государствѣ любовь вольности и опечиства могутъ произвести великаго и великодушнаго. Но въ слѣдствіе учрежденнаго между различными властями равновѣсія, демократическая правленія часть всегда бывала безсильна и утѣненна судейскою властію, сколь скоро она свою власть во зло употребишь хотѣла. И для того не видно было въ Лакедемонѣ ни своенравія, ни вспыльчивости, ни ложнаго страха, ни насилія, безславящихъ большую часть Греческихъ республикъ. Въ слѣдствіе того же властей равновѣсія всемогущія по своей чредѣ судіи предшествоемъ предъ ними закона, находились, удаляясь правилъ, подъ рукою повелительною народа. Чины государственныхъ другъ другу помогали, другъ друга освѣщали, приходили взаимнымъ порицаніемъ въ совершенство. Великія злоупотребленія были невозможны предупрежденіемъ малыхъ. Сенапъ должествующій бдѣнію *Ефоры* своею умѣренностію и премудростію въ употребленіи исполнительныхъ власти, научалъ народъ разбирать и познавать истинныя свои корысти.

основываться на правилахъ, и разумъ сохранять непремѣняющійся. Цари ни какія не имѣли власти, когда не были Сенапта устами; они придавали однако же войскамъ скорое и поспѣшное дѣйствіе, оживляющее воинское производство и успѣхи, и почти у вольныхъ народовъ неизвѣстное.

Сколь ни премудро было сіе правленіе, о коемъ *Лихургъ* у Критянъ первое получилъ понятіе; но онъ не надѣялся получить отъ него успѣха, если древнія не истребятся нравы. И въ самомъ дѣлѣ, какой былъ бы плодъ порядка имъ учрежденнаго, дабы сдѣлать единые законы всемогущими и самодержавными, если бы богатства, и съ ними всегда сопряженная роскошь, и послѣдуемсе имъ поврежденіе нравовъ, гражданъ неравенство, и потому мучительство и рабство, научили Лакедемонянъ презирать, или осмѣивать свои новые законы? Бѣдностію въ презрѣніе отверженный народъ, не могъ бы сохранить своего достоинства; продавалъ бы свое согласіе, свои права, и свою вольность, болѣе дающему. Сенаторскія мѣста, добродѣтельнѣйшихъ мужей украшать опредѣленные, доставалися бы богатѣйшимъ; чины гражданскіе покупались бы для удовольствованія своего тщеславія, или для поноснаго своей власти торгу. Цари споспѣшествуя поврежденію, дабы чрезъ то найти повинующихся ихъ волѣ рабовъ, жертвовали бы отечествомъ частнымъ своимъ

КО-

корыстями. Въ Египтѣ Лихуръз позналъ власть нравовъ надъ обществомъ. Многіе же народы не вѣдая, какъ сей законодапель взаимное дѣйствіе законовъ надъ нравами и нравовъ надъ законами, почерпнули токмо посредственныя выгоды изъ приложенныхъ ими спараній къ ограниченію единою другою различныхъ государства властей, и къ удержанію ихъ въ равновѣсіи. Лихуръз желая гражданъ сдѣлать достойными истинную вкушати вольность, учредилъ въ имѣніи ихъ совершенное равенство; но онъ не остановился при новомъ земель раздѣлѣ. Природа вселила въ Лакедемонянъ безъ сомнѣнія неодинаковыя страсти; не потѣ же замыслъ въ приращеніи своихъ наслѣдствъ: и для того онъ опасался, чтобы сребролюбіе не собрало помѣстья въ единую руку. А дабы Спарта не пользовалася токмо преходящею перемѣною; то онъ низшелъ, такъ сказать, даже во внутренность сердецъ гражданъ своихъ, и истребилъ въ ономъ сѣмена сребролюбія.

Лихуръз изгналъ употребленіе сребра и золота, и пустилъ въ обращеніе желѣзную монету. Онъ учредилъ народныя столы; гдѣ каждый гражданинъ принужденъ былъ непрестанной подавать примѣръ воздержанія и строгости. Домовой Лакедемонскій приборъ дѣланъ былъ шопоромъ и пилою; словомъ, онъ ограничилъ ихъ пошребности на шребуемая токмо природою

невозбранно. Тогда художества, роскоши служащія Лаконію оставили; излишними ставшія богатства казались презрительны; и Спарта неприсущною поврежденію спала крѣпостію. Народнымъ воспитаніемъ устроеныя отроки навывкали съ рожденія добродѣтелямъ отцовъ своихъ. Женщины всегда удовлетвореніемъ ихъ слабости законами униженныя, введшія почти во всѣ государства послабленіе нравовъ, въ Спартѣ возбуждали и поддерживали мужей добродѣтель. Великія тѣлодвиженія, удѣляя имъ силы и мужское тѣлосложеніе, возвышали ихъ сверхъ ихъ пола, и уговоряли ихъ духъ къ терпѣнію, къ мужеству, и къ геройской твердости.

Любовь къ бѣдности отвлекала вниманіе Лакедемонянъ отъ добычи и дани побѣжденныхъ. Питаясь плодомъ земель своихъ, не имѣя другихъ денегъ, какъ незнаемыя прочимъ народамъ, не имѣя для будущія нужды положеннаго сокровища; не возможно имъ было производить войну, внѣ своихъ областей. Законъ запрещающій имъ удѣлять чужестранцамъ право бытъ ихъ согражданами, препятствовалъ имъ возстановлять уроиъ, самую побѣдою имъ причиненный. И такъ все ихъ побуждало миръ почитать драгоценнѣйшимъ челоѣковъ благомъ. Однако же *Лихургъ* не положился на споль удобныя побужденія, чтобы

чтобы отечество свое удержати во предѣлахъ правосудія и умѣренности. Имѣя хорошее о человѣческомъ сердцѣ свѣденіе, и о томъ, что составляетъ непремѣнное государствѣ благоденствіе; не увѣрялся онъ обольщающимъ внѣшностямъ властолюбія; сей изобилующей надеждою и обѣщаніями страсти: но въ малое время коли не счастлива приводящей народъ въ погибель, во счастья превращающейся въ сребролюбіе и грабительство, нравы и состояніе гражданъ премѣняющей и разрушающей правленія правила. Сей законодатель издалъ законъ, запрещающій Лакедемонянамъ производить войну, развѣ для своей защиты; и никогда не пользоваться побѣдою, гонясь за разбитымъ войскомъ.

Сія по виду чрезмѣрная предосторожность была необходимо нужна; ибо Ликургъ (дабы Лакедемонъ укрѣпить сколько возможно,) сдѣлалъ его болѣе воинскимъ станомъ, нежели городомъ. Тамъ беспрестанно происходили воинскія упражненія; всякія другія были въ презрѣніи, всѣ граждане были воины. Не бытъ въ состояніи сносить голодъ, пережвну погоды, и труды величайшіе; не умираютъ за отечество и не поражая непріятеля жизнью жертвовать, почиталось безчестіемъ. Легко могло бы случиться, что Лакедемоняне, влекомы и прельщенны своимъ

мужествомъ, устремили бы къ увеличенію своихъ областей данныя имъ для ихъ защиты качества. Чемъ меньше сей храбрый и къ войнѣ склонный народъ искалъ своея славы во исполненіи правосудія и умѣренности; темъ болѣе *Ликургъ* содѣлавъ воиновъ, долженствовалъ имъ подтверждать наблюденіе мира.

Хотя сіе мною Лакедемона слабое описаніе первыя поэмъ въ себѣ черты содержитъ; однако можно по нимъ судить о почтеніи, или лучше сказать о удивленіи Греціи къ Лакедемонянамъ. Позабыто ихъ жестокосердіе противъ Илотскихъ гражданъ, коихъ потомковъ они содержали еще въ рабствѣ. Объ ихъ послѣ *Ликурга* съ Мессеніанами войны, окончившіяся разрушеніемъ *Ифомы* и *Иры* и порабощеніемъ всѣхъ Мессеніи жителей, почитались задумчивости мгновеніями, долговременнымъ замѣненнымъ исполненіемъ добродѣтели.

Ираклій, говоритъ *Плутархъ*, путешествуя по свѣту, единою вооруженъ палицею, истреблялъ мучителей и разбойниковъ; а Спарта съ бѣдностію своею такое же въ Греціи имѣла владычество. Правосудіе ея, умѣренность и мужество, спользамъ были знаемы, что не вооружая гражданъ, не выводя ихъ въ полъ, упушала она помощію единого посланника домашніе
Гре-

Грековъ мяшежи, принуждала мучителей
слагашь съ себя присвоенную ими безза-
конно власть, и пресѣкала возставшія
между двухъ городовъ несогласія.

Сей всегда порядку споспѣшествующій
родъ жодашайства тебѣ легче Спаршѣ
приобрѣлъ оцутительное предѣ другими
республиками превосходство, чю они бес-
престанно принуждены были прибѣгать,
къ ея покровительству. Блаженны по
чредѣ ея благодѣянїями, ни едина изъ
нихъ не отрицалася слѣдовать ея совѣ-
тамъ. Лестно человѣчеству, (да сіе есть
и правило правоученїя и политики изящ-
ное) взирать на народъ, долженствующій
своимъ благоденствїемъ любви своей ко
правосудїю и благодѣянїю. Лакедемонъ
приобрѣлъ въ Греціи недоспающую Ам-
фиктїонскому совѣту силу, для содер-
жанїя между ея частей сопряженїя. Ме-
жду темъ, какъ Греки навывкали повино-
ваться Лакедемонянамъ, для того, что бы
безумно было не почитать ихъ прему-
дрость и мужество; по повиновенїе во
всѣхъ частяхъ учреждалося: нечувстви-
тельно городъ ихъ спановилася Греціи спо-
лицею, и наслаждаяся безъ прекословія
соединенныхъ ея войскъ предводитель-
ствомъ, придавалъ сей союзной Греческой
республикѣ все возможное ею воспрїять мо-
гущество.

Нынѣ ложно въ Европѣ судя о государственной силѣ, болѣе по пространству земель и числу гражданъ, нежели по премудрости законовъ, подумаютъ безъ сомнѣнїя, что Греки населяя малаго пространства землю, не сохранили своея вольности, какъ до тѣхъ поръ, пока въ ихъ сосѣдствѣ не возстала держава, ихъ покорить могущая, и изъ того заключатъ, что Греки должныствовали увеличивать свое владѣнїе и дѣлать завоеванїя. Похвала Лакедемонянъ умѣренность, владычество Греціи имъ доставившею, похулятъ ту же умѣренность удерживавшею Грековъ въ прежней ихъ немощи, когда въ слѣдствїе вѣчныхъ превращенїй, видъ мира премѣняющихъ, сосѣди ихъ къ размноженїю земель своимъ стремились.

Но не разсматривая то, что дѣйствительное составляетъ государства могущество, примѣтимъ, что пружины союзныхъ республики столь суть многочисленны, столь сплетенны, и столь медлительны въ своихъ дѣйствїяхъ, что она шокмо на себя съ успѣхомъ вниманїе обращать можеть. Должноли было Спартянамъ побуждать Грецію къ завоеванїямъ, которыя, не обогащая ни единого изъ ея городовъ особо, солѣлалибы общество ея могущественнѣе? Осторожность не дозволяла оное испытывать: всякъ знаетъ, что опдаленная корысть никогда большую часть

часнѣ людей не привлекаетъ; общая же корысть прогаетъ ихъ слабо.

Хотя бы кому удалось въ общемъ Амфикціонскомъ собраніи вперить Грекамъ страсть къ общимъ завоеваніямъ: но скоро бы безчисленные препятствія, привязанныя къ сему предпріятію, ихъ отъ онаго отвратили. Союзная республика для того защищается съ успѣхомъ, что великій предметъ ея сохраненія, когда воляность ея оскорбляется, единую всѣмъ ея частямъ влагаетъ корысть. Наступательная война, не токмо союзниковъ не соглашаетъ, но паче всегда ихъ почти раздѣляетъ. Начиная предпріятія, всякъ спарается какъ можно меньше способствовать оному; а всякъ однакоже хочетъ получить изъ онаго наибольшую выгоду. Въ достоянство поставляется обмануть хитро своихъ союзниковъ, и не исполнить свои обѣщанія. Удастся или нѣтъ, но ни кто себѣ не отдастъ справедливости, ни кто не хочетъ быть виною претерпѣнныхъ несчастій; всѣ хотятъ быть зиждителями благихъ успѣховъ, и союзъ окончивается ненавистію.

Греки дѣлая къ завоеваніямъ внѣ земель своихъ предпріятія, узрѣли бы несогласія, между ихъ республикъ возстающія, и возрастающую между ними ненависть неуполнмую. Всякій городъ имѣлъ бы непріятелей при врагахъ своихъ, или
 . бм

бы приобрѣлъ худо служащихъ себѣ подданныхъ. И такъ не порочить, но паче въхвалять должно умѣренность Лакедемонянъ и другихъ Грековъ, если они находили въ самихъ себѣ довольныя средства противъ нападеній сильнѣйшихъ державъ.

Греція не имѣла въ разсужденіи своего пространства въ войнахъ недостатка; а въ земляхъ ея, благоразумно по разнымъ государствамъ раздѣленныхъ, законы свято были наблюдаемы. Представимъ себѣ землю сію наполненную республиками, пышность и роскошь ненавидящими, населенную воинскими гражданами, любящими токмо правосудіе, славу, вольность и отечество: что ей нужды, что въ сосѣдствѣ ея могущественныя возстаютъ державы? Повторить ли мнѣ здѣсь то, что въ другихъ политическихъ находится сочиненіяхъ, что неизбѣжимая въ вѣдѣніяхъ государствъ роскошь ихъ истощаетъ? Тамъ законы изнемогаютъ и силы бывають безъ дѣйствія.

На конецъ возрасла та могущественная держава. Между всѣми Асіискими народами, богатствомъ токмо славящимися, былъ народъ малочисленный, коего области отгоня отъ себя сребролюбіе, роскошь, сладострастіе, были убѣжищемъ великихъ дарованій, мужества и другихъ до-

добродѣтелей, самодержавствомъ у соеб-
 дей его изгнанныхъ. Киръ былъ ихъ Царь;
 но прельщенный своимъ властолобіемъ не
 познавъ онъ блаженства управляяъ еди-
 ными Персами. Лидійскаго царства завое-
 ваніе предало ему въ руки Крисово богат-
 ство, и всю малую Асію ему покорило.
 Онъ пошелъ войною на Сирію, овладѣвъ
 ею и Аравією, могущество Ассиріанъ ру-
 шилъ, взявъ Вавилонъ; и владѣніе его про-
 стираяся наконецъ чрезъ всѣ земли, лежа-
 щія между Индомъ, морями Каспійскимъ,
 Чернымъ, Егейскимъ, Егѣпсією, и Аравій-
 скимъ моремъ, отъ Греціи токмо морскимъ
 (слабая защита!) проливомъ отдѣлялося.

Кирова Исторія дошла до насъ дѣш-
 скими обезображена баснями, коими ея
Иродотъ украсилъ помышлялъ; или укра-
 шенная историкомъ Философомъ, не сполн-
 истинну предать намъ помышлявшимъ,
 какъ преподавать Царямъ ученія, дабы
 они научались бытъ достойными своего
 щастія. Какъ бы то ни было, видно что
 сей Государь, исполнивъ Асію славою сво-
 ихъ дѣяній воспріалъ жребій мужей чрез-
 вычайныхъ, коихъ Исторія темъ болѣе
 наполняется вымыслами и чрезвѣстнѣ-
 ными происхожденіями, чѣмъ меньше ве-
 личество ихъ сихъ смѣшныхъ пребуесть
 украшеній, дабы возбудить удивленіе.
 Киръ былъ непрекословно единый изъ сла-
 вѣйшихъ въ древности мужей своими да-
 рова-

рованіями; да и по учрежденіи своего обширнаго владѣнія, какимъ бы Греки могли бытъ подвержены опасностямъ, если бы слѣдуя примѣру Спарты, они исправили свое правленіе? Кирю, Асією обладающему, единные Персы были истинною силою; прочіе его подданные должны ни во что вмѣняться.

Чемъ владѣніе сего Государя было страннѣе, темъ меньше опасаться можно было его могущества. Кампису, сыну своему и наслѣднику, оставилъ онъ чрезмѣрное счастье, подъ бременемъ коего сей изнемогъ. Не надлежитъ челоуку налагать должности, силы челоучества превосходящія. И самъ Киръ не могъ бы воспрепятствоватьъ разслабленію пружинъ правленія. Чемъ больше начало войны между Персовъ и Грековъ отдалялося, темъ безопаснѣе становилося оно Грекамъ; да могло бы и то бытъ, что Кировы наслѣдники, удрученныя тягостію своего величества, своихъ пороковъ и своихъ предпріятій, опложили бы намѣреніе дѣлать завоеванія, и не вооружались бы противъ Греціи, если бы она, слѣдуя благоразумію, о себѣ шокмо помышляла.

Война началась за учрежденныя на берегахъ малыя Асіи поселенія. Они не составляли единое съ Греческими республиками шло, съ кошорыми они не наблюдали

дали союза; и хотя они не имѣли свой-
ственных вольному народу качества, но
метерпеливо Персидскихъ Царей сносили
владычество. *Аристагоръ* человекъ столь
же отважный, какъ властолюбивый, не-
престанно поощрялъ Милетскихъ жите-
лей къ бунту; а наперстники его наполня-
ющія Грецію, испросили безъ труда у
Афинянъ помощи Асійскимъ Грекамъ, по
большей части изъ Аттики произшед-
шимъ. Афины, свергнувшія тогда иго *Пис-
истратидъ*, находились еще въ восторгѣ
раждающіяся вольности; а послѣдній ихъ
мучитель *Гиллѣй* нашель убѣжище и оп-
тѣвную защиту у *Артаферна* Лидійскаго
градодержателя. Сія республика общала
поселеніямъ свое покровительство; а будучь
ихъ открылся взятіемъ *Сардиса*, превра-
щеннаго ими тогда въ пепель.

Дарій, сѣдѣющій тогда на Персидскомъ
престолѣ, безъ труда опистилъ сію обиду.
Преданный *Милетъ* ярости и сребролюбію
воиновъ, испыталъ всю ихъ лютость. По-
бѣдитель покориъ *Іонію* и всѣ острова
близъ ея лежащія; восхотѣвъ простерти
наказаніе во всю Грецію: онъ послалъ туда
вѣстниковъ со требованіемъ земли и воды,
то естъ хъ повелѣніемъ покоришься его
державѣ. Афиняне не раскачаясь объ
ономъ уговорились къ войнѣ, и дошедъ до
Маравона, гдѣ уже Персы ихъ ожидали,
разбили ихъ подъ предводительствомъ
Кимона.

Дарій

Дарій' воспикѣвъ яростию, узнавъ содѣланное войскамъ своимъ безславіе. Онъ приготовлялся уже вторично напасть на Грецію съ силою прежнюю превосходящего, какъ смерть его поразила; а возшедшій на престолъ Ксерксъ взиралъ шокмо на содѣланную Аѳинянами опцу своему обиду: Единъ изъ его вельможей получилъ повелѣніе возобновлять ежедневно оныя воспоминовеніе. „Если я забуду, говаривалъ сей „Государь, сожженіе *Сардиса*, дерзкіе на- „бѣги Европейскихъ Грековъ въ Асію, и „*Марафонской бѣи*; то не мните, чтобы „они пронухы были моимъ воздержаніемъ. „Гордость ихъ безъ ужаса на мое могуще- „ство взирающая, темъ смѣлѣе будетъ „въ содѣланіи мнѣ обидъ. Великодушіе „мое почтется болзнію или немощію; а „сіи ненаказанные мною народы, вой- „дутъ еще въ Асію вооруженною рукою. „Не возможно ни Персамъ, ни Грекамъ, взи- „рати другъ на друга равнодушнымъ окомъ; „великая ненависть ихъ раздѣляетъ, ве- „ликія подозрѣнія препящствуютъ ихъ „согласію. Персія должна повиноваться „Греціи, или Греція покорится Персіи.,

Сколь нещепеливость *Ксеркса*, что- бы началъ войну въ Грецію; велика ни была; но онъ употребилъ четыре года на угошовленія къ сему походу, и собралъ такъ сказать всѣ силы Асіи: Сухопут- ное его войско состояло изъ миліона семи сошъ

сотъ тысячъ воиновъ, а морское войско, изъ пяти сотъ тысячъ состоящее, плыло на тысячѣхъ и двухъ стахъ корабляхъ, со тремястами транспортныхъ судовъ. Кажется, что сие исчисленіе Ксерксовыхъ силъ увеличено: но, слѣдуя повѣствованію другихъ Историковъ, сей Государь имѣлъ войско довольно великое, чтобы восхотѣть покорить цѣлую Европу, если бы довольно было собрать великое множество, чтобы быть завоевателемъ и производить великія дѣянія.

Спартя свято еще наблюдала найстрожайшія *Лихургопы* узаконенія, и всѣ ея граждане подобны были тремъстамъ иролямъ, жертвовавшимъ собою при защищеніи *Вермолиды*. Афины второе между Греками занимали мѣсто, и никогда они въ шоль цвѣтущемъ не находились состояніи. Захваченны спартиемъ возобновили свою вольность и отрясти трамъ своего порабощенія, приобрѣли они подѣ мучительствомъ *Лизистратойдъ* всѣ добродѣтели вольной города прославить могущія: но въ которыхъ нынѣ трудно имѣть истинное понятіе; всѣ распри и ненависти умолкли; а награжденіе, честь, слава представлялись добродѣтелямъ и великимъ дарованіямъ. *Марфонской* бой усугубилъ ихъ мужество; а какъ *Ксерксъ* вошелъ во Грецію, то не было Афинянамъ возможности сохранить своей славы.

В

Если

Если бы всѣ Греческія республики , хотя не сходствуя со Спартою и Афинами , могли бы однакожъ ихъ повиноваться целбніямъ, или по крайней мѣрѣ имъ не измѣнять ; то бы Персидскаго Царя предпріятіе пошло безъ сомнѣнія отважнымъ и безразсуднымъ. Но не всѣ Греки могли не ужасаяся взирать на грядущую имъ бурю.

Спарта не воспользовалася имѣющею къ себѣ довѣренностію , дабы побудить своихъ сосѣдей къ воспріятію свойственныхъ ей добродѣтелей и учрежденій. Она могла бы исправить большую часть несправедливыхъ законовъ и вредныхъ обыкновеній въ Грецію вкравшихся. Но едва своею мудростію приобрѣла она владычество , какъ восхотѣла оное соблюсти обыкновенными властолюбія средствами : и безъ сомнѣнія не можетъ у смертныхъ быть добродѣтель непорочна, когда Спартянская не была такова.

Республика ихъ испытывая всечасно , что недостаточное Греческихъ городовъ правленіе , единыхъ въ крайней удержало посредственности , принуждало другихъ просить у нея помощи и въ разсужденіи ея содержало ихъ во истинномъ повинненіи ; опасалась показаться не столь нужною , какъ она была въ самомъ дѣлѣ и зрѣть власть свою уничтожаемую , если Греческое правленіе столь будетъ мудро ,
какъ

какъ оно бытъ могло. Восхотѣла чтобы покровительство ея было необходимо; и когда не искала средства ко изсушенію источника тревожащихъ Аѳинянъ распрей. А какъ по сверженіи *Пизистратовъ* ита она начала приобрѣтать славу, то стоаль была зависава, что восхотѣла поставитъ надъ ними повелишела, возводя пакн *Гилліи* на престоль.

Я не могу воздержаться, чтобы не сказать: сожалительно, что *Амхуръ*, предписывая согражданаѣ своимъ мудрые законы, не открылъ имъ дальнѣйшія оныхъ сѣдствія. „Поступайте неотмѣвно, ска-
 „ зааь бы имъ, по законамъ, кои наблюо-
 „ дашь вы во присутствіи боговъ клялися.
 „ Они содѣлаютъ вашу безопасность, и
 „ вы не будете подвержены ни единому
 „ изъ золъ, другими народами испытывае-
 „ мыхъ. Я обещаю вамъ, что дѣлая васъ
 „ достойными Греціи довѣренности, они
 „ доставятъ вамъ владычество надъ нею;
 „ но тогда остерегайтеся, чтобы таксе
 „ благополучія начало васъ не повредило.
 „ Пороки Грековъ подвергнувъ ихъ вашей
 „ власти; но не мните, чтобы сіи пороки
 „ нужны были вашему величеству. Вы
 „ составляете стоаль мязщную республику,
 „ что сосѣди ваши никогда съ вами сра-
 „ внитися не могутъ; а хошя бы всѣ Греки
 „ вамъ угодобились, не утвердилося ли
 „ бы шемъ болѣе ваше благоденствіе, для
 „ того

„ того, чтобы вы окружены были наро-
 „ дами, сребролюбие и властолюбие ненави-
 „ дящими и спавящими себѣ въ законѣ
 „ вашей вольности почианіе и защищеніе.
 „ Если же вы опасаетесь, что въ Греціи но-
 „ выя возрастутъ добродѣтели; то будьте
 „ увѣрены, что не полагаясь на самую
 „ вашу добродѣтель, вы скоро прибѣгнете
 „ къ полиптикѣ обмана, коея способны и
 „ средства, сперва бывають обоюдны, и
 „ неосновательны, а наконецъ разори-
 „ тельны. Будьте увѣрены, что чѣмъ
 „ болѣе вы спарашься станете исправляти
 „ Греціи нравы и учреждати правосудіе
 „ въ ея городахъ, темъ послушнѣе они
 „ будутъ вашимъ велѣніямъ, для того,
 „ что ни подозрѣніе, ни боязнь не воспре-
 „ пятъ имъ со всѣмъ предаться своей
 „ благодарности и вашему великодушію.,

„ Повелѣваю вамъ, примолвивъ бы
 „ *Ликуревъ*, стараться внушати Грекамъ
 „ добродѣтель; да темъ только и можете
 „ вы быть всегда сами добродѣтельны.
 „ Да почтется томъ измѣнникомъ общему
 „ отечеству, а паче *Лакедемону*, кто
 „ восхощетъ васъ увѣрять, что въ томъ
 „ по ваша и польза, чтобы Греки были
 „ ни столь мужественны, ни столь пра-
 „ восудны, какъ вы. Если пороки вашихъ
 „ сосѣдей доставятъ вамъ нѣкоторое пре-
 „ восходство, то оное будетъ неосно-
 „ вательно; а во многочисленныхъ случаяхъ
 „ по-

„ пороки сіи будуть васъ беспокоити и
 „ вамъ прешшествовати. Если вы вос-
 „ прешите Гречин, дабы господствовать
 „ надъ нею, бытъ споль сильною, какъ
 „ она бытъ можетъ; но вы уподобитесь
 „ самодержавцу безумному, приводящему
 „ подданныхъ своихъ во изнеможеніе оказы-
 „ вать ему услуги, дабы темъ легче ихъ
 „ удручить можно было. Владычество
 „ ваше не утвердится; да вы его и поте-
 „ ряете, когда нападешъ на васъ съ великими
 „ силами виѣшній непріятель. „

Нѣкоторые города, подъзвывая приѣз-
 ромъ Спартою имъ подаваемымъ, внушили
 гражданамъ своимъ любовь вольности и
 общаго блага: но при началіи Мидійскія
 войны большая часть изъ нихъ не у-
 твердила еще свои законы и не учре-
 дила еще правильнаго правленія. Единые
 завидуя беспрестанно своимъ сосѣдамъ, или
 управляемы съ самаго своего начала про-
 ныривали своихъ судей и знатныхъ граж-
 данъ, всемъ жерпивоали корыстиямъ ихъ
 спростей или ихъ намѣреній. Другія
 окоспенебъ, если такъ сказать можно,
 отъ долговременнаго мира, и предавшися
 торговѣ и художествамъ, мнили, что
 Гречин нещастія часъ уже присѣлъ; и
 сіи республики вступая въ союзъ съ Персами,
 держалися противныя непріятелей ихъ
 стороны, или хотѣли предупредить свое
 истребленіе. Таковы были жители Бе-
 реи, и Этолии, Долои, Епиона, Персы,
 Оі

*Докрине, Магнеты, Мелане, Фтиоты, Ои-
ване и всѣ жилиши Востии кромѣ Фисляндъ
и Платейидъ. Да жъ въ самомъ Делолонгѣ,
Иреане и Аргеане привяли Ксерксову сторону.*

Греческой союзъ рушился отпаденіемъ
именованныхъ мною народовъ, и родив-
шейся изъ онаго ужасъ причинилъ бы,
казалось, разрушеніе всѣхъ республикъ.
Надежитъ признаться, сколько Спартиане,
Афиняне, и ихъ союзники, крѣпости духа
ни имѣли, но въроянъ ли, что выѣлъ во
всей Греціи сообщниковъ, и будучи въ
состояніи побѣждать Грековъ самими
Треками, Ксерксъ не успѣлъ во своемъ
предпріятіи?

Я знаю, что многіа историки вымысли-
ли, дабы изъяснить печальное Мидійскія
войны окончаніе. Они представили Асіи вои-
новъ болѣе женщинами, нежели мужчинами,
поверженными въ роскошь и сластолюбствіе;
но хотя Персія не была такова, какъ при
владѣніи Даріа; однакожъ не впала еще въ
безчувственное и смертное состояніе, и въ
воинствѣ обрѣлъ пошломъ Александръ великій.
Ксенофонтъ упрекаетъ Ксерксовыхъ наслѣ-
дниковъ многими пороками, коихъ не знали
его предшественники. Если пышности,
слабость и гордость Камбиса, безславныи
престола его отца это наслѣдованіи ему
Даріа любилъ славу. Правда, что Персія
лучшія свои войски съ вѣщастныхъ потѣ-
рала воймахъ съ *Аммоніанами и Сатрапъ;*
во

но ужели не было во владѣніе Ксеркса никакихъ войскъ Киромъ устроенныхъ? или духъ сего Государя всю Асію оживлявшій совсемъ испребился? Народъ безпреспанно воеващій, сохранилъ бы по малой мѣрѣ преданіе своея древнія дисциплины, и нибѣзъ бы нѣсколько испытанныхъ воиновъ. Да и самъ Иродотъ повѣствуетъ, что добродѣтель у Персовъ тогда была почитаема, и что мужество и искусство степенями были къ достиженію достоинствъ. Многія воины отличились и въ Мидійскую войну дѣлами рѣдкія храбрости; да и цѣлыя войски слѣдовали ихъ примѣру.

Мы не знаемъ, что такое есть покореніе вольнаго народа. Съ тѣхъ поръ, какъ монархія стала общее въ Европѣ правленіе, гдѣ всѣ подданные, а не граждане, и гдѣ разумъ равно отъ сребролюбія и сладостраспія изнемогаютъ; по война производится въ земляхъ къ повиновенію обычныхъ и защищаемыхъ наемниками. Самыя республики намъ подлежащія, представляютъ токмо толпу мѣщанъ прилѣпленныхъ ко гражданскимъ упражненіямъ: отчаяніе не родитъ уже тамъ чудесъ, и мы не найдемъ народовъ предпочитающихъ разрушеніе свое потерянію своей вольности. Спартяне и Аѳиняне хотѣли умереть свободны: но какой былъ плодъ ихъ мужества? Жертвуя великимъ числомъ воиновъ для занятія Фермопиль, Ксерксъ наконецъ овладѣлъ ими; а слѣдуя сему по-

рядку могъ бы онъ вездѣ такой же видѣтъ успѣхъ.

Чемъ болѣе разсматриваешь состояніе несогласныя Греціи, темъ болѣе удостоверяется, что ей не возможно было избѣжать угрожаемаго ей паденія. Только превозходство *Велмистолово* надъ *Ксерксомъ*, а *Палсаніево* надъ *Мардоніемъ*, спасло Грековъ. Срадивая сихъ славныхъ мужей, мы можемъ объяснить почти невѣроятное *Мидійскія* войны окончаніе.

Велмистолъ родился со чрезмѣрною ко славы спрасцію. Нетерпѣливо желая прославиться, сказывающъ, что *Марафонской* бой, *Милтиадою* выигранной, отгонялъ сонъ отъ очей его. Въ немъ соединились всѣ качества великаго мужа составляющія; и ни кто, (сію похвалу приписуешъ ему *Фукидидъ*) не заслужилъ лучше удивленія потомства. Нѣкое непреложное стремленіе, наирѣдчайшее природы дарованіе, представляло ему лучшее всегда средство; храбрость его никогда не изумалася для того, что благоразуміе его, превозшедъ всѣ препоны, предвидя оныя, возвышало его сверхъ всѣхъ происшествій.

Между темъ какъ *Афиняне* о смиреннѣ *Даріи* предавались радости, *Велмистолъ* зиралъ на *Марафонской* бой, какъ на предвѣщника ближайшія бури; но онъ не хотѣлъ нару-

нарушить радости своихъ согражданъ, угрожая имъ Персидскаго Царя ищениемъ. Они требовали лести, а не предвиднiя заполучiя. Предвиднiе его почлось бы преступленiемъ или воображенiемъ смiха достойнымъ. Пользуясь благосклонностию къ себѣ народа и гордостію щастіемъ его усугубляемою, онъ воздвигаетъ гнѣвъ его противъ Египта, могущественнаго тогда въ морѣ республики; доводитъ Девянъ постепенно до объявленiя ей войны, и такимъ образомъ принуждаетъ ее завести флотъ, которой будетъ ихъ и цѣлей Греціи спасенiемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы Керксъ, господствуя въ морѣ, могъ по своей волѣ чинить на Пелопоннискіа и Ашшискіа берега нападенiя въ то время, какъ сухопутное его войско входило въ Фокиду; Греки не знали бы ни гдѣ собираться, ни куда устремлять свои силы; и каждый народъ опасаясь непріятельскаго набѣгу, не удалялся бы земля своихъ для ихъ защищенiя. Такимъ образомъ каждый народъ отъ другихъ отдѣленный, видѣлъ бы свою немощь, и на помощь не надѣялся бы. Всеобщій ужасъ дѣлалъ бы разумъ неподвижными; и сомнѣваться не должно, что многіа города вѣрные Греціи пребывшіе, жертвовали бы тогда общему отечества користію частному своему спасенію, слѣдуя примѣру республикъ съ Персами соединившихся.

В ;

Не

Не столь великій мужъ , какъ *Велистохлъ* , помышлялъ бы только о защищеніи *Аѳинъ* ; ихъ укрѣпленія , пристань , оружейница , сѣбстный припасъ , совсемъ бы его заняли. Напротивъ того преисполненный правилами , силу союзныхъ республики содѣлвающими , онъ почиталъ Грецію *Аѳинскою* стѣною. Если она покорена будетъ , то зналъ , что единые *Аѳины* проживишься не возмогутъ. Казалось , что онъ отечествомъ жертвуетъ ; но онъ съ пользою ему служилъ , для того , что Грековъ приводитъ въ состояніе защищаться ; а если они не погибнутъ , то побѣдительныя *Аѳины* осѣнятъ славою.

Не знаю вѣдали ли довольно великости духа *Аѳинлякъ* при преселеніи ихъ въ *Саламину* и *Тресену* своихъ женъ , дѣтей и стариковъ ; сами же оставаясь безъ отечества , или , лучше сказать , предавая оное варварской ярости , укрылися въ корабли изъ древа домовъ своихъ построенные. Сіе предпріятіе , коего мудрость малому числу была понятна , представляло всѣмъ увичижительной и ужасной образъ бѣгства или ковечнаго разоренія. Надлежитъ преселиться въ тѣ отдаленныя времена и познать оныхъ предразсудки , коли хочешь судить о могущественныхъ и неизчислимыхъ препятствіяхъ , *Велистохоломъ* обрѣтенныхъ , когда онъ побуждалъ своихъ согражданъ къ оставленію своихъ домовъ ,

жовъ, храмовъ, боговъ и гробницъ отцевъ своихъ. Греція была бы безнадежна, если бы сей полководецъ не имѣлъ всѣхъ дарованія и всѣ роды разума. Упражняемъ величайшими мыслями и пруднѣйшими политическими и военными соображеніями, онъ прибѣгнувъ ко средствамъ лести и пронырства, дабы увѣрять людей, понимая его не могущихъ. Не могши возвестъ черни до своихъ мыслей, увѣждалъ ее властію; возбуждалъ ее вѣру; отверзалъ уста боговъ; и Грецію исполнилъ прорицаніями способствующими его предпріятіямъ.

Овладевъ *Вермолилами*, Персы разѣхъ по всей Греції, оную опустошали. *Делѣзъ* долженствовалъ спасеніемъ своимъ незапной бурѣ, которою ужаснувшіяся варвары почли знакомъ гнѣва божества, градъ сей помровительствующаго и ими раздраженнаго. *Феслѣдъ* и *Плтелъ* превращены ими въ пепель; съ обнаженными мечемъ взяли они Афинской замокъ, не видя на удивительную оставшихся въ отечествѣ Афинянъ храбрость; одинъ только *Делолоннѣзъ* остался Персамъ заповоренъ.

Прошивъ неизчислимаго *Ксеркса* флота Греки поставили только шриста семдесятъ кораблей, подъ предводительствомъ во имя *Лакседмона*, невѣдающаго своей должности полководца. Или *Еврипидъ*

даждь порожень слабостию своихъ силъ, и
 внимая токмо ужасу, жнилъ, что непріятель
 уже банзокъ; или безразсудно помышляя,
 что для безопасности *Пеллопоннеса*
 должно было ходить подлѣ его береговъ,
 или сподать близъ *Пилоса* и *Феры*, и рав-
 нымъ образомъ покровительствовашъ всѣмъ
 его часпльмъ; вознамѣрился оставить *Са-*
ламиискій проливъ. *Фемистоклъ* мужественно
 ему въ ономъ противорѣчилъ; пред-
 ставилъ Грекамъ, что токмо въ семъ про-
 ливѣ можетъ малое число ихъ кораблей
 съ успѣхомъ противиться Персовъ прево-
 сходству; показалъ, что непріятели ихъ
 отходя ко брегамъ *Мессеніи*, *Елиды* и *Ахен*,
 подвергнувъ везущіе къ нимъ военные
 припасы поперяню опасности, пока Гре-
 ческій флотъ находишься будетъ въ *Са-*
ламинѣ; доказалъ, что весьма полезно ус-
 трашить *Аргосъ*, явившійся извѣннымъ
 городомъ, и что все равно, что Персамъ
 оставить Грецію, что удались отъ
Коринскаго перешейка, когда *Ксерксъ* все
 войско свое въ сію устремлялъ сторону,
 желая открыть себѣ путь въ *Пеллопоннесъ*.
 Въ самомъ дѣлѣ, если бы *Еврипидъ* вы-
 шелъ изъ *Саламинскаго* залива, то бы вар-
 зары оной заняли, осадили бы *Коринтъ* съ
 сухаго суши и моря, и сколь бы Греки у-
 порно не защищались, *Ксерксъ* наконецъ
 торжествовалъ бы, какъ при *Вермолилдѣ*,
 надъ ихъ искусствомъ и отчаяніемъ.

Селен

Фелистохломъ предшавленія были безплодны. Онъ предупредилъ Еврипидово намбреніе, принявъ на себя видъ измѣнника, (послѣднее изступленіе любви великаго мужа къ отечеству!) подалъ Ксерксу извѣстіе, что Греки хотяшъ укрышья, и чшобы онъ спѣшилъ на нихъ нападать, если хочетъ препятствовать ихъ удаленію; что несогласіе господствующее во Греческомъ флотѣ уготовляетъ ему побѣду; и что онъ тамъ найдетъ друзей служить ему желающихъ. Ксерксъ дался въ обманъ, а Еврипидъ принужденъ былъ къ бою. Греки, въ безопасности быть въ семъ проливѣ окружены, дѣйствовали всѣ вдругъ, а варвары не имѣя довольно мѣста для разширенія силъ своихъ, дѣйствовали токмо малою оныхъ частію. Разбитіе первой ихъ линіи привело весь флотъ въ замѣшательство, который скоро по шомъ обращенъ былъ въ бѣгство.

Глупость Ксеркса сдѣлала Саламинской бой рѣшительныиъ. Уронъ его былъ великъ: но собравъ остатки своего флота, не оставалось ли ему еще довольно кораблей для господствованія въ морѣ. Почто мнитъ онъ, что все уже пропало? Сухопутное его войско ни малаго не претерпѣло урона, и вся почти Греція была ему покорена. Если бы сей Государь не былъ трусъ и глупъ, дался ли бы онъ въ другой разъ Фелистохлу въ обманъ, который ему подалъ

далъ извѣстїе, что Греки хотѣтъ разо-
ришь мостъ на *Восфорѣ* имъ построеной?
Конечно не оставили бы они у себя сильнаго
непрїятеля, приведши его въ необходи-
мость побѣдить или погибнуть. Какія
бы подобный *Ксерксу* государь войски ни
имѣлъ, то опредѣлено ему быть побѣж-
денну *Бемистхоломъ*. Величайшія силы въ
рукахъ его подобны *Ираклепсой* палицѣ въ
рукахъ младенца, поднявъ оную не могу-
щаго. *Ксерксъ* обратился въ бѣгство, и
оставя во Греціи *Мардоніа* со тремя ста-
ми тысячами человекъ, кромѣ союзныхъ
войскъ, помышлялъ не столь о ея покорен-
ніи, какъ о ея упражненіи, во время своего
возвращенія и о препятствованіи ей про-
стрети свое оружіе въ *Асію*.

Мардоніево войско въ ужасъ Грековъ
привестъ еще могущее, когда бы они бо-
льшей не избѣгли опасности, казалось имъ
презрительнымъ по опшествіи и переправъ
Ксеркса чрезъ море со главными своими си-
лами. Они уже о побѣдѣ и не сомнѣвались; а
изумленные Персы начинали напротивъ
того отчаяваться во успѣхѣ. Греція
однакожъ наполнялась еще измѣнниками,
несиѣющими покаяться во своемъ вѣролю-
мствѣ, и по тому служащими еще варва-
рамъ. Спартянамъ и Аѳинянамъ нужна
была изящнѣйшая мудрость къ удержанію
во предѣлахъ своего мужества. Неоснова-
тельность съ ихъ стороны могла бы воз-
вра-

вратить непріятелю смѣлость, и дать способъ обрѣсти въ самомъ себѣ силы и средства, *Мардонію* по видимому не свѣдомыя. И такъ спасеніе Грековъ зависѣло шокмо отъ искусства въ войнѣ; а съ стороны *Пансаній*, предводительствующій ихъ войскомъ, гораздо превосходилъ Персидскаго полководца.

Знаю, что сей вождь ослѣпленъ по томъ *Ксерксовыми* дарами и обѣщаніями, измѣнилъ Греціи, и восхотѣлъ бытъ мучителемъ своего отечества. Обязненъ, не угрызненіемъ совѣсти, но затрудненіями своего предпріятія, онъ раскаявался иногда во своемъ намѣреніи, не имѣя мудрости оно оставить. Влекома по чредѣ властолюбіемъ и удерживаемъ боязнію, не оказалъ во своихъ поступкахъ, какъ немощь и раздумчивость, спыдѣ заговорщика совершающихъ и дѣлающихъ его столь же презрительнымъ, какъ ненавистнымъ.

Таковъ то былъ *Пансаній*, какъ ситатскій человекъ: но очень часто находимъ мы людей, кои будучи велики и малы въ разныхъ разсужденіяхъ заслуживаютъ въ единое время удивленіе наше и презрѣніе. Если природа не удѣлила ему нужныхъ качествъ гражданину помышляющему и уготовляющему переѣзду во своемъ отечествѣ, то она осыпала его дарованіями великаго вождя. Въ то время, какъ выхо-
гда

гда не рѣшившійся *Мардоній* не вѣдаеть, что начинать, негоцируетъ когда битесь должно, и словомъ, не знаеть искусства употреблять свои силы, *Пансаній* дѣйствуетъ, бѣдетъ и предводительствуетъ войскомъ, не устрашается; узнаеть *Мардоніево* намѣреніе, окружаетъ его ловитвами, то всѣхъ сторонъ его утѣсняетъ, и принуждаетъ его наконецъ къ бою при *Платей*, въ мѣстѣ узкомъ, гдѣ силы его не дѣйствуя становяшся ему бесполезными; и откуду токмо сорокъ тысячъ Персовъ бѣгствомъ спаслося подъ предводительствомъ *Артаписа*; другіе совсемъ были разбишы.

Въ томъ же день, какъ *Пансаній* торжественствовалъ при *Платей*, *Леотихидъ* Царь Спаршянской и *Ксантилъ* Афинянинъ одержали при *Михалѣ* совершенную надъ Персами побѣду. Лакедемонскій предводитель не вѣдая происшедшаго во Греціи; разгласилъ по брегамъ Асіи побѣжденіе *Мардоніа* и чтобы поселенія, видя Грековъ отъига Персією имъ грозившаго освобожденныхъ, воспринимали паки свою свободу. *Диодоръ* примѣчаетъ, что Греки ни храбростию, ни искусствомъ въ войнѣ, побѣдили въ семъ случаѣ. Побѣда была сомнительна; *Саміане* и *Милесіане* перешедъ на Греческую сторону установили ее на ихъ споронѣ. Устрашенные симъ печальнымъ опшаденіемъ Персы, пришли въ замѣшательство

Дельство, а Асійскіе Греки видя оное со-
единились со Европейскими ко изшребленію
общихъ своихъ непріятелей.

Остановившейся въ *Сардиніи Керкеѣ*, у-
знавъ конечное войсавъ своихъ разбитіе,
не почиталъ себя въ безопасности, побѣ-
ждалъ поспѣшно въ *Ехлатану*, разсѣвая
въ землѣ своей сопутешествующій ему
ужасъ. Чемъ болѣе сей Государь со удо-
вольствіемъ наслаждался зрѣлищемъ своего
могущества и величества, взирая на со-
братныя имъ противъ Грековъ силы, темъ
болѣе чувствовалъ онъ себя униженна сво-
имъ нещастіемъ. Прежде хотѣлъ цѣлоу
завоевать свѣтъ; теперь казался ему,
что зрѣтъ уже Спартянъ и Абинянъ сре-
ди своего государства, и недержалъ почти
надѣяться сохранить отца своего наслѣ-
діе. *Саламина*, *Платей*, *Михала*, ужа-
сныхъ имена! возобновили воспоминаніе пре-
терпѣнныхъ Персестю нещастій въ войнѣ
съ *Евѣолією*, съ *Аммоніаномъ* и со *Ски-
фами*. Мысли властолюбія и завоеванія,
зперенныя *Киролъ* его преемникомъ, истре-
бились изъ всѣхъ разумовъ; и *Керкеѣ* о-
ставилъ наслѣдникамъ свою шокмо болѣзнь
и малодушіе.

Греція не могла утаить опасность,
въ кою ее ввергнула измѣна нѣкоторыхъ
жродовъ. Она испышала; что добродѣ-
тели и великія дарованія, плоды вольно-
сти,

Г

ести, произвести могутъ ко утвержде-
нію и продолженію ея благоденствія. На-
длежало ей съ большею горячностію при-
лѣпиться ко древнимъ своимъ правиламъ,
и помышлять о почти разрушенномъ всѣхъ
ея народовъ союзѣ. Слѣдуя мудрости у-
мягчила она законъ осуждающій къ поме-
рянію десятой всего своего имѣнія доли
всѣхъ Персамъ предавшихся или даровав-
шихъ имъ свою дружбу. Исполненіе сего
закона, возжигая въ Греціи междоусобную
брань, возобновило бы и умножило дре-
внія несогласія. Побѣдители Персовъ бы-
ли снисходительны: народовъ пощадили,
а наказали только судей уговорившихъ
ихъ ко измѣнѣ своей должности.

Греки оказали еще свою умѣренность
не послушавъ Лакедемонянъ, пребывавшихъ,
слѣдуя недостойной ихъ полипикѣ, из-
гнанія изъ Амфиктіонскаго собранія депу-
татовъ городовъ съ Персами въ союзъ всту-
пившихъ. Дѣлая во Греціи многихъ не-
довольными, они бы разрушили связи со-
юза, и соблюли бы въ нѣдрахъ ея союз-
никовъ чужестраннымъ. Но со всею мудро-
стію, споль вольнаго народа достойною,
союзная Греческая республика не много не
рушилася. Персы, если можно такъ сказать,
заразили Греціи воздухъ; и казалось, что
Ксерксъ, отпущевая свои уроны, изрыгнувъ,
убѣгая, духъ несогласія на *Лакедемонъ* и
Афины.

По-

Полученная при *Платей* добыча вліяла Грекамъ любовь къ богатству: сами Спартяне дерзнули взять изъ оныхъ долю, и осквернили городъ свой Персидскимъ златомъ въ то время, какъ Аѳиняне, не помышляя, что чрезмѣрное щастіе близкое почти всегда государствамъ возвѣщаетъ паденіе, предавались несмысленному высокомѣрью. Всегда ихъ движущая и спокойствіемъ упомняемая республика, мнила съ самаго своего начала сужденною управлять цѣлымъ свѣтомъ; и наслаждаяся заранѣ симъ желаемымъ владычествомъ, клятвою обязывала своихъ гражданъ, считая ея подвластными всѣ земли производящія виноградъ, масличныя деревья и пшеницу. Сіе дѣшское властолюбіе отверзало Аѳинянь душу великимъ надеждамъ; и послѣ чудесныхъ премудрости и мужества дѣлъ, въ Мидійскую войну ими оказанныхъ, коли они не явили желанія владычествовать во Греціи, то не довольны были занимати въ оной нижнее мѣсто. Какъ бы то своими женами, дѣтьми и стариками возвратились въ разоренныя свои жилища, то *Лакедемонъ*, завидуя ея власти темъ болѣе, что они большую приобрѣли славу; захошѣвъ воспретить возставленіе стѣнъ и укрѣпленій ихъ города. „Если *Ксерксъ* ; „говорили Спартяне, сокрывая истинныя „свои намѣренія подъ видомъ общаго блага, „возобновитъ съ нами войну; опущевая „свои уроны; то Аѳиняне привуждены „буз

„будуть въ другой разъ оставить свой го-
 „родъ. Но думаете ли вы, что Персы у-
 „довольствуются раззореніемъ онаго укрѣ-
 „пленій? Наученные опытомъ, они оныя
 „усугубятъ и составятъ среди насъ воин-
 „скій городъ, который отнять у нихъ мы
 „будемъ не въ состояніи, и откуда они
 „препятствовать будутъ Греціи дѣйстви-
 „ямъ.„

Афинны, во мзду своего великодушія въ
 жертвованіи собою спасенію Грековъ, были
 бы городъ отверстый и не могущій за-
 щипать *Аттику* и ей покровительство-
 вать, если бы *Фемистоклу* не удалось, об-
 манувъ *Лакедемонянь*, возвратитъ имъ пре-
 жнее ихъ состояніе. Онъ побѣхалъ къ нимъ
 посломъ; и между темъ, какъ онъ
 ихъ ухищренною своея негодіаціи уле-
 щалъ медлительностію, *Афиняне* неу-
 сыпно старались о возстановленіи своихъ
 стѣнъ. Извѣстіе объ ономъ пришло въ
Лакедемонъ; и *Фемистоклъ* обвинилъ зави-
 стныхъ и злоумышленныхъ людей въ
 разбѣжаніи извѣстія могущаго нарушить
 Греціи спокойствіе. Какъ онъ на конецъ
 узналъ, что уже укрѣпленія *Афинъ* почти
 были окончаны, и что не дерзнуть бо-
 дѣе пребывать ихъ разрушенія или недо-
 дѣлыванія. „Почто, сказалъ онъ, тогда
 „*Лакедемонянамъ* толико бесплодныхъ жа-
 „лобъ? Если вы думаете, что я васъ
 „ложнымъ обманываю прѣдсказаніемъ,
 то

„что для чего не пошлете вы туда кого
 „либо из своих граждан? Они истин-
 „но познаютъ на мѣстѣ, и извѣстїе ихъ
 „прекратитъ на конецъ наши распри.„
Фемистоклу они повѣрили; и *Аѳины* при-
 няли *Спаршянскихъ посланцовъ*, какъ ама-
 наповъ, отвѣтствующимъ имъ за ихъ по-
 сла. Ни одна изъ сихъ двухъ республикъ
 не дерзнула произнести жалобу; но не-
 правосудїе и вѣроломство ихъ поступковъ,
 начинали превращать зависть ихъ въ не-
 зависть, и научили ихъ всему тому,
 чѣмъ они другъ другу были опасны.

Спаршяне, *Ликурговыхъ* установленій
 еще держущіеся, обрѣтали въ самыхъ сво-
 ихъ законахъ препону рождающимся зави-
 сти, ненависти и властолобію: но *Аѳиняне*
 находились въ другомъ состояніи. *Политій*
 уподобляетъ ихъ республику ко-
 раблю ни кемъ неуправляемому, или въ
 коемъ всѣ повелѣваютъ. Единые, говоритъ
 сей историкъ, хопятъ путь продолжатъ,
 другіе пристать ко ближнему берегу: сїи
 собираютъ парусы, а тѣ ихъ распуска-
 ютъ; и въ такомъ замѣшательствѣ пре-
 данное власти вѣтровъ и не имѣющее
 дѣла судно, спремится всегда ко своему
 сокрушенію.

Въ самомъ дѣлѣ *Аѳины*, всегда произ-
 шествїями и спрастїями своими влекомыя
 не могли еще утвердиши правилъ своего
 пра-

правления. При самомъ ихъ началѣ, гражданае ихъ были несогласны : горные жители хотѣли всю власть отдавать народу, жители долины желали запрошивъ того учрежденія строгія Аристокраціи ; а на берегахъ моря живущіе, умѣе другихъ, претбовали, чтобы власть раздѣлялася между бѣдными и богатыми, и чтобы посредствомъ смѣшаннаго правленія, всѣ власти въ равновѣсіи взаимно удерживающаго, предупреждалося мучительство судей и гражданъ распускъность.

Ни единая сторона не имѣла довольно силы, ни искусства, дабы воспоржествовать надъ другими. Аѳиняне, всегдашіе своихъ неосновательныхъ законовъ злодѣи, не имѣли, казалось, другаго поведенія правила, какъ примѣръ своенравія отцовъ своихъ; и среди безпрестанныхъ превращеній они привыкли бытъ тщеславны, вспыльчивы, безразсудны, честолюбивы, вѣщрены, столь же чрезмерны въ порокахъ, какъ въ добродѣтеляхъ, или лучше сказать, не имѣтъ ни какого нрава. Упомленные на конецъ домашними беспорядками, прибѣгнули они къ Солону, и поручили ему предписаніе имъ законовъ; но желая исправить республики зло, сей безразсудный законодатель оное шокмо умдчилъ, или лучше сказать, придалъ новую силу древнимъ правленія законамъ.

Пред-

Предоставляя народнымъ собраніямъ право давать законы, избиратьъ судей, и учреждать общія дѣла, на примѣрѣ мирѣ, войну, союзы, и прочее, онъ раздѣлялъ гражданъ на разныя части, по различію ихъ имѣнія, и повелѣлъ, чтобы судейскія мѣста удѣляемы были только тѣмъ, кои собирали съ земли своей по крайней мѣрѣ двѣсти мѣрѣ пшеницы, деревяннаго масла или вина. Соломонъ, казалось, удачно благо разумно отъ правленія дѣлъ, людей малое въ общемъ благѣ участіе пріемлющихъ; разными законами возвращалъ Ареологау прежнюю его власть, и давалъ довольныя судьямъ власть и силу въ содержанію повиновенія и порядка: но въ самомъ дѣлѣ онъ далъ народу посползованіе презиратьъ и законы и судей. Позволяя переносить рѣшенія, опредѣленія и приказы всѣхъ судей въ шумныя народа собранія, не отдавалъ ли онъ чрезъ сіе всемогущій санъ полпу несмысленной, неосновательной, завидующей щастію богатыхъ, въ чинѣ пронырливаго чловѣка всегда вдавающейся, и всегда управляемой гражданами неспокойными и вѣдающими ласкать ея пороки? Не учреждалъ ли онъ подъ именемъ Димократіи истинное безначальство? Хотя бы сей законодатель обнародовалъ законы, касающіеся до всѣхъ частныхъ общества предмѣтовъ, и могущіе онаго содѣлать благоденствіе; но то бы было безъ успѣху, для того, что не

возможно было, чтобы ненависть, пристрастие, невѣжество и вспыльчивость, общенародныя колеблющія собранія, допустили учредить непреложныя правосудія правила. Власть законовъ противуборствовала власти народнаго суда, и вражда была опровергнута всѣмъ злоупотребленіямъ.

Соломонъ учредилъ Сенатъ, составленный изъ ста гражданъ, каждыя семь; и общество сіе, управляющее дѣлами, приготовляющее ихъ для народнаго собранія, и освѣщающее и предводительствующее народу въ его судахъ, принесло бы величайшее благо, если бы законодатель зналъ искусство сообразить такимъ образомъ власть его со властію народа, чтобы они, не испребляя одна другую, удерживались во взаимномъ равновѣсіи. Соломону надлежало бы умалить число частыхъ народа собраній. Сенатъ, (не считая чрезвычайныя созывы, дозволенныя требовать всякому суди и воинскому вождю) долженствующій собирать народъ четыре раза въ каждую Пританію, то есть каждые тридцать четыре дни не могъ быть въ почтеніи. Народъ видѣлъ его во близи и очень часто объ немъ судилъ. Соломонъ унижилъ его еще темъ больше, и сдѣлалъ его почти ненужнымъ, что позволялъ всякому пятидесяти лѣтъ гражданину рѣчь держать въ народномъ собраніи. Витійство

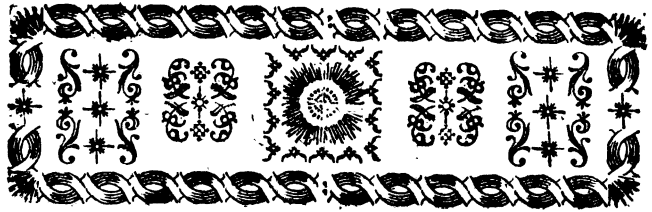
ество приобрѣло санъ, власть сената превышающій; и посредствомъ свойственнаго его искусству прехожденія заблуждало въ чуждыхъ предметахъ разумъ, и судейскую мудрость покоряло своевольству народа.

Соломонъ видѣлъ къ спыду своему мучительство *Дизистратонъ* возвышающееся на развалинахъ своего слабаго правленія. Хотя особливый причины съ тѣхъ поръ, какъ *Афинцы* паки приобрѣли свою вольность, побудили ихъ къ великимъ предпріятіямъ, и народу мудрое правленіе имѣющему почти невозможнымъ; но они доставляли имъ преходящую токмо пользу. Городъ сей, обожающій и злодѣйствующій великимъ дарованіямъ и добродѣтелямъ, не обрѣлъ другаго средства къ сохраненію своей вольности, не вредя темъ соревнованію, какъ ошибно служащимъ отечеству, ведичайшую удѣлять честь и достоинства, а чрезвѣрно ему служившихъ, наказывать изгнаніемъ *Острахисма*, по есть десятилѣтней ссыдки. *Ариетидъ*, по разбитіи *Ксеркса*, далъ законъ дозволяющій всякому гражданину спяжать судейскій санъ. И такъ правленіе имѣя еще больше пороковъ, нежели исходя изъ руки *Солона*, долженствовало еще большее производить зло, когда стремящее *Афиняне* къ добру упорство истребитсѧ.

КОНЕЦЪ ПЕРВЫЯ КНИГИ.

Г 5

РАЗ-

РАЗМЫШЛЕНІЯ
о греческой истории,
или
о причинахъ благоденствія и
несчастія
ГРЕКОВЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Солерничество Дѣинъ съ Лакедемонѣ. Разсужденіи о грабленіи Кимона и Перикла, о пойнѣ Пеллопонской. Паденіе Спартянъ; приобрѣтенное ими по Греціи пладычесто истребляется Оипянами.

Греки, прежде о себѣ токмо помышлявшіе и во своихъ внутреннихъ смятеніяхъ сухопутное токмо войско употреблявшіе, мадо о корабляхъ и

о мороплавателяхъ, служившихъ въ торго-
выхъ походахъ, имѣли попеченіе. Но Мидій-
ская война учредила у нихъ новыя коры-
сти и новую политику. Они опасались
ущенія Персидскаго двора; поношеніемъ
себѣ щипали служеніе своихъ поселеній
Ксерксу; и желая имѣть крѣпчайшую за-
щиту, и отвергнувъ себѣ входъ во Асію,
заключили съ оными тѣсный союзъ. Хо-
тя бы Греція не долженствовала Сала-
минскому бою своимъ спасеніемъ; но ко-
рабли свои почла бы она наибезопаснѣй-
шимъ противъ варваровъ оспѣшеніемъ, и
нужною связію для сопряженія многихъ
народовъ моремъ раздѣляемыхъ, для ихъ
сближенія и подавнѣя взаимныя помощи.

Сей новый родъ мыслей уязвилъ власть
Спарты присвоенную. Какую славу сію
республика въ Мидійской войнѣ ни приобрѣ-
ла, сколь хорошо она ни была основана, и
сколь давно имя ея ни славилось; но не и-
мѣя кораблей и довольноаго къ содержанію
флота иждивенія, снишда со своея возвы-
шенныя степени. Покровительство ея
внало во пренебреженіе, а Афинны, посред-
ствомъ своихъ многочисленныхъ кораблей,
привлекли на себя всѣхъ взоры, и завла-
дѣли, казалось, превосходствомъ свойствен-
нымъ еще ея соперницѣ.

Афинны пользовались бы маловремяннымъ
почтеніемъ, если бы Спартяне воздвигли
про-

зротивъ ея гордости и властолюбія дре-
внїя свои добродѣтели. Сїя безразсудная
республика, теряющая свое могущество
оного злоупотребленїемъ, скоро бы обстоя-
тельствами принуждена была воспринять
нижнее мѣсто, во Греческомъ союзѣ ея
занимаемом. Боязнь Ксерксова мщенїя,
была ложной ужасъ, скоро исчезнуть
опредѣленной. Асійскїя поселенїя, къ миру
привыкшія и ревнующїя ко своей вольности,
упомянута бы безпокоющимъ и мучитель-
нымъ Афинянь цокровительствомъ. Греки
изъ заблужденїя выведенные, узрѣли бы
свой проступокъ, что въ забвенїи оспа-
вляли государство, шесть сошъ лѣтъ мудро
ими управляющее, и не предались бы вож-
денїю народа обыкшаго, въ слѣдствїе по-
грѣшностей своихъ законовъ, дѣйствовать
своенравно и со пристрастїемъ, и немогу-
щаго предводительствовать дѣлами. Чемъ
бы Спартияне терпѣливѣ сносили обиду
причиняемую имъ раждающеюся Афинянь
властїю, темъ бы Греки скорѣе къ нимъ
обратились со всевозможною довѣренно-
стїю.

Не вѣдали они, что преходящее зло
надлежитъ сносить терпѣливо, и остере-
гаться, чтобы оное не усугубить безразсуд-
ными врачеванїями; не знали, что Государ-
ство приведенное перемѣною во смяненїе,
еще не погибло, коли оно свято наблюдаетъ
содѣлавшія его могущество узаконенїя.

За-

Зависть ихъ къ Аѳинянамъ приутоновила ихъ къ содѣланію неправосудія всей Греціи; и вмѣсто того, чтобы препоручить повелѣнія надъ войсками, опредѣленными войну производить въ Асіи, и поселеніямъ даровать свободу, вождю возбуждающему любовь и почтеніе ко власти своего отечества, они ввѣрили оное *Паксанію*, *Платейскою* добычею повредившемуся. Пріемляя мзду отъ Ксерксовыхъ наперстниковъ, онъ поступалъ съ равною противъ Грековъ надменностію и жестокостію, а съ Персами слабо и съ удовлешвореніемъ. Сіе возбуждало всеобщее возмущеніе; *Лакедемонъ* опшщевая всѣмъ Грекамъ за властолюбіе Аѳинянъ, не внималъ жалобамъ на вождя своего произносимымъ. Обременю, мнилъ онъ, что, да оное не свергнется.

Поступокъ сей былъ сравненъ съ поступкомъ *Аѳинъ*, гдѣ по изгнаніи остракизмомъ *Фемистокла*, *Аристидъ* и *Кимонъ* величайшую приобрѣли власть. Всѣ Греки, Пелопоннскихъ исключая, прибѣгнули къ ихъ покровительству; и дабы освободиться отъ *Паксаніева* мучительства, обѣщали Аѳинскому народу, довольствовавшемуся повелѣніемъ морскихъ войскъ, какъ *Спарта* сухопутныхъ на войну не ходитъ, какъ подъ ея предводительствомъ.

Хотя Лакедемоняне болѣе не помышляли о соблюденіи владычества въ Греціи

ци, тѣми же средствами кѣими они при-
обрѣли оное, а ослабленные Аѳиняне сво-
имъ щасіемъ, предавались обширнѣй-
шимъ надеждамъ; Греція однакожъ насла-
ждалася миромъ. Древній духъ союзнаго
правленія побуждалъ еще сихъ двухъ на-
родовъ, по ихъ привычкѣ, къ безчисленнымъ
стараніямъ, дабы угасить ихъ ненави-
сти. Сколь Греки къ городу, коего они
были граждане, прилѣплены ни были: но
непозволительнымъ еще щитали жертво-
ванія его корыстямъ корыстями всея
Греціи, общаго ихъ отечества. *Аѳины* и
Спарта, соперницы и почти другъ другу
злѣдѣи, довольствовались взаимнымъ при-
смотромъ и обезпокоиваніемъ; причинен-
ную обиду никогда со всемъ не заглажи-
вали. По примѣру другихъ городовъ, на-
зывали они себя *оцъ ноги, оцъ руки, оба гла-
за Греціи*; изъ того заключали, что по
истребленіи единыя, Греція будетъ *хро-
монога, безрука и хрипа*, и такимъ обра-
зомъ ужаснувшееся ихъ воображеніе охла-
дѣвало жаръ ихъ властолобія и зависти.

Къ тому же *Ахедемонъ*, медлитель-
ный въ своихъ рѣшеніяхъ, самымъ оныхъ
порядкомъ, и слѣдуя издревлѣ правиламъ
умѣренности и правосудія, не могъ вдругъ
предаться своему властолобію; не могъ
онъ отъ себя скрыть немощь свою во у-
вѣчиженіи непріятеля усугубившаго свои-
ми успѣхами свою къ себѣ доверенность

и свое мужество; могущаго, управляющаго всѣми Греціи силами, съ помощію своего флота дѣлать нападенія на всѣ части *Пелопониса*, непріятели предводительствуемаго въ сіе время людьми дарованіи изыщнѣйшихъ. Аѳиняне напротивъ того со ужасомъ должны были взирать на славу *Лакедемона*. Если по естеству ихъ правленія своею рѣшенія ихъ учреждало; то модное тогда на площади своею рѣшеніемъ было слѣпое повиновеніе градоначальнику, довѣренность ихъ приобрѣтшему; а послѣ своихъ великихъ по изгнаніи *Периклеса* дѣлъ, познавъ достоинство, не вѣрили они правленія людямъ не предвидящимъ въ какія бы бѣдствія война противъ *Спарты* ввергла ихъ отечество и всю Грецію.

Тимистокл Лакедемонянинъ ненавидѣлъ, и съ радостію зрѣлъ отечество свое, имъ управляемое, становящееся господствующею во Греціи державою, но не побудилъ онъ его отмстить оружіемъ первыя обиды Спарціанами ему содѣланныя. Величество его духа не дозволило ему сдѣлаться нужнымъ изыбною. Вѣдая, что Аѳиняне были народъ всегда щастіе свое во зло употребляющій, позналъ онъ, что удовольствовать его страстями, а не истиной его пользы, буде поставитъ его главою союзныхъ республикъ, коея всѣ движенія съ наивысшею расподгаеміи должны были быть осторожностію.

Аристид

Аристидъ, будучи добродѣтельнѣе *Семистокла*, своего предшественника, не имѣлъ другихъ политическихъ правилъ, какъ правила наистрожайшаго нравоученія, и чтилъ древнюю власть *Лакедемона*. *Кимонъ*, столь же добрый гражданинъ, какъ *Аристидъ*, всѣми силами старался разорительное сихъ двухъ республикъ утушить соперничество, и сохранить древнее учрежденіе Греціи. Властолубію согражданъ своихъ противоборствовалъ онъ съ успѣхомъ, возбудивъ войну въ Асіи съ Персами. Въ собраніи народа похвалялъ онъ простоту, воздержность и умѣренность *Спартянъ*, коихъ онъ самъ имѣлъ нравы. *Лаконія* потерявъ землетрясеніемъ двадцать тысячъ челоѣкъ, онъ помогалъ ей возстановить свой уронъ. *Илоты* и *Мессеніане* взбунтовались. А какъ вѣстий *Ефиалтъ* желалъ, оповдъ согражданъ своихъ отъ подаяннй имъ помощи, совершить паденіе *Лакедемона*, то *Кимонъ* объявилъ себя его покровителемъ, дабы возобновить согласіе между имъ и своимъ отечествомъ; побудилъ *Афинянъ* подать имъ помощь и простить имъ обиду, бывшую возмездіемъ ихъ великодушія: ибо *Спартяне* щитали ихъ тайными сообщниками своихъ взбунтовавшихся рабовъ.

Имѣя великія богатства, умѣренъ будучи въ домостроительствѣ, распочителъ въ дождя, онъ сопрягалъ непорочность и про-

Провидѣніе великаго градоначальника, со-
рѣдчайшими и нужнѣйшими воинскими
дарованіями. Заслужилъ необыкновенную
славу; одержавъ въ единый день двѣ по-
бѣды, въ морѣ и на сухомъ пути. Блиста-
ющія его въ Асіи дѣла приобрѣли ему въ
Аттикѣ злѣдѣвѣ; добродѣтели его и ве-
ликія дарованія спали подозрѣвать опа-
сными: и *Афинны* возымѣли довѣренность
къ человѣку предпріявшему и произведшему
въ дѣйствіе *Кимонско* паденіе. Сей былъ
Периклъ. Преизящная точность разума
предлагала ему всегда вѣрнѣйшія къ дости-
женію цѣли средства. Онъ имѣлъ даръ
усвоивать чуждѣйшія ему чувствованія,
понимать вѣдугъ многіе предмѣты, и
сообразжать ихъ съ величайшею точностію;
великій полководецъ, витій превосходный.
Никогда *Афинны* не имѣли гражданина
соединяющаго въ себѣ столько число удо-
бныхъ ко правленію народа дарованій: но
всѣ сїи великія качества, еще большему
Периклоу властолюбію служація, содѣ-
лали нещастіе его отечества и вся Греціи.

Онъ примѣтилъ, что въ слѣдствіе смѣ-
щенія безкорыстія и сребролюбія. инвердо-
еши и снизхожденія большая часть гра-
доначальниковъ, предшествовавшихъ ему
во правленіи дѣла, неосновательную пользо-
вались народа благосклонностію; а что
тѣ, которые во время своего правленія
пеклися о общемъ благѣ, во чрезмѣрное

Д

пали

пади нещастіе. И такъ вмѣсто того, что-бы быль въ половину добродѣтельными, и въ половину злодѣемъ, въ единомъ случаѣ народъ раздражать, а въ другомъ оказывать ему рабское почитаніе; но сдѣлалъ онъ себѣ непреложное правило, что-бы всемъ жертвовать своей ко правленію республикою страсти.

Надлежало ему привести въ забвеніе распочительныя *Кимнопы* подавнія; а *Периклъ* посредственное имѣя иждивеніе, восхотѣлъ быль госудасственныхъ богатствъ распочитель: онъ раздавалъ народу награжденія за присутствіе его при судѣ и представленіяхъ. Чернь получивши страсть къ суду, оставляла площадь шокмо для театра. *Солонъ* хотѣлъ, чтобы народъ былъ трудолюбивъ, и предписалъ *Ареопагу* навѣдываться о упражненіяхъ каждаго гражданина, и наказывать неработающихъ. Отецъ не научившій ни какому ремеслу своего сына, терялъ по законамъ естественнымъ надъ нимъ права, и не могъ во старости ни малья отъ него требовать помощи. Законодатель надѣялся безъ сомнѣнія, что упражняющейя въ рукомерствѣ народъ не столь часто будетъ находиться на площади, и предоставитъ больше власти сенату и судіямъ. Сіи намѣренія *Перикла* не пронули. Не помышляя о томъ, что изтребивъ охоту и привычку къ работѣ, праздность народа умножитъ и въ

когда

когда пороки Демократіи, оубо желалъ ше-
 переиниѣ его признаніемъ приблизить его
 ко своему благодѣшело. Чернь, всегда слѣ-
 пая и пристрастная во своихъ рѣшеніяхъ,
 уничтожила власть всѣхъ почти прав-
 пельствъ, и упражнялася на площади въ
 пополненіи, толкованіи, ограничиваніи
 и избѣжаніи законовъ, безъ дѣйствія чрезъ
 то остающихся: того шо *Периклъ* и же-
 лаалъ. Возвышаяся паденіемъ судейскія
 власти, и не хотя во правленіи препя-
 ствованіи бытъ ни какиѣ законамъ, съ
 радостію предвидѣалъ, что *Афинны*, среди
 празнествъ, зрѣлищъ, веселій, потеря-
 ютъ приличныя вольному государству
 нравы; что ненужныя художества бу-
 дутъ въ почтеніи; и что *Афиняне*, ош-
 ваченные отъ своихъ должностей, бу-
 дутъ наконецъ спяжать дѣшскую и опа-
 сную славу, бытъ въжливѣйшимъ и любез-
 нѣйшимъ Греціи народомъ. Чемъ меньше
 республика вниманіе свое на производство
 дѣлъ обращала, темъ болѣе оныя первый
 судія имѣлъ власти.

Сей хитрый *Афинъ* учитель зналъ,
 что не могъ онъ полагаться на благосклон-
 ность народа, если не будетъ непрестан-
 но стараться о своемъ утверженіи. Ве-
 ликоє его искусство состояло въ лобзаніи
 черни, налагая шемъ соперникамъ своимъ
 молчаніе и во избираніи предпріятій и-
 жбующихъ удачныя сдѣшвія. Сколь зна-

не имъ было: его красноречіе, непростимый случай Аѳинскія празнества, прервавшій, иссушившій источникъ его роскоши или неприятели, введшій въ *Аттику*, привелъ бы витія въ замѣшательство; а народъ зря токмо шеперещій мигъ, и судя по произшествіямъ, могъ бы яростію побуждаемъ низвергнуть обожаемаго имъ кумира.

Тогда не съ меньшею *Кимона* прискорбностію, но для другихъ причинъ, взиралъ *Периклъ* на успроившееся между одичества его и *Лакедемонца* соперничества. Если Спартяне, помышляя оныя, вспомоществуемы силами *Демолописа*, войну объявятъ; то самъ Аѳинскаго начальника будетъ для него чрезъ мѣру тяжкое бремя, и онъ можетъ быть изнеможенъ подъ тягостію войны предпріятой противъ народа, по мѣрѣ всѣхъ, непобѣдимого.

По примѣру *Кимона* овладѣлъ онъ ненавистію Аѳинянь къ *Лакедемону*, упражняя ихъ Персидскими походами: но самыя сіи успѣхи, чѣмъ они блестяще были, тѣмъ болѣе возжигали Спартянь зависть. Терпѣніе ихъ уже изнемогадо, взирая на побѣды своихъ неприятелей во Азіи; они упомялися слухомъ великихъ ихъ дѣлъ и хвалою Греціею имъ воздаваемою. Въ *Спартѣ* же мало находилось гражданъ, слѣ-

еобходительнѣхъ дрезвнѣхъ Лектурныхъ за-
 конамъ, о познаваніи ихъ вѣщныя. Брещіи и
 рическія своего корысти, и въ держаніи
 наблюдательнѣхъ и Снѣ слабая насъ народа
 не могла бы воспретити въ великую зрѣвнѣ
 ели бы Перикладъ не воспользовался наливъ
 вѣствъ поврежденія, Паламейского добычею
 въ Далекемъ и привезеннаго. Ежегодно
 рическыя бы шуды: десять: индлантовъ,
 развѣдъ бы въ вѣствъ и вѣствъ, монхъ бы под-
 купщикъ бы, и повѣдвалъ и вѣствъ мыслишь
 и говорашъ; какъ добрымъ людямъ.
 Не сей миръ способствовавшій: сперва
 Перикладымъ вѣственіамъ; сталъ на ко-
 нецъ нозма; для него самого не удобствомъ.
 Съ единныя стороны Персидская война вы-
 ходила уже изъ моды, хоти и предлагала
 безтрудныя побѣды и великую добычу:
 что, казалось, должно шовало бы удоволь-
 створить вугубой Афиняв склонности: но
 слава ихъ оружія и мкъ великолѣпнѣ ихъ
 зрѣвнѣ. Со другія стороны опасно было
 оставалъ республику со вѣствъ безъ дѣй-
 ствія. Недостаточно было ко упражне-
 нію вѣствныхъ разумовъ и ко движенію
 обмышкхъ, чтобы хвалить или порочить
 реатральное счиненіе, харшину, елишту,
 зданія; противорѣчить Ареопату, и вѣ рѣ-
 шить и вѣсколько частыхъ тяжевъ. Афи-
 нямъ надобны были непріятелі, войска
 въ полъ, усилія, уроны, надежда и бо-
 лзнь: и ихъ природное безпокоѣствіе пре-
 вденіе ими дѣлало труднымъ.

Но царство Персидска Афинскіе союзники не столь довольны были его правлениемъ, какъ Афиняне. Асійскія поселенія не порицали ни роскоши ни веселостей, въ томъ республика вдалася: но они темъ не довольны были, что празднества и зрѣлища дѣлались на ихъ деньги, и что Персидскій требовалъ отъ нихъ шесть сотъ талантовъ дани для бесполезныхъ гражданъ своихъ увеселеній; когда Кимонъ бралъ съ нихъ для Персидскія войны покло шестьдесятъ талантовъ. Персидскій поставилъ себѣ правиломъ приводить въ отчаяніе народы, не могущія безъ своей гибели взбунтоваться противъ Афинъ. Кроме того, что они союза между собою не имѣли, и что имъ по тому не возможно было дѣйствовать согласно, они никогда не были властолюбивы, и довольствуясь возвращеніемъ своей вольности, испросили они у Кимона, чтобъ имъ въ войнѣ, Грецію за нихъ съ Персидскимъ царемъ производимою помогать только деньгами и кораблями. Поселенія привыкнувъ чрезъ сія къ тишинѣ и сладостямъ покойной жизни, отвыкли дѣйствовать оружіемъ; а по справедливому Фукидилу примѣчанію, будучи истощены плащикою ими данію, не могли бы они избѣжать Афинскаго ига, если бы сей народъ восхотѣлъ съ ними поступать какъ съ подданными, а не какъ съ союзниками.

Пред-

Представляя справедливыя сихъ народовъ жалобы , какъ дерзновеніе неповольтельное и могущее изшребить повиновеніе , *Периклъ* легко ихъ содѣлаавъ ненавистными ; побудилъ Аѳиняиъ къ войнѣ , властѣ его утверждающей , обещающей имъ вѣрныя успѣхи и великую державу. Въ самомъ дѣлѣ , республика ихъ довольствуясь одержаніемъ побѣдъ и взятіемъ городовъ , во что бы то ни становилось , и не вѣдая своихъ корыстей , не примѣчала , что уничиженіе ея союзниковъ предвѣщало ей паденіе , и что ихъ бунты въ шу же приводилъ ее немощь , въ коей она находилась передъ начатіемъ Мидійскія войны.

Аѳины непримѣтно бы воспріяли второе мѣсто прежде сего въ союзѣ Греческомъ ими занимаемое , если бы сія война дѣлающая ее ненавистною , столь долго протянулася , чтобы союзники ихъ , отпадая по малу отъ ихъ союза , лишали ихъ своей помощи. Но *Аѳины* непрестанныя имѣли успѣхи ; а боязнь удерживала еще многія поселенія въ подданствѣ , какъ *Периклъ* возымѣлъ нужду дать республикѣ своей важное упражненіе.

Время настало отчеша его правленія : что было дѣло весьма щекотливое. Хотя онъ и не обогатилъ государственнымъ доходами , но наи отъ небреженія св его

споронъ, или отъ невѣрности со споронъ его подчиненныхъ, употребленныхъ имъ во правленіи государственныхъ доходовъ, что росходу великихъ суммъ показано не было, и что приходы республики уменьшились. Уничижительно было для *Перикла*, показанъ Аѳинянамъ казну ихъ въ безпорядкѣ; признавъ же, что разточеніе, празнества, игры, зрѣлища окончались разореніемъ республики и ея союзниковъ, было то же, что оныя порочить.

Весь свѣтъ знаетъ *Алкиадо* на сей случай слово. Пришедшу ему съ *Перикломъ* повидаться, говорятъ, что онъ ни кого не принимаетъ, будучи удрученъ дѣлами, и помышляетъ какъ ему давать отщепъ. *Какъ онъ меня послушалъ*, отвѣтствовалъ *Алкиадъ*, *то бы скорѣе помышлялъ, какъ ему не давать отщета*. Шутка сія послужила *Периклу* совѣтомъ; и онъ сталъ помышлять, какъ бы отъратить Аѳинянъ вниманіе отъ ихъ домашнихъ дѣлъ какимъ либо внѣ *Аттихи* предпріятіемъ. Къ несчастію его ни единъ сосѣдственный Государь не смѣлъ промуться. Единые устрашены будучи жестокаго наказанія примѣрами, Аѳинянами данными; другіе удерживаемы темъ, что *Лакедемонъ* не беретъ въ ихъ дѣлахъ участія и медлительностію дѣйствій сея республики; заграждали свое мщеніе ожидая удобныхъ случаевъ, и *Периклъ* доведенъ былъ до крайности раз-

дра

дражать зависть самих Спартянъ, коиъ онъ боится.

Вѣдая, что Коринѣяне не позабыли еще обиду, Аѳиняни имъ содѣланную въ едѣ окончанной Коркирской войнѣ, онъ надѣялся, что осаждая *Птидею*, важное для нихъ мѣсто, онъ ихъ принудитъ принять оружіе. Въ самое то время, какъ онъ ведомому изъ сильнѣйшихъ въ *Пеллопони* народѣ содѣлываетъ обиду, то уже болѣе въ *Лакедемонѣ* денегъ онъ не посылаетъ; а наемники его опмстивъ ему могущія, продолжая согражданъ своихъ побуждать къ миру, умолкли не къ сташи и *Периклу* услужили.

Спартяне ни малѣйшимъ въ ненависти своей не удерживаемые препятствіемъ, созвали общее своихъ союзниковъ собраніе, дабы разсуждать о состояніи *Пеллопони* и обр опасностихъ Греціи угрожаемыхъ. Коринѣяне съ великимъ предъ всѣми гово- риди жаромъ. „Спартяне, сказали они, вы естѣ избавители Греціи, вы ее по- кровители: но или сложите съ себя сіе на- званіе, или спѣшите избавлять насъ отъ золъ нами претерпѣваемыхъ, и кои вы предупредить долженствовали. Время уже, чтобы ваше чистосердечіе не было болѣе игралищемъ Аѳинянъ властолюбія. Не ожидайте къ отмщенію нашему, что бы ваше истребилоса могущество. По-

Д 5

„знай-

„знайте Аонияв : они вольности себѣ
 „шюкмо желаюшъ , и сушъ главѣйшїа
 „Грѣдїи злодѣи. Всегда смѣлы, всегда пред-
 „прїимчивы , всегда поспѣшны къ дѣй-
 „ствїю , успѣхъ , уроиъ , все усугубляешъ
 „равнобѣрно ихъ довѣренность и власто-
 „любїе. Они мнѣшъ , что республика ихъ
 „приходитъ въ упадокъ , коли не увеличи-
 „вается. Нынѣ уже почитаютъ они себя
 „повелителями городовъ имъ надобныхъ ,
 „и кои они покорить вознамѣрились. Что
 „вы Спартяне противопоставляете сему
 „нетерпѣливому властолюбїю ? Чрезмѣр-
 „ную медлительность. Что будетъ ея
 „плодъ ? Отпаденїе вашихъ союзниковъ и
 „возвышенїе вашихъ непрїятелей. Остав-
 „шись наконецъ со своими токмо силами,
 „вознамѣритесь , но уже поздно , избѣжать
 „жребїи многими испытанный народами.
 „Города нынѣ васъ молящїа , покоривши-
 „ся тогда Аониянамъ , помогутъ имъ васъ
 „удручить. Или боги напрасно челоуѣку
 „дали даръ предвидѣть будущее , науча-
 „ясь прошедшему ? Дабы умѣренныиъ быть
 „противу непрїятеля , непрестанно вамъ
 „содѣловающаго обиды , не будьте непра-
 „восудны къ вашимъ союзникамъ , служитеъ
 „вамъ желающимъ. Вы намъ покровитель-
 „ствомъ вашимъ долженствуете. Въра со-
 „юзныхъ заключенїи и клятвенное обѣ-
 „щанїе , принуждаютъ васъ ко оному , и
 „мы желаемъ зрѣть оныхъ дѣйствїе нынѣ,
 „для вашей собственной пользы. „

Ош-

Оспиривленные въ сіе собраніе Афиняне послы, сходственно поступили съ Перикломъ и на мѣреніяхъ. Говоря неушвердительно о своемъ желаніи мира, дабы не показаться, если по возможно, войнны начинщиками, не содѣлали предложенія показующаго ихъ желаніе вступить въ переговоры, удовольствоваться обидами, и впредь разумъ обнадежить. Непрестанно воображая *Маратонское* и *Саламинское* сраженія, не сокрыли, что республикѣ, два раза Грецію спасшей, принадлежитъ по справедливости надъ оною владычество. Издревле бываетъ, сказали они, что сильнѣйшіе повелѣваютъ; не мы предписали сей законъ: онъ во природѣ свое имѣетъ основаніе. По ихъ мнѣнію надлежало бы думать, что величество повелѣнія, унижается умѣренностію, правосудіемъ и благодѣланіемъ. Сія грубая рѣчь и достойная Персидскаго Сатрапа, рабамъ говорящаго, возбудила негодованіе людей бывшъ вольными хотящихъ; а *Аалександръ* объявилъ, что въ покровительствѣ свое онъ беретъ *Коринѣвъ*, *Потидею*, *Егину* и *Мегару*.

Периклъ, коему все удавалось, пользуясь снѣмъ *Спарты* поступкомъ побудилъ Афинянъ воспринять крайнее мѣреніе. Изображая ложными чертами ея и всѣхъ Пелопонескихъ городовъ поступокъ: „Теперь то, говорилъ онъ тщеславнѣйшему и горднѣйшему во всей Греціи народу, „не

„не, надлежитъ оказывать подданство тин-
 „хожденія къ рабствамъ Лакедемонянъ.
 „Если бы они насъ не ударили, оставили
 „Потидаю, освободили Египту, и оуи были
 „содѣданное нами прощия Мисирю предъ-
 „ление, то бы мы могли бытъ могли,
 „безъ собственнаго вреда, выиграть нашу
 „уифрность. Но какъ Лакедемонъ мнитъ,
 „что онъ имѣетъ прежде еще владѣте-
 „льство, и для того повелѣваетъ, что Афи-
 „ны, дабы не обезсладившись, не должны
 „имъ повиноваться. Если вы угроженію
 „войны уступите, то они подумаютъ,
 „что васъ объялъ страхъ; они новья сдѣла-
 „юща вамъ требованія, кои вы отиешче-
 „те, дабы ихъ не подвергнуться игу.
 „Нынѣ можете вы отдалить опасность
 „вамъ угрожающую, оказывая свое мо-
 „гущество: темъ вы устранили своихъ
 „союзниковъ, темъ вы научите, на всегда
 „Лакедемонянъ, какой успѣхъ они ожи-
 „даютъ должествуютъ отъ своей гордо-
 „сти; но завше будетъ можетъ бытъ
 „уже поздно. „

Едва Афины и Лакедемонъ войну начали,
 какъ уже не было надежды, чтобы кон-
 чнымъ единыя изъ сихъ двухъ республикъ
 испребленіемъ могло возобновиться древнее
 Греческое союзное правленіе, и пребыть.
 Хотя частныя Перикловы и Коринянъ
 хорысти къ воспріятію побудили оружія,
 но въ самомъ дѣлѣ соперничество Спарты
 и

И *Ахей* было сея войны виною. Она дост
 будила загражденную, но неиспребленную
 зависть; а чемъ Спартиане и Афиняне были
 храбрѣе, темъ ненависть ихъ усугубляясь,
 спалоивалась неуподимою. Первое неприя-
 тельское дѣйствіе было вѣчный распрѣй
 источникъ. Въ Монархіяхъ, содѣланная
 имъ обиды избытца могутъ, для того,
 что Государь, удѣляетъ нравъ свой народу,
 и можетъ быть ни меншшелевъ, ни вла-
 столюбивъ, ни завистливъ. Но въ респу-
 бликахъ, народомъ управляемыхъ, какіе
 были тогда во Греціи, могъ ли градонач-
 альникъ противоборствовать стремленію
 народнаго мнѣнія, и оное обращать во
 другую сторону? И такъ Греки другія
 политики не имѣли, какъ политику своихъ
 страстей.

Съ такимъ то разсужденіемъ должно
 было *Периклу* начинать и продолжати свои
 дѣйствія. Надлежало узнать, что будетъ
 предѣлѣтъ, пружина и цѣль войны. Ложному
 бы повѣдовалъ онъ правилу, если бы все зло
 оиъ войны происходящее устремилъ онъ
 на *Мегару*, *Егину* и *Потидею*. Сожигая
 Коринтскія корабли и жатву, не рѣшилъ бы
 онъ, кому достанется владычество Греціи,
 за которею однако же войну начинали. *Ахей*
 должно было устремляться прямо на
 свою соперницу, коея паденіе привело бы къ
 провиненію всѣхъ ея союзниковъ. Но *Пери-
 клъ* обладалъ единою нѣмкою ко правленію
 снечеснѣемъ страстною, опасался, чтобы
 не

не идаться въ великія неудобства, или себя не обуздать, предлагая намѣреніе уничтожить Спартянъ и принудить ихъ Аонивъ признашь превозходство. Если бы онъ единъ токмо разъ сей ошважной выдалъ надеждѣ, то бы не въ силахъ уже былъ оное оставить, не обезславя себя и не потеряя своея власти. Онъ содѣлалъ неутвердительное расположеніе, дабы имѣть свободу переимѣнять намѣреніе по обстоятельствуамъ, или впередъ или назадъ, по своей волѣ, и ежедневно лучшія для своихъ намѣреній избирать средства.

Лакедемоняне не лучшей себѣ во предпріятій ими войнѣ дали отчетъ. Когда бы имъ успѣвать должно было въ начинаніи непріятельскихъ дѣйствій, дабы предупредить своего непріятеля; но они много потеряли времени въ безплодныхъ переговорахъ. Отправленные ими въ Аонимъ послы, по требовали удовлетворенія не знаю какому богохульному дѣлу, въ чемъ на нихъ Делфійскіе жрецы жаловались, то возбуждали ихъ оставить осаду *Потидеи*, возвратитъ вольность *Егинетамъ* и *Метарямъ*; или предлагали, чтобы заключить практатъ, кои бы всѣ обязались не дѣлать ни какого предпріятія предосудительнаго Греческой вольности. Видно этого, чтобы почищать непріятелями Аоническихъ только союзниковъ, упорно держащихся своихъ прежнихъ обязательствъ, они просперли свою свирѣдость и на нихъ,
вои

ком тихо ожидали призыву и помощи, для сверженія Аѳинскаго ига. Проступокъ сей былъ весьма великъ: однакожъ онъ былъ не главнѣйшій изъ содѣланныхъ Спартянами проступковъ. Въмѣсто того, чтобы войну вести подъ видомъ, что за Греческую Юни вступаются вольность, они снизкивали Персидскаго двора дружбу, и отдали ему Асійскія поселенія, коимъ *Кимонъ* возвратилъ вольность; а чрезъ то не заслуживали ли они ненависть, а можетъ быть и презрѣнїе Греціи?

Лакедемонскіе и Аѳинскіе полководцы употребили во производствѣ сего войны безъ сомнѣнїя всевозможное искусство, и нѣ въ нихъ судить не доваѣтъ: но и по правда, что Исторія мало войнъ описываетъ, коей бы главная цѣль споль безразсудно была приутошовлена и достигаема. *Демосгенъ* упрекалъ во другое время Аѳинянъ, что они съ *Филиллоубъ* воюютъ такъ, какъ варвары въ кулачки бьются. „Если кто изъ сихъ „грубыхъ бойцовъ получитъ ударъ, то „онъ о немъ только и помышляетъ. По „другому ли мѣсту его ударятъ; онъ за „оное рукою хватаетъ: но удаляетъ у- „дары, но взираетъ неустрашимо на сво- „его непріятеля и его предупреждать, „онъ не умѣетъ и не дерзаетъ. Вы та- „ковы же, Аѳиняне! Коли вамъ скажутъ, „что *Филиллоубъ* въ *Херсонесѣ*, то вы пове- „дѣваете подавать ей помѣць. Если вы „узнаете, что онъ занялъ *Фермолилы*, „поже

тоже и для *Сермолий* повелѣваете. Если онъ обращаетъ стопы своя въ какую либо сторону, то вы за нимъ слѣдуете, какъ его наемники и подчиненные. Но вѣдайте, что какъ полководецъ предшествуетъ войску, такъ и политика должна дѣлать предшествовать?»,

Афинны и *Лакѣдемонѣ*, заслужили въ Пелопонисскую войну таковыя укоризны. Безпрестанно перяли они другъ друга изъ виду, и ничего рѣшительнаго не принимали. Единая никакого не предпринимала намѣренія, пока другая не выступила въ полѣ. Дѣлали набѣги въ *Аттику* или *Лаконию*, и всѣ ихъ предпріятія были нѣкоторымъ образомъ спычки, а не главное сраженіе. Въ то время, какъ *Архидамъ* на *Платею* и на *Акарнанію* нападетъ, *Афиняне* стремятся въ *Калкиду* и *Вотидею*. Сколь скоро нѣкоторой изъ его союзниковъ взбунтовался, то все ихъ вниманіе обращается въ ту сторону. Война производится то въ островѣ *Леспѣ*, въ землѣ *Мегарскій*, въ островѣ *Корхирѣ*; то въ *Етоліи*, въ *Беотіи* или во *Фракіи*. Начиная разныя предпріятія каждая республика раздѣляетъ свои войска и не можетъ пользоваться своими выгодами. Съ единыя стороны бываетъ щастіе, со другія нещастіе; успѣхи противоборствуемыя бывають почти равными уронами. Въ немошь пришедшія *Афинны* и *Лакѣдемонѣ*, не

не могутъ другъ другу предписатьъ зако-
на; но ненависть ихъ усугубляется и лю-
тѣеишъ отъ немогущихъ ей удовлетворити
усилій; а бесплодное ихъ властолюбіе пре-
ломляетъ наконецъ чувствительнымъ об-
разомъ всѣ пружины Греческаго правленія.

Если бы *Периклъ* долѣе прожилъ; то
вѣроятно, что бы *Афинны* не впади во пре-
зрѣніе, въ кое ихъ ввергнули его преемники.
Сколь предпріятія его ни были противны
корыстямъ его отечества; но онъ ихъ
исполнялъ съ нѣкимъ блескомъ и муже-
ствомъ; народъ ослаблять могущими: Мо-
гло бы случиться; что сей мужъ, когдѣ
Греція по справедливости удивлялася пре-
восходнымъ дарованіямъ; возымѣлъ болѣе
сѣбѣости; видя Спартянъ ошибки; ме-
длительность и чѣрѣшимость; могло бы
случиться; что онъ не опасаяся болѣе ни
чего, восхотѣлъ бы окончать рѣшителъ-
но распри сихъ двухъ республикъ; вели-
кое зло взаимно себѣ содѣлавшихъ; и коимъ
для того не можно было престать нена-
видѣть другъ друга. Правленіе его содѣлало
Грецію смертельную язву; а смерть
его въ третій годъ сей войны воспослѣ-
довавшая, ни малыя не оставила наде-
жды къ дѣйствительному оныя излѣче-
нію. Во преемники *Периклу* представилъ
толпа людей маловажнымъ властолюбіемъ
побуждаемыхъ; кои не имѣя ни какихъ
дарованій, ни свѣденій, ни сердечнаго пра-
вды,

воини, ни возвышенія разума, думали и что будучи только пронырливыми, удручая достоинством и лаская пристрастіем народа, они могутъ управлять республикою.

Периклъ удалялъ всегда со тщаніемъ людей достойныхъ, прѣобщая ко производству дѣлъ подв своимъ повелѣніемъ людей, токмо ему преданныхъ, и немогущихъ возбудить его подозрѣнія; но сіе не единая была причина истребившая въ *Афинахъ* разумъ превосходный, или удалившая его отъ правленія республики. Законъ *Остриксма* не производилъ сперва худыхъ дѣйствій, для того, что граждане привыкли любить славу и вольность; и сколь долго то продолжалось, что для приобрѣтенія почтенія въ *Афинахъ* надлежало имѣть дарованія великаго политика, столь долго и безбоязненно подвергались они изгнанію и неблагодарности своихъ согражданъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ *Афиняне* подв правленіемъ *Перикла*, пристрастилия къ философіи и ко свободнымъ художествамъ, такъ, что отличившимся въ оныхъ, равно съ великими полководцами и съ великими градоначальниками оказывали почтеніе; то разумные люди, увидя безопасный путь отверстый ко славѣ, стали мыслить, какъ отецъ *Семистокловъ*, который со прискорбностію взиралъ на стяжаніе сына своего чиновъ въ республикѣ неблагодарной и подоряющей достоинство

достоинство обманчивыми токмо награжденіями. Онъ иногда водилъ, говоритъ *Плутархъ*, сына своего на берегъ моря, и показывая ему старыя суда гнѣвию преданныя, уподоблялъ ихъ великимъ гражданами, въ небреженіи всегда остающимися, сколь скоро они уже не нужны. Всякій честный человѣкъ долженствовало такъ думать въ такомъ городѣ, гдѣ честолюбіе прониранными людьми во презрѣніе приведенное, съ любовію ко славѣ не сопрягалось.

Да и весьма бы трудно было, чтобы Аѳиняне способны были къ великимъ дѣламъ, упражняясь въ веселіяхъ, играхъ, празнествахъ и зрѣлищахъ, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ сребролюбіе и роскошь съ союзниковъ ихъ дань собирало. Могущество ихъ въ морѣ, оградою Греціи быть долженствовавшее, служило, говоритъ *Ксенофонтъ*, ко изощренію ихъ склонности ко сладострастію; на столѣ ихъ находились всѣ рѣдкости и изящности *Сициліи*, *Италіи*, *Кипра*, *Египта* и береговъ *Елмеслонта*. Предавшагося роскоши города, нравы могутъ произвести человѣка любезнаго, но не великаго мужа.

Какъ бы то ни было, *Клеонъ*, о которомъ всѣ историкки говорятъ со презрѣніемъ, прибрѣлъ нѣкоторое превосходство надъ всѣми тѣми, кои воскошѣли овладѣть

властію *Перикломъ* приобрѣшенною. Ща-
 стіе его вперило во пронырливыхъ людей
 увѣреніе; къ возвышенію своему или ко
 испребленію своего соперника, они употре-
 бляли токмо хитрость, ласкательство,
 ложь, клевету, и всѣ подлыя средства
 служащія въ поврежденной республикѣ къ
 достиженію достоинствъ; но въ оныхъ
 поддерживать не могущія, развѣ оная до-
 знала до вершины поврежденія. Воспрево-
 женный народъ ухищреніями и составив-
 шимися дабы его обманывать партіями,
 свергнувъ на конецъ иго лѣности, съ ко-
 ею онъ предавался гражданину довѣрен-
 ность его приобрѣшшему. Онъ не пола-
 гался болѣе ни на кого, всегда остерегался,
 сталъ неговорчивъ, и не могъ управляема
 ни бытъ управляемъ.

Клеонъ ввергалъ уже республику въ не-
 щастіе, какъ знатнѣйшія граждане, ко-
 ихъ онъ сталъ злодѣй, желая снискать
 благосклонность черни, возбудили ему со-
 перника; но лучше *Никія* къ сему никого
 не сыскали, которой отъ чрезмѣрныхъ за-
 естѣнчивости боялся народного присуд-
 ствія. Изъ сего можно видѣть, сколь
 онъ былъ способенъ къ тому, къ чему его
 опредѣляли. Онъ имѣлъ добродѣтели, ве-
 ликія дарованія, краснорѣчіе; но незнаю
 отъ нѣкоей робкой къ себѣ недовѣренно-
 сти, не смѣлъ показать себя такимъ,
 каковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Съ ну-
 жною

мною своею наглостію, *Клеонъ* угнѣшалъ *Никіто* смиренномудріе; единому прощался грабежъ, а другаго безкорыстіе и непримѣтно было. Храбрый воинъ; но раздумчивый вождь; всякое препріятіе *Никіто* казалося невозможнымъ; когда же онъ начиналъ наконецъ дѣйствовать, то способный къ тому мигъ уже прошель. Онъ только сомнѣвается, размышляель; а едва рѣшился начинатьъ, какъ ему лучшее средство представляется, которое онъ такъ же для другаго отнѣмаетъ. *Клеонъ*, напротивъ того, не сомнѣвался ни въ чемъ; мудрое или отважное предпріятіе, благоразумныя или безразсудныя средства, все ему было равно. Наконецъ всѣ *Аонины* не рѣшившіяся или раздѣленныя между добродѣтелями, и застѣнчивыми качествами *Никіт*, и *Клеонопыли* пороками и безстыднымъ сумозбродствомъ, не дерзали принять намѣренія, а если что дѣлали, то худое къ тому избирали средство.

Скоро потомъ совѣтникомъ ихъ спалъ *Алкипадъ*. Онъ не былъ человекъ честлюбивый, но щеславный, желающій, чтобъ объ немъ знали и чтобъ объ немъ говорили. Храбрость его, краснорѣчіе, все въ немъ украшалось пріятностями. Вдавшись сладостямъ пированія и любви, наблюдая пріятности и нѣкоторой выборъ во нравахъ, всегда ихъ паденіе пред-

вѣщающій, казалось, что онъ для отдохновенія только отъ веселія вступался въ дѣла республики. Разумъ имѣлъ онъ великаго мужа; но душа его пришедшая въ немощь постоянное имѣши прилѣжаніе, ввдымалася къ великому токмо мгновенно. Трудно повѣрить, что человекъ довольно гибкій, дабы въ Спартѣ быть столь суровымъ и строгимъ какъ Спартянинъ, въ Іоніи столь веселія изыскивающимъ какъ Іоніанинъ, который во Фракіи примѣры подавалъ грубости, а въ Асіи превосходилъ выборомъ своей роскоши Персидскаго царя *Сатраполъ*, могъ бы быть великимъ мужемъ. Хотя онъ и ходилъ въ Сократово училище; но сомнительно, былъ ли онъ увѣренъ, что во свѣтѣ есть иное благо и зло иное, какъ его веселія и его печали. Всякъ знаетъ, что ему сказалъ *Тимонъ Нелюдимъ*: *не унывай другъ мой, я радъ, что ты въ народѣ снискалъ благосклонность; буди у пещръ въ чести, ты за меня отъ стужи нашихъ глупыхъ Афиняномъ.* Въ самомъ дѣлѣ все уже пропало, когда человекъ *Алхивіадоп* нрава, предводительствуетъ дѣлами. Пріятности смягчаютъ видъ пороковъ; паденіе нравовъ, причиняетъ паденіе законовъ; пріятныя токмо дарованія бывають поощряемы и въ почтеніи, а правденіе будучи безъ правила, дѣйствуетъ по своенравію.

Съ такими правителями, Афиняне предпринимали токмо неистовыя и не соборъ.

ображенныя намбренія. Многія союзники, оубъ нихъ оппали, другія являли, то же намбреніе; и по десятилѣтней войнѣ *Амфилохасе* сраженіе не истребило ихъ щещную надежду владычествовать во Грецію. Лакедемоняне со своей стороны, не отрицая властолюбія, утомлялися войною въ разореніе ихъ привелшею. Рабы ихъ бѣгали отъ нихъ ежедневно, надъ союзниками же своими они уже не имѣли прежней власти. *Клеонъ* и *Брасидъ*, сіи вѣчные мира злодѣи уже умерли. Тревожащіися войны опасностями и переѣнами *Никій*, желалъ въ покоѣ пользоваться приобрѣтенною имъ властію; а *Плистінахъ* Спартянской царь тысячу имѣлъ особенныхъ причинъ, дабы спараться утѣпокомить Грецію.

Спартяне и Аѳиняне сдѣлали наконецъ перемиріе; а мирное заключеніе свящѣйшими клятвами утвержденное, слабый бы былъ залогъ общественнаго тишины. Исполненныя всегда властолюбіемъ и недоверенностію, сіи два народа не токмо не соединяли своихъ силъ, такъ какъ они условилися, дабы послѣшить во исполненіи заключеннаго ими трактата, къ воому союзники ихъ приступить отрицалися; но мзискирали напрошивъ того средства, дабы нарушить свои обязательства. Они себѣ поставили правиломъ, взаимной себѣ вредъ дѣлаши вредъ; и не заирая на свой

сююъ, будучи всегда войну начать гораз-
вы, наслаждались щокмо сбманчивымъ ми-
ромъ; какъ *Аонины* и бѣжимъ пораженные
безуміемъ содѣлавъ себѣ внезапно услаіе,
ужасное собрали войско, дабы овладѣтиъ
Сихлието.

Давно уже сіе завоеваніе, прельщало
Аонины властолюбіе, и *Периклъ* со всею
своею властію, едва ихъ могъ удержатиъ
отъ сего предпріятія. „Что вамъ дѣла,
говориавъ *Никитъ*, до *Сихлией*? Мы уже дав-
вно испытываемъ, что республика упо-
мляется множествомъ своихъ союзниковъ,
Правда, что *Аеонтиде* и *Егестиде* живутъ
въ безпокойствіи, и послы ихъ справедли-
вые приносятъ на мучительство *Сира-
кусы* жалобы; но мучительство сіе какъ
кимъ *Аонинамъ* угрожаетъ несчастіемъ?
Время ли тогда помышлятиъ объ отда-
ченныхъ завоеваніяхъ, когда все насъ по-
буждаетъ стараться о собственной безо-
пасности? Можно ли повѣрять, что мы
миромъ наслаждаемся, когда вся Греція
въ огнѣ? Желая всегда почти принятиъ
участіе въ войнѣ нашихъ союзниковъ съ
Лакедемонянами, или для того, что мы
не умѣемъ снискать въ нихъ повиновенія,
или для того, что мы не хотимъ, чтобы
они намъ повиновались, мы увѣрены,
что *Спартияне* насъ ненавидятъ; какою
же неосновательностію побуждаемы хо-
пимъ мы превъспитиъ славу наши въ
дѣлѣ

„*Аттики* въ такое время, когда бы мы
 „они призвать должныствовали, если бы
 „они отъ насъ ошдалены были? или мы
 „хотимъ немощію нашею побудить не-
 „прішелей нашихъ, къ нарушенію обяза-
 „тельства ихъ безпокоющаго? Или мы хо-
 „тимъ прити въ несостояніе противип-
 „ся войскамъ *Пеллопониса*, когда ония всту-
 „пятъ въ *Аттику*.

Афиняне не были уже способны слу-
 шать сіи мудрыя разсужденія; *Алкивиада*
 исполнилъ ихъ несмысленными надежда-
 ми: предвидѣть препоны и опасности
 сего отважнаго предпріятія, было бы дѣло
 жудаго гражданина. Республика столь же
 прискучившая перемиріемъ съ *Лакедемономъ*,
 какъ утомленная войною, ласкалася воз-
 становить на щетъ *Сиракусли*, уровни
Спарты ей причиненныя. Она не сомнѣ-
 валася, чтобы покореніе *Сихили* не могло
 окончатся въ единое лѣто, и взирая на
Сиракусу, какъ на мѣсто военныхъ своихъ
 снарядовъ, откуда распространитъ она
 владычество свое надъ *Италією*, и надъ
Африкою, готовилась уже нападать на *Пе-
 ллопонисъ* съ соединенными съ покорен-
 ныхъ земель силами.

Сколь предпріятіе сего войны было са-
 мо по себѣ несмысленно, столь и выбра-
 нные ко исполненію онаго средства были
 сумозбродны. Передъ очѣвѣдомъ своего

К 4

Флосса,

Флота, Афиняне опредѣлили, чтобы по разореніи Сиракусы и Селинунта, жители ихъ были проданы, а съ другихъ Сикилин городовъ взята бы была дань. Чрезъ сіе побуждали они Сиракусянъ и Селинунтянъ защищаться до самыя крайности; а приводя ихъ въ отчаяніе, они ихъ дѣлали непобѣдимыми, если имъ къ оному оставалось средство. Чрезъ сіе отвлекали они отъ себя сердце Сикилианъ, отметали ихъ помощь пропавъ Селинунта и Сиракусы, единую имъ съ сими двумя городами влагали корысть и единое съ ними побуждали защищать отечество.

Какъ Афиняне уже *Демистокла* не имѣли, которой бы своею мудростію и своими великими дарованіями могъ совершить худо начатое предпріятіе: то война сія пополику когда нѣкоторую успѣха подаетъ надежду, поелику оною производить будетъ *Алксиадъ*, коего храбрость и разумъ могли произвести странныя происшествія, чрезвычайныя переменны, неожиданныя счастья удары разумъ въ замѣшательство приводящія, и переменяющія естество вещей. Но едва вождь сей присталъ ко брегамъ *Сикилии*, какъ злодѣи его погубленіе его умыслившія и привлекшія на свою сторону священниковъ и вѣру, устроили его возвращеніе, обвиняя его передъ народомъ во злодѣйскомъ преступленіи. *Никій* почтившии нѣкоторымъ изумленіемъ своихъ

ср.

согражданъ войну сію, раздѣлилъ полководство съ *Ламахоу* воиномъ препримчивымъ, мнящимъ что все онъ превозможетъ упорнымъ мужествомъ, и что къ дѣйствию способнѣйшія обстоятельства сушь тѣ, въ коихъ онъ находится.

По смерти сего вождя *Никій* уболся войскою единъ предводительствовать; противорѣча всегда *Ламаху*, онъ принужденъ былъ имѣть какое либо имѣніе: но никакого уже не имѣлъ, какъ все въ его осмалось вѣдомствѣ. Онъ просилъ помощи и товарищей; а ихъ ожидая оставался безъ дѣйствія или помышлялъ о возвращеніи. *Демосфенъ* и *Евримедонъ* были къ нему присланы; а сіи вожди будучи весьма несходныхъ нравовъ, и по тому несогласны, не имѣли бы успѣха въ наилегчайшемъ предпріятіи.

Сиракусяне вспомошествоуемыя Коринѳянами и Спартянами, и подв предводительствомъ *Гиллила* освободили городъ свой отъ осады. Многократно разбитые въ морѣ и на сухоу пущи Аѳиняне, и заключенные нѣкоторымъ образомъ въ *Скилліи*, гдѣ они не могли ожидать привозу свѣспныхъ припасовъ, и откуда имъ не возможно было укрышья, принуждены были предаться власти непріятеля. Воины были проданы какъ рабы, или посланы въ каменоломную работу, а полководцы ихъ, *Никій* и *Демосфенъ*, избѣжали угошоваенныя имъ казни, предавая сами себя смерти.

Пе-

Перемиріе между *Аѳинъ* и *Лакедемонъ* уже прошло; а первая изъ сихъ республикъ будучи устремляема, шакъ сказать, слѣдымъ рокомъ ко своей погибели, внимада шокмо ненависти и опвагѣ, вмѣсто того чшобы ей весьма полезно было, снисходительной бытъ ко древнимъ своимъ непріятелямъ. Спартяне подавали слабую *Сиракусъ* помощь, коея послаи сильныя просиаци диверси; они противилися еще своей ненависти и *Алкипиадопымъ* пронырствамъ, копорой мстя своему опечеству, спарался возбуждать ему непріятелей. Вмѣсто того, чшобы пользуясь такими расположеніями превратить перемиріе въ основательный миръ, Аѳиняне зная свои въ *Сицили* худыя успѣхи, сами начали непріятельскія дѣйствія, нападая на *Лаконію*.

По чрезвычайныхъ расходахъ и уронахъ въ *Сицили* ими претерпѣнныхъ, республика ихъ не могла уже противипися *Лакедемонянамъ*. Казна ихъ была истощена; людей могущихъ носить оружіе, у нее не было. Не имѣя ни кораблей, ни мапровокъ, едва въкоторое мореи получала пропитаніе; *Аттику* уже не пахали сѣпѣхъ поръ, какъ *Лакедемоняне* по совѣту убѣгшаго къ нимъ *Алкипиада*, укрѣпили *Декалію*, опікуда они безвозмездно опустошали всю землю. Презрѣнные союзниками своими Аѳиняне, оставлены были и шѣми, кои имъ до сихъ поръ были вѣрны. *Спарта*,
коей

всей Сиракусяне опмщевая сами себя, - дали многочисленный флотъ, владычествовала по своей чредѣ въ морѣ, а послы Тисаферна Сатрапа мадыя Асіи, общаваши ей помощь, и требовали конечнаго *Аѳинѣ* разоренія.

Среди толкиихъ бѣдъ, жесточайшія между Аѳинянъ возстали несогласія. Народъ обвинялъ богатыхъ, во всѣхъ республикою терпимыхъ нещастіяхъ. Богатые ставили пому виною наглость народа, и говорили, что не будетъ уже пущи къ спасенію, если у него не отымется власть, которую онъ не прѣстанетъ употреблять во зло. *Писандръ* ихъ глава, уничтожилъ народное правленіе и препоручилъ самодержавную власть совѣту, коего онъ былъ начальникъ, и которой желая утвердить рабство народа, употребилъ во щещино всѣ жестокости мучительства. Раздраженные но не покоренные разумы возмутились съ новымъ стремленіемъ; а если бы Спартяне напали на *Пирей*, въ то время какъ ярость распрей, величайшія рождала насилія, то Аѳиняне, говоритъ *Фукидидъ*, изнемогли бы прежде, нежели бы могли соединиться и принять на мѣреніе: но сіе было, продолжаетъ сей историкъ, не въ первый разъ, что природная Лакемонянъ медлительность упустила ихъ выгоды.

Превосходство *Сарты* скоро исчезло. Сиракусяне возвратили свои войска, дабы

Возвращаться противъ *Кароагенцовъ*; а *Алкитидъ*, по смиреніи своего отечества, презрѣніе испытавшій, бояся чтобы при паденіи онаго не быть угнѣбену онаго бременемъ, показалъ *Тисаферну* истинныя корысти Персіи. Онъ убѣдилъ его, что ему не надлежитъ оканчивать войну, Грецію опустошающую, и великую противъ *Аѳинъ* подавать Спартянамъ помощь; но поддерживать сихъ двухъ республикъ соперничество, содержать ихъ въ равновѣсіи, уравнивать ихъ выгоды и истощать ихъ единую другою, дабы принудить ихъ прибѣгнуть къ покровительству Персидскаго царя, который будетъ ходатай, или лучше сказать судія Греціи.

При сихъ обстоятельствахъ, *Алкитидъ* возвратился въ *Аѳины*; а народъ не знаа кому вручить свою довѣренность, прибѣгнувъ къ нему и возлюбилъ его до боготворенія, для того, что онъ его гвалд. Внезапу унынїю наслѣдуетъ мужество; вождь вселилъ уже во всѣхъ разумъ свою надѣжду; послѣднее дѣлають усміе, всѣ вооружаются, ищутъ непріятеля, нетерпѣливо желая побѣдить или умереть; и *Аѳиняне* одерживаютъ побѣду довольно значную, чтобы принудить ихъ непріятелей, просить мира.

„Время уже, о *Аѳиняне*, сказали Спартянскія послы, украсишь наши долговре-

„временные распри; война есть равно для
 „васъ и для насъ разорительна, она ума-
 „лила нашу власть во Греции; а какъ она
 „у васъ отъемлетъ союзниковъ, то не на-
 „дѣйтесь, чтобы она вамъ отдала вла-
 „дычество, вами присвоваемое: боги хо-
 „тятъ безъ сомнѣнiя, чтобы единый изъ
 „нашихъ городовъ другому не повиновался.
 „Да не заградитъ послѣднiй вашъ выи-
 „грышъ сердца ваши миру: не благо разумно
 „будетъ на щастiе полагаться, вы и мы,
 „довольно испытали онаго непостоянства.
 „Судите насъ, но судите и себя пра-
 „вовудно. Мы населяемъ плодородныя
 „Делолонкса земли, а вы имѣете токмо
 „безплодную Аттику. Войною вы потеряли
 „многихъ изъ вашихъ союзниковъ дружбу
 „вашу искавшихъ. Богатѣйшiй и могуще-
 „ственнѣйшiй вся земли Царь даетъ
 „намъ впередъ деньги на военные расходы:
 „а вамъ платятъ дань токмо нѣсколько
 „народовъ, обнищавшихъ вашими потребно-
 „стями. Таково наше взаимное состоянiе;
 „мы однакоже просимъ у васъ мира, не
 „когда употреблять во зло наши выгоды.
 „Останемся съ обонхъ сторонъ повелите-
 „лями городовъ, бывшихъ прежде войны въ
 „нашемъ подданствѣ; возвратимъ другъ
 „другу равное число плѣнниковъ, и выве-
 „демъ гарнизоны поставленные нами въ
 „города намъ не принадлежащiя,

Афиняне отвергли сіе Спартянъ пред-
 ложенiе, не для того, что не восходя до
 мшно-

Источника несогласій , имъ не можно было твердый между обоими народами заключити миръ ; но ради своей надбжды и властолюбія равно высокоумныхъ : Ся республика не мнила , что можетъ испытать несчастіе подъ предводительствомъ *Алхиппада* : да и въ самомъ дѣлѣ , вождь сей былъ счастливъ во своихъ предпріятіяхъ ; но она еще не знала своего собственного непостоянства. *Алхиппадъ* не основательнымъ своимъ поведеніемъ подавая всегда злодѣямъ своимъ средства ко своему несчастію , вторично потерялъ свое мѣсто ; да и въ самое то время , какъ владшій *Киръ* нижнія Асіи градодержатель , помышляя взбунтоваться противъ *Артаксеркса* . *Мнемона* брата своего , далъ великій *Лакедемоніанамъ* флотъ , дабы темъ привлечь *Пелопоннскихъ* народовъ на свою сторону , и какъ *Александръ* начиналъ управлять дѣлами въ *Лакедемонѣ* .

Сей вождь показалъ наконецъ заблужденіе ихъ поведенія . Онъ рассуждалъ , что ихъ войнѣ столь долгое время продолжающейся , и съ такою ненавистію и упорствомъ производимой , крайность будетъ благоразумна , что *Лакедемонъ* и *Афинъ* великія другъ другу содѣлавъ обиды не могутъ искренно помириться , и что единая должна другой собою жертвовать . Онъ разглашалъ , что дѣло идетъ не о корыстахъ , и кошорыхъ союзниковъ ; но о вла-

дмчествъ Греціи, что Аѳиняне онаго не отречутся пока не будутъ уничижены; что необходимо надлежало у нихъ опннать всю надѣжду разоряя ихъ въ конецъ; и что другимъ образомъ миръ будетъ преходящее токмо перемиріе, и нарушится вѣроятно въ такихъ обстоятельствахъ, когда *Лакедемонъ* не будетъ въ состояніи сопротивляться. И такъ *Александръ* взиралъ на каждый успѣхъ не иначе какъ на возводящую его степень къ овладѣнію *Аѳинами*. Если онъ истребилъ остатки морскихъ ихъ силъ, то оное было въ томъ намѣреніи, чтобы ихъ осадить еѳ моря въ то время, какъ *Агидъ* и *Пансаній* осадятъ ихъ съ сухаго пуши.

Нещастный Аѳинявъ часъ присѣлъ. Въ крайность приведенныя, не имѣютъ они мужества погрестися во своихъ развалинахъ, единое средство остававшееся имъ къ одержанію побѣды. Просили мира, согласилися разорить свои укрѣпленія и Пирейскія стѣны, освободили города платившія имъ дань, призвали паки изгнанныхъ, отдали всѣ свои галеры, опричь двѣнадцати, и обязались войну производить токмо подъ предводительствомъ *Лакедемона*. Наконецъ *Александръ* совершая уничиженіе сей республики, вѣрилъ всю власть тридцати гражданами, оную удержатъ могущими повинуюся рабски его повелѣніямъ.

Ж

Аѳины

Аѳины служили иѳсомъ ярости при-
цапи мучителей погубившихъ всѣхъ
лѣхъ, коихъ мужество имъ опасно было,
или у которыхъ они не могли опияшь
имѣнїя. Городъ сей исполненный профемїи
мужеству и любви вольности воздыгну-
тыми, заключалъ въ себѣ токмо презри-
тельную чернь; со всѣхъ сторонъ видны
были несчастные времяемъ недостатковъ
удрученные, потерявшіе при *Периклохмъ*
правленїи навѣкъ работы, и получившіе
спрасъ веселїй, и жалѣющіе о своей
праздности и зрѣлищахъ, а не о своей
вольности.

Трасипулъ, коего *Пансаній* мудрѣйшимъ
и мужественнѣйшимъ изъ Аѳинянъ назы-
ваешъ, содѣлалъ заговоръ для спасенїя
своего отечества. Съ шестидесятью из-
гнанниками какъ самъ, рушилъ онъ мучи-
тельство и возвратилъ Аѳинянамъ свободу.
Но могъ ли онъ возвратитъ нравы и му-
жество приличные вольному народу, лю-
дямъ привыкшимъ къ поруганїямъ и сраму?
Демократїя будетъ правленїе наглой тол-
пы, которая не будетъ пронута славою
отцовъ своихъ. Всѣ достоинства снидутъ съ
своея степенїи. Военскїя качества и Гра-
жданскїя добродѣтели ни во что вмѣняшя.
Спихотворцы, мусиканты, комедїанты,
украшатели театра будутъ республики
начальниками. Позволятъ ли имъ предва-
ришь времена? *Блулъ* скоро издастъ без-
чест-

честное повелѣніе, коимъ опредѣлится употребленіе на зрѣлища капиталъ на войну положенный, и подѣ смертною казнію запретится, чтобы ни кто не предлагалъ о уничтоженіи онаго опредѣленія. Сіе спящее къ общему благу равнодушіе, *Демосфеномъ* Аѳинянамъ упрямое, стало всеобщимъ республики разумомъ. „Ваши *Панаѳеней* и *Вахханалии*, скоро скажетъ имъ сей вышій, празднуются, всегда съ великолѣпіемъ, и въ опредѣленной для оныхъ день. Вы все предвидѣли, ни какое препятствіе васъ не останавливаетъ. Дѣло ли дѣло до зрѣлищъ? то о раздаваніи роль разсуждаете вы съ великимъ прилежаніемъ, и всякъ изъ васъ знаетъ имя гражданина выбраннаго каждаю семью, для надзиранія въ повтореніяхъ надъ своими мусикантами и бойцами. Разсуждаете ли вы о вашей безопасности и о предупрежденіи непріятеля, вольности вашей грозящаго? то вы теряете ваше вниманіе, разсужденіе васъ упомяетъ, вы ничего не предвидите; и если наконецъ вы сдѣлаете опредѣленіе, то оно всегда отъ части шокмо исполняется, да и то поздно. „

Между темъ, какъ Спартяне радости предавались, и мнили впередъ надъ Греціею царствовать безъ прекословія. „Не полагайтесь на ваши триумфы, сказалъ имъ шутъ сенаторъ, достойный мѣста въ опечестивъ своемъ имъ занимаемаго.

„Безвѣрное увѣреніе сопутствуетъ все-
 „гда счастью; Аѳиняне предавшіеся ему
 „славно, восхотѣли послѣ Мидійскія вой-
 „ны опиясть у васъ владычество во Гре-
 „ціи. Нынѣ видите вы плодъ ихъ вла-
 „столюбія; бойтесь, чѣобы и ваше не
 „равной имѣло успѣхъ. Мы побѣдили, а
 „можешъ бышь мы достигаемъ до часа на-
 „шего паденія. Сколь мы уже далеко от-
 „споимъ отъ счастья, если мы мнимъ,
 „что спраспи наши превосходящѣ мудро-
 „стію *Ликурговы* законы! Если бы вла-
 „столюбіе усугубляло счастье республики,
 „то повелѣлъ ли бы онъ помышлять намъ
 „только о нашей сохранности? „

„Въ такомъ правленіи, какое теперь есть
 „во Греціи, гдѣ всѣ города равно своей
 „ревнуютъ вольности, почтеніе только и
 „довѣренность, могутъ вамъ ихъ поко-
 „рить нынѣ, какъ они ихъ нѣкогда по-
 „корили отцамъ вашимъ. Что вы отъ
 „жизнрости ждете? Съ какимъ бы иску-
 „ствомъ она ни была уготовлена, то
 „скоро она откроется. Прибѣгните ли
 „вы къ силѣ? оное конечно не удастся;
 „самая побѣда ваша служитъ оному дока-
 „зательствомъ; въ какое вы впали исто-
 „щеніе уничтожая Аѳинянъ? Какимъ тру-
 „дамъ, какимъ бѣдствіямъ вы подвергне-
 „тесь, если взятіе каждаго города вамъ
 „такъ дорого станеть, какъ взятіе *Аѳинъ*?
 „Почто ласкаетесь вы, что Аѳинянъ по-
 „рабо-

„рабоченіе уготовляетъ вамъ повинненіе
 „всѣя Греціи? Мы зрѣли устращенныхъ
 „нашими распрями и нашими предпріа-
 „тіями Грековъ, союзы заключающихъ и
 „наблюдающихъ свою безопасность; коли
 „они теперь въ смятеніи, то будьте у-
 „вѣрены, что оному скоро послѣдуетъ
 „негодваніе; оно уже въ ихъ сердце. „

„Но пускай споль же неправосудные,
 „какъ мы, боги споспѣшествуютъ нашимъ
 „властолюбивымъ предпріятіямъ; вы бу-
 „дете господствовать во Греціи страхомъ,
 „но съ сего же мгновенія предвидѣтъ
 „долженствуете, что не можно иначе
 „вамъ сохранить владычества, какъ уни-
 „чижая разумы, такъ чтобы они не имѣ-
 „ли довольно мужества, восхотѣть свер-
 „гнуть ваше иго. Въ какую вы немощь
 „свергнете Грецію, коея вольность содѣ-
 „ловаетъ могущество? Если Персидскій
 „царь въ другій разъ покоритъ ее возна-
 „мѣрится, если другій непріятель явится
 „у вашихъ предѣловъ, то какія силы вы
 „противъ ихъ поставите? Обращете ли
 „вы съ рабами вашими паки *Саламину*,
 „*Дятею* и *Микалю*? Я вамъ не предвѣщаю
 „сти мнимыя нещасія; и то, что вы въ
 „Пелопоннскую войну испытали, можете
 „васъ научить, въ чемъ состоятъ ваши
 „корысти. Сколь долго мы свяшо испол-
 „няли *Дикуропы* законы, и старались о
 „согласіи Греціи, то ничто не могло

„умалишь нашего благоденствія ; да и съ
 „малымъ числомъ нашихъ гражданъ и ма-
 „ло пространною нашею землею , силы
 „наши были непреоборимы. Съ тѣхъ поръ,
 „какъ вы внушили вашу зависть , власто-
 „любіе и ненависть , то принуждены бы-
 „ли прибѣгнуть къ покровительству Пер-
 „сіи , вами побѣжденной ; вы искали мира,
 „сражаясь за владычество , да вы и при-
 „нудили не могли вашихъ союзниковъ ,
 „къ наблюденію перемирія съ Аѳинами ва-
 „ми заключеннаго. „

„Возримъ на наше состояніе ; поспѣ-
 „шимъ Спартяне , кляснѣя предъ олпа-
 „рjami боговъ , что мы наблюдать будемъ
 „Ахургопы законы ; и что отрицаяся не-
 „щастнаго властолюбія , пороки всѣхъ на-
 „родовъ намъ придающаго , мы почтимъ
 „Греціи вольность и ушвердимъ колеблю-
 „щееся ея правленіе.

„Поспѣшимъ собрать всѣхъ Грековъ ;
 „и не оказывая имъ наглую побѣдителей
 „радость , предстанемъ имъ въ печальныхъ
 „одеждахъ , усныженныя плачевнымъ со-
 „стояніемъ , въ кое ввергнуть Аѳинянъ
 „насъ привела необходимость. Признавая
 „нашу вину , противъ сего народа , коего
 „бы мы не должныствовали завистию на-
 „шею возбуждати властолюбія ; повѣда-
 „емъ , что по злощастныхъ между нами
 „распряхъ , нужно было неушлыми
 „жерт-

„жертвовать *Афинами* всеобщему спокой-
 „ствию. Обвиняя великодушно нашу не-
 „правоту, противу вся Греції, надъ ко-
 „ю мы права не имѣемъ, приобрѣтемъ
 „паки нашимъ раскаяніемъ довѣренность
 „потерянную нашимъ безразсуднымъ вла-
 „столюбіемъ. Докажемъ, что мы не мо-
 „жемъ въ другій разъ въ тотъ же впасти
 „проступокъ. Да будутъ всѣ Греки воль-
 „ны, и да не усумнятся въ шомъ, видя
 „наше стараніе къ возстановленію *Афин-*
 „скихъ развалинъ. „

Хотя бы кичащійся *Лакедемонъ* могъ
 слѣдовать симъ совѣтамъ, если бы они
 ему были даваемы побѣдившимъ непріа-
 теля полководцемъ; но никогда Спартя-
 нинъ не имѣлъ нравы столь опшбнные,
 отъ нравовъ своего отечества, какъ *Ли-*
сандеръ. Клятва, обязательство, добродѣ-
 тель, вѣроломство, все что у человекѣвъ
 есть свято, все что имъ есть ненавистно,
 почиталъ онъ тщетными словами. Санъ
 гражданина казался ему презрителенъ;
 онъ спяжалъ престола, не какъ мучитель
 хопящій взойти на оной силою; но какъ
 человекъ хитрый, пронырливый, подъ
 видомъ исправленія въ правленіи злоупо-
 требленій. Намѣреніе его, повѣствуютъ
 историки, стремилось къ охуленію наслѣ-
 дія престола, какъ грубаго и мучитель-
 скаго закона, вѣряющаго государство ча-
 сто малолѣтному младенцу, спарику или

человѣку, едва гражданномѣ бытъ до-
стойному; а благосостояніе общества тре-
буетъ, чтобы царскій вѣнецъ былъ на-
гражденіемъ достоинства.

Для приуготовленія разумовъ, къ столь
важной переѣнѣ, надлежало вліять склон-
ность къ новостямъ, разслабить власть
Лихурдопыхъ законовъ, повредишь нравы и
привести всѣ страсти въ дѣйствіе. Въ то
время, какъ Спартяне по толикихъ тру-
дахъ торжесествовали надъ своими неприя-
телями, и какъ ихъ щастіе отвращало
ихъ вниманіе отъ самихъ себя, *Александру*
было не трудно ихъ обмануть. Онъ ихъ
не токмо не возвращалъ къ ихъ древнимъ
правиламъ; но напротивъ того увѣрилъ
ихъ, что другія времена, другія об-
стоятельства требовали отъ нихъ новыхъ
мыслей и новую политику. Они перене-
сли въ городъ свой полученную надъ не-
пріятелемъ добычу; взяли дань со своихъ
союзниковъ, и начиная мыслить, что и-
мѣющія въ рукахъ власть, главныя оныя
должны имѣть выгоды, хотѣли во Гре-
ціи столь же сурово владычествовать,
какъ Аѳиняне. Собирая сокровища, ду-
мали они, въря *Александру*, что чрезъ-то
будутъ въ состояніи, великое морское дѣ-
ласть ополченіе, войну производить отдаленную отъ земли своея, и разширить
свое могущество; но въ самомъ дѣлѣ удо-
влетворяли они намѣреніямъ чело-
вѣка че-
сто-

сподобиваго, который не имѣлъ бы ни малыя надежды, сколь долго бѣдныя и бѣдностію своею довольные граждане, ни малыя не будутъ имѣть выгоды, разрушаніе законы, и государствомъ жертвовашь частному своему блаженству.

Александръ увѣрилъ Лакедемонянъ, что всѣ бѣдствія Греціи происходятъ отъ великія Грековъ вольности; а дабы воспрепятствовать имъ бытъ должностей своихъ измѣнниками, то надлежитъ искоренить народное правленіе, и ввѣрить оное судіямъ, (которыхъ ему безъ труда можно будетъ привлечь на свою сторону, или обяжутъ) власть, коею народъ никогда не можетъ пользоваться благоразумно. Онъ подалъ Спартянамъ надежду, что республика смятенная паденіемъ *Афинъ*, коихъ они боялись могущества удивляясь оному, повинуются будутъ жребію имъ уготовляемому, не дерзая произносить жалобы. Онъ ихъ осудилъ потерять свои законы и правленіе, а учрежденные имъ у нихъ правители были честолюбія его орудіями, долженствующими по его волѣ во Греціи производить дѣйствія.

Александрова смерть предохранила Спартявъ отъ бѣдствій мучительствомъ его имъ угрожаемыхъ; но оставила имъ владычество, коего имъ не возможно было сохранить. Изъ вѣѣ имѣли они многочис-

сленныхъ непріятелей, а внутри пороки, гораздо оныхъ опаснѣе. Хотя и опредѣлено было, говоритъ *Плутархъ*, чтобы принесенные въ *Лакедемонъ* богатства на государственныя токмо употреблялися нужды, и чтобы уличенной гражданинъ что имѣетъ у себя золотую или серебряную монету предавался смерти; однакожъ злато и серебро скоро изъ государственныхъ казны распались по гражданамъ, и со сребролюбіемъ принесли въ дома ихъ поврежденіе нравовъ. Можно ли было надѣяться, прибавляетъ сей благоразумный историкъ, чтобы почтенныя обществомъ богатства были презрѣнны частными людьми? Къ чему то служило, что законъ былъ у *Спартянскихъ* дверей спражею зашворя входъ злату въ ихъ дома, когда душа ихъ сребролюбію отверзалася.

Однакожъ несправедливое тѣ себѣ сдѣлающъ представленіе о безпорядкахъ, въ кои *Спартянская* впала республика при началѣ своего поврежденія, кои обѣ оныхъ будутъ судить по безпорядкамъ въ другихъ государствахъ произведеннымъ, сребролюбіемъ и роскошью. *Лакедемоняне* спростотъ медлительно навикала изыскиваему выбору веселій и сладострастій, сопутешествующихъ изобилію и праздности. Сперва богатства нарушили токмо нѣкоторые *Ликурговы* законы; а навѣкъ добрыхъ нравовъ придавалъ еще новымъ порокамъ нѣк опырой родъ

родъ застѣнчивости усилѣхъ оныхъ одерживающей. И такъ *Лахедемонъ* представлялъ бы въ самомъ своемъ поврежденіи зрѣлище удивленія Грековъ достойное, если бы они вниманіе свое обращали не споль на оставленные ими добродѣтели, какъ на оставшіяся у нихъ. Хотя Спартянскіе граждане не дерзали еще пользоваться богатствомъ; но тайно собирали уже оное и ожидая для показанія своихъ соблазнительныхъ сокровищъ, чшобы число виновныхъ могло осмѣять и удручить законъ, они были болѣе ко своему нежели къ государственному прилѣплены сокровищу. Общему благу внимали они безъ раченія: народъ исправляться начинающій, можетъ великія произвести дѣла, не взирая на пороки, коихъ онъ еще не испребилъ; но народъ повреждающійся, никакой почти пользы не получаетъ отъ оставшихся ему добродѣтелей.

Когда бы *Лахедемонъ* другаго порока и не имѣлъ, какъ властолоубіе побуждающее его къ явному во Греціи владычеству присвоenanію, то я знаю что окруженъ будучи народами безпокойными, завистными и храбрыми неперпѣливо господство его сносящими, онъ бы потерялъ свою власть. Я не порицаю его наконецъ изнеможеніе, для порока его въ томъ, что не принялъ острожности обыкновеннымъ разсудкомъ ему предписуемой, дабы предвараишь или отдалить опасности ему угрожаемыя. Прилепѣнные
чре-

чрезвѣрно во властолюбію Спартіане и по-
тому не въ состояніи будучи возстановитъ
древнее свое правленіе; имѣя уже противныя
корысти всей Греціи, и не имѣя ея по тому
преградою противъ варваровъ, они должны
были прибѣгнуть къ полишику хитрости
и пронырства, коея во исторіи мы споль-
многа видимъ примѣровъ и опричь которыхъ
мы нынѣ въ Европѣ другія не знаемъ; они
должны были скорить своихъ сосѣдей и
союзы заключать съ чужестранцами. Не
говоря о *Фракѣанцѣхъ* и *Македоняцѣхъ* на-
длежало *Лакедемоню* отпереться отъ пред-
пріятія младшаго *Кира* и отъ Грековъ по-
слѣдовавшихъ ему въ его походѣ; надлежало
привлечь на свою сторону Сатраповъ ни-
жня Асіи, снискать дружбу *Артаксеркса*
и согласиться быть въ его зависимости,
дабы царствовать надъ Греціею. Въ новой
совсемъ вещей округѣ, Спартіане сохранили
дѣл разсужденіи чужестранцовъ древнія свои
правила; и воюя противъ Персовъ, поко-
лебали и привели въ презрѣніе свою власть
во Греціи.

Сколь скоро *Агесилай* началъ въ Асіи
усиливаться, то *Артаксерксъ* соорудилъ
Флотъ, и далъ предводительство онаго
Конону Аѳинянину убѣгшему въ его госу-
дарство. Въ то же время послалъ онъ *Ти-
мократа* родянина во Грецію, дабы въ оной
произвести бунтъ противъ *Лакедемона*.
Сей посланецъ, разсылая великія деньги
при-

привелъ Афинянь въ состояніе возстановити свои стѣны и побудилъ безъ труда знатнѣйшихъ гражданъ *Филъ*, *Коринфа* и *Аргоса* сдѣлать въ пользу Персидскаго двора въ *Пеллопонисѣ* диверсію. Одержанная союзниками при *Аліартѣ* побѣда, столь жестокой причинила Спартянамъ ужасъ, что они повелѣли *Агесклата* покинуть завоеванія и прити къ нимъ на помощь. Побѣжденные по своей чредѣ при *Нелевѣ* и *Коронѣ* союзники, мира не просили; но и при сихъ двухъ побѣдахъ, Лакедемонское владычество столь поколебалося, что Персидскій царь, бояся прежде изъ государства своего быть выгнанъ, то же былъ въ несогласной Греціи, чтобы ихъ была республика, любя правосудіе, то есть онъ сталъ ихъ судіею. Повелѣлъ чтобы всѣ города были вольными и управлялися по своимъ законамъ; союзники немогшія предаться мщению, и продолжать войну не получая отъ Персіи денегъ, и истощенные Спартяне, равно повиновались предписанію Персидскаго двора: таково то было подлое малодушіе, въ кое Греки ввержены были своими распрями.

Уступая необходимости, всегда властолюбивый *Лакедемонъ* и не наученный своимъ несчастіемъ познавать свои корысти, положилъ оружіе въ намѣреніи пакъ воспріять оное при первомъ удобномъ случаѣ. Оной явился въ скоромъ времени;
какъ

какъ Персидскій дворъ не имѣлъ болѣе дѣла съ Греками, которыхъ онъ уже не боялся, по *Олинѣ*, *Фліонтѣ*, *Коринѣя*, *Аттика*, *Арголлда*, *Вестіа*, словомъ вся Греція почувствовала Спартянъ превосходство; избъ *Кадмейскія* крѣпости, гдѣ они учредили мучителей во имя ихъ въ *Эпирѣ* царствующихъ, произошелъ на конецъ ударъ разрушившій ихъ могущество.

Можно въ историкахъ видѣть, до какого звѣрства доходили Кадмейскія мучители, и съ какимъ мужествомъ и осторожностію *Пелопидъ* ихъ истребилъ и взялъ сію крѣпость, прежде нежели Лакедемоняне могли къ ней прийти на помощь. Сіе непріятельское дѣйствіе было началомъ малыхъ войны, въ которой *Эпиряне* часто побѣждали. Поведеніе въ оной *Агесилаево*, подало бы причину думать, что успѣхи его въ Асіи не столь были плодъ его искусства, какъ превосходства Грековъ надъ Персами; если бы не можно было обвинить его великія лѣта, въ угашеніи сего огня, сего проворства, сего предвидѣнія, *Ксенофонтъ* столь много похваляемыхъ. Сей государь не предпринялъ ничего великаго, ничего рѣшительнаго; по справедливости ему упрекаютъ, что набѣги его на *Эпирскія* земли испытывали *Эпирянъ* мужество и ихъ воевать научали.

Тогда начали *Эпиряне* управлять *Пелопидъ* и *Еламмонъ*. Свойственно было, чтобы

чтобы въ поврежденномъ городѣ ни когда мудрыхъ законовъ не имѣвшемъ, и раздѣленною на партіи, сѣи два великія мужа были совѣстники, и чтобы ихъ зависть вредила дѣламъ ихъ отечества; но ихъ добродѣтель равная ихъ великимъ дарованіямъ, единую имъ дала корысть и сопрягла ихъ узами наибѣснѣйшихъ дружбы. *Пеллоидъ* презиралъ богатства, родившия между ними; *Еламинонъ* боялся, чтобы счастье не нарушило своею благосклонностию Философскую бѣдность, кою онъ наслаждался. Тотъ въ войнѣ спремилеленъ, проворенъ, горячъ, имѣя о всѣхъ ея частяхъ свѣденіе, не столь любилъ славу какъ отечество. Рѣдкая похвала! онъ радовался что другъ его полезенъ его былъ *Фивянамъ*. *Еламинонъ* же, казалось, не вѣдалъ превосходства своихъ великихъ дарованій. Перешедъ по неволѣ изъ училищъ любомудрія ко правленію государства, онъ соединялъ Сократовы добродѣтели съ мужествомъ, съ просвѣщеніемъ и съ великими качествами *Бемистокла*.

Пеллоидъ выигралъ бой при *Темрѣ*; и сѣе было, говоритъ *Плутархъ*, опытъ славной *Лептстрехой* побѣды, рушившей цѣлостіе *Лакедемонянъ*. До тѣхъ поръ гражданинъ побѣгшій предъ непріятелемъ, или оружіе потерявшій бывалъ ошельмованъ. Исключенный изъ судейскаго дощонинства, изъ народныхъ собраній и такъ
ска-

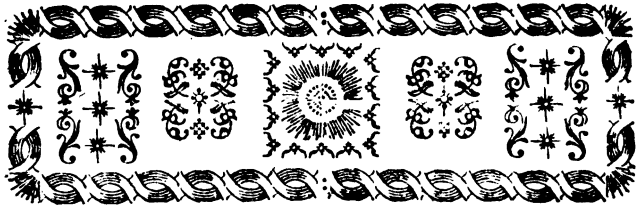
сказать изъ сообщества съ людьми, семья чрезъ бракъ въ родство съ нимъ вступившая, почла бы себя участницею его срама. Всѣмъ гражданамъ съ нимъ встрѣтившимся, позволялось его бить, и законъ запрещалъ ему защищаться. Число гражданъ при *Лепстрѣ* обезчестившихся, *Агесилая* ужаснуло. Видя республику людьми истощенную, далъ совѣтъ, оставить сей разъ безъ дѣйствія законъ трусость наказующій; и сохраняя нѣсколько безполезныхъ отечеству защитниковъ, онъ рушилъ правленіе, ко- его воинскія добродѣтели были главною пружиною, съ тѣхъ поръ какъ Спартяне потеряли презрѣніе богатствъ, любовь бѣдности и умѣренность *Ликургомъ* имъ дарованная. Не можно читать исторію сего славнѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго во древности народа, видѣть тогда его несчастный конецъ, когда онъ вникъ, что на вышшую взошелъ степень могущества, и не бытъ тронуту челоуѣчества жребіемъ и тлѣнностію нашихъ добродѣтелей. Любимъ то сужденнымъ управлять государствами, долѣетъ почерпнути въ сихъ великихъ промѣшествахъ нужныя просвѣщенія, къ содѣланію истиннаго народовъ могущества и благоденствія.

Еламинондъ утвердилъ уничтоженіе Спар- ты, построив на предѣлахъ *Лаконіи* *Мезиолола*, и населя его *Архадіанами* разубланными прежде сего по малымъ селе- ниямъ

вѣямъ: по соединеніи своемъ, узнавъ свои силы, они были въ состояніи отмщевать обиды *Лакедемонцамъ* имъ содѣланныя. Онъ призвалъ паки въ *Пеллопоннесъ* Мессеніанъ, сохранившихъ нѣкимъ чудомъ (живши почти при столѣтіи во Греціи и въблизни къ ней земляхъ, разсѣянными) свои обыкновенія, свой языкъ, свои нравы, воспоминовеніе *Аристодимовыхъ* великихъ дѣлъ, ненависть ко Спартянамъ, надѣжду мщенія и ихъ удрученія.

Побѣжденные еще Фивянами при *Мантинеевъ* Лакедемоняне впади во срамнѣйшее униженіе, сколь скоро Ефоръ *Елитадей* отверзая безпрепятственной сребролюбію путь, издалъ законъ позволяющій продавать свои помѣстья и распоряжать оныя духовными. Жадность богатыхъ овладѣла всею *Лаконією*, а оставшіеся безъ помѣстья граждане снискивали рабскимъ образомъ ихъ благосклонность, или дѣлали возмущенія, желая возвратитъ потерянные свои имѣнія. Руки Спартянъ *Апхургомъ* уготованныя ко владѣнію мечемъ, щитомъ и копіемъ, обезчестилися орудіями художествъ роскошно введенныхъ во изумленную *Лаконію*.

КОНЕЦЪ ВТОРОЯ КНИГИ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ,
ИЛИ
О ПРИЧИНАХЪ БЛАГОДЕНСТВІЯ И
НЕСЧАСТІЯ
ГРЕКОВЪ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

**О причинахъ послѣдствъ попавшихъ
ло ладеніи Аѳинъ и Спарты поз-
станоленію по Греціи союзаго пра-
вленія. Положеніе Македоніи. Раз-
смотреніе Филиллопа лопеденія.
Разсужденіе объ Александрѣ Ве-
ликомъ.**

Положимъ, чтобы они ло своихъ по-
бѣдахъ исправили свое правленіе и
законь, чтобы имѣли сухопутное
войско, подобное Лакедемонскому, и флотъ
Аѳин-

Аѳинскій, положимъ чтобы мгновенно воспріяли нравы и полицику господствующей державѣ приличные; однакожь они не соблюли бы владычества надъ Греціею. Сія республика давно уже извѣстная пупымъ понятіемъ гражданъ своихъ, своими домашними распрями и союзомъ со Керксомъ, не уголовила Грековъ къ оказыванію ей почтенія, сего произведенія времени, основаніемъ служащаго къ возвышенію государства, и коего ни что не замѣняетъ. *Эламинондъ* всегда правосуденъ и собою обладая въ величайшемъ щастіи, ни когда не дерзнулъ оное употребить во зло. Осуждая суровость Аѳиняиъ и Спартяиъ прогнвъ ихъ союзниковъ и непріятелей, онъ поступилъ съ величайшимъ челоѳколюбіемъ съ *Орхоменомъ* и съ городами *Фокиды*, *Локриды* и *Етолїи*, оставилъ всякому народу его законы, его градоначальниковъ и его правленіе; онъ старался союзъ со своимъ отечествомъ содѣлать драгоцѣннымъ, однако же ни кто въ *Фивянахъ* не почтилъ добродѣтели ихъ вождя,

„Аѳины уже уничтожены, говорилъ
 „*Фиссаліанамъ Язонъ* мучитель Ферскій,
 „величество *Спарты* пропало; *Фивяне*
 „возвыщаются, а я предвижу ихъ паденіе:
 „помышляйте же и вы по чредѣ вашей овла-
 „дѣвъ властію, которую они потеряютъ. „
 Что *Язонъ* столь безрассудно вѣщалъ *Фиссаліанамъ*, то всякій во Греціи градоначаль-

чальникъ говорилъ своей республикѣ: не было города, которой бы не помышлялъ стяжать щастія Оивянъ; ни единъ не ужасался уничтоженіемъ Спартянъ и Аѳинянъ, а всѣ безразсудно ласкались утвердить свое владычество властолюбіемъ большимъ искусвомъ препровождаемымъ. Сіе то и мнилъ *Демосфенъ*, когда приносилъ жалобы, что со всѣхъ сторонъ возставали державы хвалящіяся Грецію принять во свое покровительство; а въ самомъ дѣлѣ старающіяся оную удручить, или по крайней мѣрѣ покорить своихъ сосѣдей. „Греки, говорилъ, онъ, суть днесъ главнѣйшіе свои непріатели. *Аргосъ*, *Филы*, *Коринѳъ*, *Лакедемонъ*, *Архадія*, *Аттика*, всякая страна, ни единыя не изключая, особыя содѣлываютъ себѣ корысти. „

Сіе безначальство, по примѣчанію *Дидора*, происходило отъ трактата заключеннаго Аѳинами съ *Лакедемонсѣмъ* въ десятиый годъ Пелопонискія войны, чрезъ который они безрассудной своей жертвовали жадности, корыстями своихъ союзниковъ. Согласясь оставить за собою города, коиими они овладѣли во время войны, предоставили себѣ власть премѣнять свои условія, или учреждать другія, смотря по обстоятельствамъ. Сіе, говоритъ тотъ же историкъ, навело всей Греціи страхъ. Долговременное злоупотребленіе своея власти, сихъ обѣихъ республикъ, подало причину думать, что

что они для того только помирились, дабы соединяся, удручить своих союзников, или их раздѣлить имѣнїе; и Греки начали заключать союзы противъ мучительства, коего они боялись. *Аргосъ*, *Фивы*, *Коринтъ* и *Елїя* были предводители сихъ негоднѣй, а многочисленные частные союзы Грековъ, рушили наконецъ ихъ общїй союзъ. Амфикионскїй совѣтъ ни малыхъ не соблюлъ власти; могущественные народы презрительно почли послать на оной своихъ депутатовъ; другїя явились тамъ токмо съ безплодными жалобами; а со всѣхъ сторонъ видны были частныя собранїя, составляющїя толикое же число заговоровъ противъ *Греци*.

Темъ труднѣе было возстановить порядокъ нарушенный толикимъ числомъ противныхъ корыстей и долговременнымъ неправосудїемъ, что партїи въ большей части республикъ устроившіяся, ни малыхъ законамъ не оставляли власти. Въ первые годы Пелопонискїя войны, говоритъ *Фукидидъ*, несчастныя между *Корхирїанъ* возстали распри. Градоначальники и сильнѣйшіе граждане подъ видомъ распространенїя и сохраненїя правъ народа, или возведенїя въ государственныя чины честныхъ людей, стараяся въ самомъ дѣлѣ быть сильнѣе и богатѣе, не имѣли другаго въ поведенїи своемъ правила, какъ свою частную корысть. Сребролюбїе и любоче-

стіе содѣлали партіи, кои усились по ма-
лу подѣ покровительствомъ *Лакедемона* и *Ла-
кедемона*, спали въ скоромъ времени не при-
миримы. Спартяне споспѣшествовали Ари-
стократіи, то есть, судейской власти, и
хотѣли чтобы сематѣ большее въ Кор-
кирскихъ дѣлахъ бралъ участіе; для того
что они долговременнымъ опытомъ нау-
чились, никогда не полагаются на обя-
зательство республики всѣмъ народомъ у-
правляемой. Аѳиняне напрошивъ того,
подтверждали всѣми силами пребыванію
старода и споспѣшствующія Демократіи
учрежденія; или для того, что сами та-
ковое имѣли правленіе, или только чтобы
противорѣчить своимъ непріятелямъ *Ла-
кедемонянамъ*.

Сія Коркиранъ болѣзнь, продолжаетъ бу-
диди, сдѣлалася заразою и объяла всю Гре-
цію. Взаимная боязнь, благородныхъ, бога-
тыхъ и народа, продолжающаяся со времени
сверженія ита ихъ полководцовъ, возбу-
ждала во всякое время нѣкоторыя смеше-
нія; но сіи возмущенія никогда почти не
имѣли несчастныхъ слѣдствій, сколь дол-
го *Лакедемонъ* прилѣпленный ко своимъ
должностямъ, употреблялъ свое жодатай-
ство только къ соглашенію разумовъ и
споспѣшествованію правосудію; а *Аѳинны*
упражненные своими собственными пере-
мѣнами, не вступали въ дѣла своихъ
сосѣдей. Все видѣ свой переѣннаю, сколь
скоро

екоро сіи республики почли разныя партіи, Корхиру въ несогласіи держущія, средствами ко снисканію сообщниковъ. Уже не было пронирливаго ни честполюбиваго чело-вѣка во Греци, который бы не полагался, возбуждая смяшенія во своемъ отечествѣ, на покровишельство Спартянъ или Афинянъ; сія надежда придала имъ смѣлости и всѣ города впади въ крайнее безначальство.

Всякъ дѣлалъ требованія чрезмѣрныя и утверждалъ ихъ упорно. Доводамъ своимъ противниковъ, не правду утвержающая сторона противопалагала наглые и шумные крики, и приводила непріятелей своихъ въ отчаяніе. Въ собраніе приходили вооруженны и доходили до кровопролитія; для того что превозмогшая партія не довольствуясь утверженіемъ своей власти, желала вкушати удовольствіе мщенія за причиненныя ей обиды. Пороки и добродѣтели вдругъ премѣнили свое названіе; вспыльчивость назвалася мужествомъ, а обманъ благоразуміемъ. Воздержный чело-вѣкъ почелся прусомъ, безстыдный ревностнымъ другомъ, и политика спала искусствомъ дѣлать, а не отвращать зло. Ни единому гражданину не позволялось бытъ посреднымъ или честнымъ чело-вѣкомъ; а кланьи спали сътѣми уловляющими имовѣрность. Наконецъ, по повѣствованію того же историка, если что было въ сихъ несчастіяхъ утѣшеніемъ,

то что грубые люди часто другихъ превозмогали; не полагаясь на свое искусство, прибѣгали они къ сильнымъ и скорымъ средствамъ, а злодѣи ихъ давалися въ обманъ своего ухищренія и пронырства.

Сии порядки, говоритъ *Дюдэрэ*, умножились еще болѣе, какъ *Фивяне*, по смерти *Еламинона*, вдругъ низпали съ высокія ступени, куда ихъ возвелъ сей вождь. Ежедневно граждане были выгнаны изъ какого нибудь города; и сии шатающіеся изъ страны въ другую изгнанники, искали злодѣевъ своему отечеству. А какъ они обьномъ менѣ всего помышляли, то бывали паки призываемы партією имѣющею нужду въ ихъ помощи, дабы удержаться во правленіи, и которая скоро по томъ опровергаема была въ другую переѣву.

Каждая республика столько же различныхъ имѣла корыстей, сколько было въ ней партій. Сии безчисленные корысти, непрестанно бывали единая другой противны и единая другою испребляемы. Сего дня былъ ты союзникъ того города, а завтра онъ твой непріятель. Сообщники твои отсюда выгнаны или побиты и противная партія управляетъ уже дѣлами, слѣдуя противнымъ правиламъ. Ежедневно новыя начинаются негодіи; каждая новая негодіи, подавая новыя боязни и новыя надежды, уголовляетъ новую пере-

перемѣну, которая произведетъ тысячу перемѣнъ; и всегда не основательная политика не даетъ ни совѣтовъ, ни предпринимаетъ намѣреній спасительныхъ.

Греки дошедъ паки до времени смятеній и несогласій, о коихъ я упоминалъ въ началѣ сего сочиненія, и будучи исполнены ненавистію и недовѣренностію взаимными, не могли въ другій разъ устроить связи союза силу ихъ составляющаго. Сколь скоро народъ вольный, столь уже поврежденъ, что не повинуется болѣе законамъ, шо оиъ привыкаетъ ко своимъ порокамъ, ихъ возлюбяетъ, а рѣдко случается, чтобы гражданъ или градоначальникъ довольно имѣлъ мужества, чтобы проповѣствовать предразсудкамъ, обыкновеніямъ и спрасьямъ царствующимъ самаааспно надъ не послушною толпою, и столько власти, чтобы подвигнуть своихъ согражданъ къ возшествію, дѣлая самимъ себѣ насиліе, на степень съ коея они низпали. Если единая республика не въ состояніи бываетъ исправиться, что же можно было ожидать отъ Греціи заключающей въ себѣ толикое число республикъ, сколько въ ней было городовъ? Цѣлая исторія представляетъ едва три или четыре примѣра вольныхъ народовъ допустившихъ законодатель до истребленія ихъ заблужденій и ихъ злоупотребленій.

Надлежало Грекамъ, многочисленными научившись опытами, почестъ ложнымъ свое властполюбіе, свое сребролюбіе, свою на обманъ основанную политику; и что бы принужденные злополучіями, начали они упомалаться своимъ теперешнимъ состояніемъ. Ожидая сію перемену, которая должна была быть темъ медлительнѣе, чемъ они были добродѣтельнѣе и просвѣщеннѣе въ разсужденіи должностей общежитія, должно имъ было изпреблаться между усобными войнами; а изнеможеніе ихъ, необходимое слѣдствіе ихъ распрей, звергало ихъ въ опасность бытъ пищею чужештранцовъ.

По несчастію Греціи, въ Асіи не осталось ни малѣйшія искры властполюбиваго *Ксерксова* духа; Персидскіе цари давно уже предались сладострастной праздности. Запирались во своихъ чертогахъ, а подъ именемъ своимъ оставляли правленіе вельможамъ сребролюбивымъ, жестокосердымъ, невѣждамъ, вѣроломнымъ и упражняющимся во удерживаніи въ рабствѣ земель къ оному привыкшихъ. *Артахеерксъ*, *Долгорукой* названный, будучи самими Греками приглашенъ ко принятію въ ихъ распряхъ участія, довольствовался тѣмъ, что вооружалъ ихъ единого противъ другаго, уравнивалъ ихъ выгоды и поддерживалъ ихъ соперничество. Онъ могъ бы ихъ покорить, но упражняя ихъ во Греціи онъ воспящалъ имъ входить въ Асію. Сію по-

полицію внушала ему боязнь, а не умѣренность. Ксерксъ II. и Согдианъ появились спокмо на престолѣ обезчещенномъ ихъ распускною жизнію и ихъ мучительствомъ. Симъ двумъ чудовищамъ наслѣдовалъ Дарій Навъ; онъ былъ рабъ покрытый царскою одеждою. Устроенный къ повиновенію, всякъ восхотѣлъ имъ управлять, а онъ не свергнулъ ига нѣкоторыхъ скопцовъ содѣлавшихъ его орудіемъ своихъ коварствъ, какъ для того, чтобы подвергнуться игу своей супруги.

Артаксерксъ Мнемонъ могъ бы оптимистить Персію; но поелику пороки худо устроенныя вольности умножались во Греціи, то Асія напротивъ того ежедневно снизходила со своей степени чрезъсамодержавное правленіе. Да сей государь и не былъ въ состояніи принявъ смѣлое намѣреніе, возвращеніе десяти тысячъ по разбитіи младшаго Кира и Агесилаеи побѣды, приучили его шрепеташъ при воспоминеніи Греческаго имени. Иллирія, Елиръ и Фракія непрерыванно воевали противъ своихъ древнихъ непріятелей, не одерживая рѣшительныхъ побѣдъ. Наконецъ Македонія ни малѣйшимъ не пользовавшаяся почтеніемъ находилася во плачевномъ состояніи, какъ связи древняго Греческаго правленія рушились.

Аминтъ отецъ Филипповъ, былъ государь слабый: удрученный могуществомъ
Ил-

Иллирианъ, и перяяй свой вѣнецъ, ему не оставался другого средства, дабы опмститъ свои уроны и содѣлать злодѣевъ своимъ побѣдителямъ, какъ отдать свое государство *Оливолюамъ*. Испытавъ жесточайшія несчастія, онъ паки былъ возведенъ на престолъ *Фиссаміянми*; онъ царствовалъ съ робостію челоѣка видѣвшаго въ близи свою погибель и долженствовавшаго своимъ спасеніемъ помощи чужестранцовъ. *Александръ* старшій его сынъ ему наслѣдовалъ, а подданныя не повиновались царю, повелѣвать ими невѣдающему. Въ то время какъ онъ былъ побѣждаемъ *Иллиریانми*, то часть *Македоніи* взбунтовалася и государство его было почти совсѣмъ обладаемо его непріятелями, какъ онъ умеръ.

Еще недостойнѣе своего сана, нежели государь, которому онъ наслѣдовалъ, *Пердикхъ* не имѣлъ ни одинаго дарованія удобнаго возбуждать къ нему почтеніе, и въ такихъ обстоятельствахъ, когда бы ему надлежало управлять народомъ токмо благополучнымъ и повинующимся. *Птолемею* побочный *Аминтопъ* сынъ завладѣлъ единою провинціею *Македоніи*, и спалъ тамъ неподвластнымъ. *Пансаній*, князь царскія крови, который былъ изгнанъ, вошедъ пользуясь смятеніями, паки въ государство, и обрѣлъ многихъ сообщниковъ во гражданахъ правленіемъ недовольныхъ;

ж

и въ сей полѣ людей незнакомыхъ, безпокойныхъ и почерпающихъ изо всего при перемѣнѣ надѣжду, а ни чего нестеряющихъ, *Пердикхъ* былъ убитъ въ бою противъ *Илирталъ*, а *Македонія* столь была нещаслива, что почитала смерть его злополучіемъ, для того что царскій вѣнецъ приходилъ на главу младенца.

Папсаній, видя что все ему споспѣшествуешь, явилъ тогда желаніе взойти на престолъ; а *Аргей* другій князь царскія крови, которій имѣлъ таковое же властолюбие, собралъ войско, желая въ ономъ предупредить своего совѣтника. Чужестранцы воспользовались сими домашними распрями, проникли уже до внутренности государства, какъ *Филиллъ* младшій *Аминтолъ* сынъ ушелъ изъ *Филъ*, гдѣ онъ былъ аманатомъ и приспѣлъ на помощь царства своихъ предковъ. Кто бы подумалъ, обращая взоры свои на сію несчастную землю, что вскорѣ въ ней уголовятся узы всея *Асіи* и *Греціи*? Едва *Филиллъ* явился въ *Македоніи*, какъ уже его присудствіе было чувствительно. Онъ былъ поставленъ правителемъ государства до совершеннаго возраспа *Аминта* своего племянника; но скоро *Македоняне* испытывая, сколь имъ нужно было повиноватися такому государю, какъ былъ *Филиллъ*, возложили вѣнецъ на главу его.

Каково

Какое *Македонии* состояніе ни было, но болѣзни ея не были неизлѣлимы, какъ по были болѣзни *Греции*. *Филлиппы* предшественники не царствовали надъ своими подданными со властію слѣпою и неограниченною, челоѳчество въ *Персіи* унижающею; а какъ *Монархіи* не прешли еще въ самодержавство (*), отвѣмляющее у души всѣ ея пружины, по гражданинѣ соблюдалъ чувствование добродѣтели и мужества, а государь созидалъ, если хотѣлъ, народъ совсемъ новый. Народъ навыкшій повиноватися безъ малодушія, не будучи самъ свой законодатель, никогда не проповишся примѣру своимъ государей. Онъ испунаетъ изъ

(*) Самодержавство есть наипротивѣйшее челоѳческому естеству состояніе. Мы не можемъ дать надъ собою неограниченной власти; но ниже законъ, извѣщъ общія воли, не имѣемъ другаго права наказывать преступниковъ опрѣчь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, по себѣ не для того, что мы оное дѣлаемъ должествуемъ неопиѣбно; но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣлаемъ закону часть нашихъ правъ и нашей природной власти, по дабы она употреблена была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ *безмолвный* договоръ. Если онъ нарушенъ, по мы освобождаемся отъ нашей *обязанности*. Неправосудіе государя даетъ народу, его судьи, по же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. *Государь есть первый гражданинъ народнаго общества.*

изъ своего забвенія , отмечаешъ свои пороки , и не вѣдая самъ того , воспріемаешъ новый нравъ и добродѣтель ему подаваемую .

Ни единый государь не былъ способнѣе *Филилла* ко произведенію столь щасливыхъ переимѣнъ . Великія его дарованія съ коими онъ родился , не токмо не замишались худымъ воспитаніемъ ; но нещастія его рода послужили къ ихъ объясненію и разширенію . Воспитанъ будучи въ такой республикѣ , гдѣ народъ ревнуя своей вольности презираетъ единоначальство , не зрѣвъ онъ тамъ ни гордости , ни пышности , ни ласкаательства дворы окружающихъ , упоющихъ государей ихъ величествомъ , и ихъ увѣряющихъ , что они довольно велики своимъ саномъ , и не имѣютъ нужды во другомъ величествѣ . Свидѣтель удовлетвореній , съ коими судія въ Демократіи исполняетъ власть ему врученную , вперяетъ свои мнѣнія , и убѣждаетъ съ немалымъ искусствомъ толпу ему повелѣвающую ; онъ воспріалъ притворно на престолѣ умѣренность , терпѣніе , милость и почитаніе законовъ , всегда не ограниченную власть подающія государю желающему казаться исполнителемъ правосудія .

Филиллъ воюя съ *Аргемъ* , съ симъ упорнымъ , честолюбивымъ и храбрымъ мужемъ ,

не

не премиримымъ до изнеможенія , стара-
 ется истребить *Павсаніа* негоціаціями. Въ
 то время какъ онъ деньги и общанія ,
 такъ сказать , сыплетъ , отвлекая *Фракію*
 отъ стороны сего возмутителя , онъ его
 ласкаетъ , подаетъ ему надѣжду и удер-
 живаетъ его въ недѣйствіи , ожидая вре-
 мяни когда онъ возможетъ грозить ему
 соединенными своими силами. Принужден-
 ный *Филиппъ* завоевывать свое государ-
 ство , угошворяетъ къ побѣдѣ навывшихъ
 въ бѣгство обращающіеся воиновъ ; онъ впе-
 ряетъ въ нихъ мужество , приводя въ
 честь между войскъ своихъ терпѣніе , у-
 мѣренность въ пищѣ и пищѣ , повинове-
 ніе и тѣлесныя упражненія. Желая все-
 литъ въ нихъ увѣреніе , и научить ихъ
 почитать самихъ себя ; онъ оказываетъ
 имъ почтеніе ими еще не заслуживаемое ;
 испытываетъ по малу ихъ храбрость и
 научаетъ ихъ искусству побѣждать , сра-
 жаяся самъ предъ ними. Словомъ научая
 войнѣ подвѣженіемъ *Еламинонда* , онъ
 пренесъ въ *Македонію* дисциплину симъ ве-
 ликимъ мужемъ *Фивянамъ* дарованную и
 изобрѣлъ *фалангу*.

Сей порядокъ сраженія , столь стра-
 шный *Паплу Емилию* показавшійся , да и
 въ такое время , когда онъ исправленіемъ
 былъ разслабленъ , былъ при своемъ началѣ
 составленъ изъ шести до семи тысячъ че-
 ловѣкъ поставленныхъ въ шестнадцать ше-

шеренгѣ. Всѣ фалангисты стояли сомкну-
ты и вооружены длинными копьями ;
копья послѣднѣя шеренги досязали на два
фута далѣе первыя , а другія по разбѣру
сихъ ; такъ что фаланга представляя
фронтъ съ бесчисленнымъ оружіемъ , каза-
лася непріятелю неприступною и дол-
женствовала своею тягостію опровергнуть
все , что ей противилось.

Полубій сравнивая сей порядокъ съ
Римскимъ , Римскій предпочитаетъ ; для
того что фаланга рѣдко находила удобное
ей для сраженія мѣсто. Холмъ , ровъ ,
рытвина , заборъ , ручей , все нарушало
оня порядокъ. Безъ всякаго вышшаго
препятствія , весьма было трудно , когда
она атаковать начинала , или когда отъ
непріятеля отступаета , чтобы на ходу
не колебалася ; а если она не была сом-
кнута , то была побѣжденна. Безъ труда
можно было войти въ провалъ когда она
приходила въ замѣшательство ; и фалан-
гистъ немогущій дѣлать ни малаго дви-
женія , становится опять въ порядокъ ,
и сражаться въ бѣзѣ , по причинѣ длин-
наго своего оружія , обращался въ бѣгство
или убиваемъ былъ не защищаяся.

Сіе *Полубіево* разсужденіе было весьма
благоразумно , въ то время какъ онъ сіе
писалъ. Филипповы наслѣдники составляя
фалангу изъ шестнадцати тысячъ человекъ ,

И

безъ

безчисленно усугубили препятствія про-
 пивающіяся ея ходу и ея движеніямъ.
 Правда и то, что порядокъ Римлянъ въ
 постановленіи ихъ войскъ въ три шеренги,
 и отдѣленными корпусами, равно удобными
 ко сраженію на всякомъ мѣстѣ, къ вся-
 кимъ движеніямъ, къ подаванію взаимной
 помощи, къ совокупленному и раздѣленному
 по обстоятельству дѣйствію, и пере-
 ходитъ во мгновеніе съ мѣста на мѣсто;
 былъ безъ сомнѣнія прослѣ, разумнѣе и
 подавалъ имъ великое надъ непріятелемъ
 превосходство. Но сей порядокъ приличе-
 ствуетъ войскамъ выученнымъ и приви-
 жимъ ко строжайшей дисциплинѣ. Ма-
 кедоняне не были таковы при возшествіи
 Филиппа на престолъ; имъ надобенъ былъ
 порядокъ сраженія, которой бы по есте-
 ству своему придавалъ имъ смѣлость, и
 не требовалъ ни малѣйшаго почти испы-
 танія во употребленіи оружія и въ воен-
 ныхъ дѣйствіяхъ.

Сколь скоро пикина установилася вну-
 три Македоніи, то Филиппъ старался упо-
 треблять въ пользу всѣ государственныя
 силы; онъ боялся чѣмъ бы не придать силъ
 злоупотребленію, если изгоняя оное онъ
 не надѣется оное испребитъ. Онъ при-
 творяется, что не видитъ того порока,
 коего онъ корени извлечь не можетъ, а о
 учрежденіи полезнаго порядка помышляетъ
 уже по изобрѣтеніи средства къ его у-
 швер-

тверженію. Онъ даетъ законы, а разумъ приучилъ уже онымъ повиноватися; онъ новое придаетъ *Македоніи* движеніе, и ничто въ ней не остаешся праздно и бесполезно; шакоеъ по бываетъ пушь властолюбія просвѣщеннаго, уготовляющаго вѣрные предпріятія своимъ успѣхи; прежде воздвиженія зданія, оно полагаетъ онаго основанія.

Филиппу удалося истребить главнѣйшихъ *Македоніи* злодѣевъ, я говорю о лѣности его подданныхъ, о ихъ робости и о ихъ равнодушїи къ общему благу; но онъ производитъ сіи великія намѣренія не какъ политическій *Философъ*, старающійся о благоденствїи государства и счастїи гражданъ: онъ былъ честолюбецъ приобщая *Македонянъ* своему любочестїю, дабы ихъ содѣлать орудїями своего счастїя; а тогда то предстала ему опасная препона. Сей государь бывалъ во знатнѣйшихъ республикахъ *Греціи*, и позналъ самъ собою ихъ разумъ, корысти, силы, немощь и средства. Онъ зналъ состояніе *Афинъ*, былъ свидѣтель паденія *Спарты*, зрѣлъ *Фивы* соблюдающихъ по смерти *Еламинонда*, токмо гордость великаго счастїя: вся *Греція*, какъ уже мы видѣли, пребывающая въ несогласїи отъ несчастныхъ страстей, *Пелопонискою* войною рожденныхъ, стремилася, казалось, подъ иго и просила повелителя. Вступая въ нее, можно было

И 2 . . . бытъ

быть увѣрену, что найдешь въ ней союзниковъ. Коликую надежду могъ получить *Филиппъ*? Пожоривъ славнѣйшій на земли народъ, могъ онъ льститья, что ни единый изъ его непріятелей не дерзнетъ ему пропивиться.

Да позволятъ мнѣ сдѣлать заѣсъ примѣчаніе. Исторія представляетъ намъ тысячу примѣровъ, что государства съ величайшими выгодами войною ими приобрѣтенными, остались по прежнемъ мракѣ, да и разорилися, не вѣдая что въ политикѣ есть искусство превосходящее искусство вдерживать побѣды, и наука полезнѣе силъ, наука ихъ употреблять. Сіе то искусство знали споль хорошо Римляне, искусство соблюдать свои силы, распространять ихъ къ спашію, и никогда не дѣлать себѣ новаго непріятеля, не опровергнувъ обидившаго ихъ. *Филиппъ* вѣдалъ, какъ и они, что наблюденіе порядка, нужно было, дабы не имѣть безплодныхъ успѣховъ; что дѣйствіе прежде всѣхъ предприемлемое, для того и трудно и само по себѣ есть бесполезно, а будетъ легко, утвердитъ прежнія выигрыши и къ новымъ не ложную подастъ надежду, если ему будетъ предшествовать другое предпріятіе. Положимъ что сей государь напалъ бы въ самомъ дѣлѣ прежде всего на Грековъ, то древніа непріятели *Македоніи* не преминули бы возобновить свои набѣги.

анн

ане, Фракіане, Иллиріане были Греціи по-
 мошники; а принужденный Филлилъ о-
 сшавшись свои усилія во единой стпоро-
 нѣ, дабы ити въ другую, былъ бы прин-
 жденъ раздѣлить свои силы. Непре-
 спанно переходя отъ Грековъ къ варварамъ,
 а отъ варваровъ ко Грекамъ, и ни чего не
 окончивая, усугубилъ бы онъ препятствія
 возстающія противъ его властолюбія. Если
 бы ему оное удалось, то по крайней мѣ-
 рѣ надлежало бы ему побѣждать вдругъ
 и съ великимъ трудомъ непріятелей, ко-
 торыхъ бы онъ могъ истребить единого
 другимъ.

Филлилъ устремляетъ сперва силы свои
 проптивъ Пеоніанъ и ихъ покоряетъ. По-
 томъ нападаетъ на Иллиріанъ, разбиваетъ
 по чредѣ Фракіянъ, отвемлетъ у тѣхъ и
 у другихъ завоеванныя ими у Македонѣи
 земли, разоряетъ ихъ главныя крѣпости,
 строитъ новыя на своихъ предѣлахъ; и
 токмо по уничиженіи варваръ и приведе-
 ніи своихъ земель въ безопасность, помы-
 шляетъ онъ о завоеваніи Греціи.

Большая часть предпріятій для того
 бывають не удачны, что начинаютъ о-
 ныхъ исполненіе въ самый тотъ мигъ,
 какъ оныя содѣлають вознамѣрятся, не
 предвидя препятствія; нѣтъ ничего къ
 побѣжденію ихъ готоваго. Спѣшатъ дѣ-
 лать распоряженія; а предмѣшны предста-

И 3

вля-

вляются не явственно и сквозь обманывающую страсть. Не въ состоянїи пропавшися первымъ прошивнымъ случаямъ, бываюшб оными удручаемы; повинуются произшествїямъ, вмѣсто того, чпобы повѣдѣвать ими; а полишика столь же не основательна, какъ щастїе не имѣетъ уже правилъ. Еще чаще случается, что государства не опредѣленную и зыблющуюся имѣютъ цѣль своего разширенїя; а тогда держава союзниковъ не имѣющая и подозрительная всѣмъ своимъ сосѣдамъ, не вѣдаетъ точно, кто ея будетъ непрїатель; она не можетъ къ единой цѣли устремлять свои намѣренїя переговорами приготовлять успѣхи своего оружія, ни наслаждаться всѣми свойственными ей выгодами. Наконецъ, рѣдко чпобы государство умѣло пользоваться всѣми пороками своихъ непрїателей, и нападая на нихъ со слабыя ихъ стороны, имѣло искусство противопоставить имъ спорону, коею оно ихъ превосходитъ.

Филиппъ долгое помышлялъ время о своемъ прошиву Грековъ предпрїятїи. Онъ готовился на нихъ напасть; но хочепъ, чпобы думали, что онъ чуждыми войнѣ занятъ мыслями. Подъ видомъ, что онъ не имѣетъ денегъ, и что хочетъ воздвигать зданїя и ихъ украшать всемъ темъ, что художества имѣютъ драгоцѣннаго; онъ великія во всѣхъ Греческихъ городахъ беретъ

береть въ заемъ деньги, платя за то великую лихву, а темъ приобрѣлъ онъ во свои руки иждивеніе знаменнѣйшихъ гражданъ каждой республики. Темъ содѣлалъ онъ себѣ наемниковъ, а казалось, что они его поклою заимодавцы; искалъ средства умножить пороки Грековъ, дабы ихъ разслабить, и мнилъ, что уже городомъ овладѣлъ, если привлечетъ нѣскольکو въ немъ судей на свою сторону.

Съ какимъ стараніемъ онъ Македонянкъ войнкъ ни пріучилъ; но силою тѣ только преодолѣвалъ трудности, кои разумъ его превзойти не могъ. Опасаяся, чтобы противъ его не сдѣлался заговоръ, онъ старался усугублять зависть и ненависть, Грековъ въ несогласіи держащія. Дабы имъ подать новую надежду, новую боязнь, новыя подозрѣнія, новыя корысти, ласкаетъ онъ гордость единыхъ республики, общаетъ другой свое покровительство, а сея снискиваетъ дружбу, отказываетъ, подаетъ или отбемлетъ свою помощь, смотря по надобности ускорять или останавливать движенія своихъ союзниковъ или своихъ непріятелей. То покоряетъ онъ нѣкоторый народъ своими благодѣяніями; таковъ былъ жребій *Виссалианъ* отъ мучителей имъ освобожденныхъ, и паки воспринятыхъ въ совѣтъ *Амфиктіонскій*. То кажется, что онъ почти по неволѣ приступаетъ ко исполненію намѣреній, кои

онъ самъ внушилъ. Если начинаеть войну съ какою либо Греческою землею, по сіе для того, что туда его призвали; такимъ по образомъ входитъ онъ въ *Леллолонисъ*, по прошенію *Мессены* и *Мегаллополя*, на коихъ Лакедемоняне чинили нападеныя. Если онъ видитъ надобность овладѣть нѣкою городомъ, то онъ его не раздражаетъ, а предлагаетъ ему напротивъ того свою дружбу, и хитро возбуждаетъ его властолюбіе, дабы поссорить его съ его сосѣдами. Но едва сія несчастная республика союзомъ съ *Македонією* возгордившаяся, впала въ поставленныя ей сѣти; какъ *Филиппъ* приводя въ движеніе средства уготованныя имъ къ содѣланію ихъ размолвки, или подъ видомъ, что онъ защищаетъ удрученныхъ; онъ испребляетъ своего непріятели не дѣлая себя ненавистнымъ. *Олинціяне* были обмануты таковою политикою, какъ полагаю на его покровительство, они раздражили жителей *Потиден*.

Ни единый государь не зналъ столь хорошо, дабы бытъ не постижиму, какъ *Филиппъ* искусства переменять поступки не отходя отъ своихъ правилъ; переговоры, союзы, миръ, перемирие, непріятельскія дѣйствія, отступъ, недѣйствіе, все употребляя онъ по чредѣ, и все равно стремилъ къ концу, отъ коего, казалось, онъ всегда отдалаяся, зная какъ
упра

управлять страстями, возбуждать подозрѣніе, сомнѣніе, боязнь, надежду, смѣшивать или раздѣлять предмѣты; непріятели его оставались всегда власнолюбцы, союзники не благодарны, а онѣдальнѣ собиралъ плоды войны, въ коей онъ былъ только вспомогателемъ.

Финяне препоручая Филиллу Делфскаго храма мщеніе, подали ему главнѣйшее средство къ достиженію господства надъ Греціею. Сіе мщеніе произвелъ онъ надъ Фокіанами, пахавшими для своея пользы часть Киррейскія земли Лолллу посвященной; Фокіане упорспивуя во всемъ безбожіи отрицалися платишь пеню Амфижціонами на нихъ возложенную. Священная война продолжалась уже десять лѣтъ; всѣ почти Греческія народы приняли въ ней участіе, а онъ равномѣрныхъ успѣховъ казалось, что она будетъ вѣчная, какъ истощенные Финяне прибѣгнули на ковецъ къ Филиллу. Сей государь вошелъ въ Локриду съ великою арміею, а Фалекъ Фокіанскій полководецъ не будучи въ состояніи сражаться съ непріятелемъ, столь сильно на него наступающимъ, предложилъ средства къ примиренію. Ему было позволено выйти изъ Фокиды съ воинами нанимаемыми имъ за похищенные имъ въ Дельфскомъ храмѣ богатства; а Фокіане по его отшествіи, принуждены были покаяваться Филиллу и Финянамъ.

посылають депутатовъ въ Амфиктіонскій совѣтъ, опіятое у побѣжденныхъ, было на всегда опіадано *Македоніи*, копорая раздѣлила шакъ же съ *Веотіанами* и *Фессаліанами* преимущество предсѣданія въ Пиеійскихъ играхъ, опіятое у *Коринѳяно* въ наказаніе за подавную ими въ сей войнѣ *Фоліана* помощь.

Сіи два преимущества казалися по себѣ ни чего не значущими; но въ рукахъ *Филли* перемѣняли они нѣкоторымъ образомъ свое естество. Пиеійскія игры и другія Греціи торжества, были хотя не нужныя зрѣлища и празнества; но какъ Греки споль вѣтренны стали, что оныя важнымъ почитали предмѣтомъ, то государю споль хипрому, каковъ былъ *Филли*, не безъ нужды было въ оныхъ имѣть предсѣданіе и нѣкоторымъ образомъ правленіе ихъ веселостей. Хотя Амфиктіонское собраніе и не имѣло власти, опречь вещей до вѣры касающихся, а преступники Божіихъ законовъ, сильныхъ имѣли между человекъв неприятели; *Филли* однакожъ много выигрывалъ, будучи пріобщенъ оному. Кто его былъ способенъ употреблять во свою пользу народное суевѣріе? Онъ уже не былъ болѣе во Греціи чужестранецъ; не дѣлаясь подозрительнымъ, могъ онъ во всѣхъ дѣлахъ брать участіе, возобновить власть Амфиктіоновъ, и возвращая имъ древнія ихъ

ихъ преимущества содѣлать ихъ полезнымъ орудіемъ своего властолюбія.

Жрецы и всѣ служащія Богу въ Делфскомъ храмѣ особы, начали уже прославлять почитаніе и ревность къ богамъ Филиппову; наемники его выхваляли погда его умѣренность и правосудіе, и во всей Греціи слышно было ожиданіе возвращенія златаго вѣка. Упомленные домашними смятеніями граждане ласкались, что миръ утвердится, а люди честолюбивые, пронырливые и предводители партій, радуясь внутренно о власти покровителемъ ихъ приобрѣтенной, близкую предвидѣли перемѣну, и своими похвалами способствовали всѣхъ обманывать. Таково по было Грековъ къ Филиппу предубѣжденіе, что Демосѳенъ главнѣйшій его непріятель, и во время священныя войны негодовавшій противъ его въ пользу Фокіанъ вдругъ премѣнилъ свое слово. Въ мѣсто того, чтобы Аѳинянъ поощрять къ войнѣ, онъ уговаривалъ ихъ къ миру; старался побудить ко признанію новаго Филиппова сана и ко утверженію опредѣленія, коимъ Аѳиняны его приняли во свое собраніе.

Сей витій познавая только единъ во Греціи властолюбивыя Македонѣи намѣренія, увидѣлъ опасность грозящую вольности своего отечества. Если бы кто въ состояніи былъ Аѳинянъ извлечь изъ уничиже-

чуженія, въ кое ихъ ввергнула страсть веселосней, возвратить Грекамъ древнее ихъ мужество, и единую имъ вложить корысть; но сіе былъ *Демосѳенъ*, коего горящее слово теперь еще чишаедея воспаменяетъ. Но онъ вѣщаалъ глухимъ; а краснорѣчивыя Филипповы полаянія содѣлали по, что какъ скоро сей витій грому подобнымъ гласомъ предлагалъ о заключеніи союзовъ, о собраніи войскъ, о сооруженіи галеръ, по тысяча голосовъ вѣщали, что миръ величайшее есть благо, и что не надлежитъ тепрешнимъ жертвовать мгновениемъ мысленнымъ о будущемъ боязнямъ. *Демосѳенъ* обращалъ слово свое къ любви отечества, къ любви вольности, а сѣхъ добродѣтелей во Греціи уже не было: Филипповы наемники напротивъ того, возбуждали въ его пользу лѣность и среблюбіе.

Хотя бы сей государь и не столь хитро умѣалъ сокрывать намѣренія своего гласнолюбія, но можно ли было надѣяться, что Греки вновь соединятся и общій противъ *Македоніи* содѣлаютъ союзъ, какъ нѣкогда они содѣлали противъ *Персіи*? „Сколь „*Демосѳенъ*, говоритъ *Поллиій*, хвалы ни „достойнъ во многихъ разсужденіяхъ; но „въ томъ извинить его не можно, что „онъ называлъ срамнымъ именемъ *измѣнни-* „*ника* знатнѣйшихъ гражданъ многихъ „ресубликкъ, для того, что они были со
 еше-

„сторонн *Филлла*. Всѣ сїи судїи, коихъ
 „*Демосфенъ* запымишь хотѣлъ славу, безъ
 „спрада могли оправдать поступокъ усу-
 „губившій, по происшедшихъ перемѣнахъ
 „въ политической системѣ *Греціи*, силы
 „и могущества ихъ опечества или сохра-
 „нившей его отъ погибели. Если *Мессеняне*
 „и *Архадяне* мнили, что ихъ корысти не
 „одинаковы были съ *Аѳинскими*, если они
 „хотѣли лучше просить *Филиппова* покрови-
 „тельства, нежели бытъ приведеннымъ
 „въ рабство *Лакедемонянами*, если они пре-
 „небрегли зло отдаленное и искали сред-
 „ства къ отвращенію зла имъ наспящаго;
 „долж испововалъ ли *Демосфенъ* оное имъ
 „поставлять въ преступленіе? Сей витій
 „очень ошибался, коли желалъ, чтобы
 „всѣ *Греки* располагалися по корыстямъ
 „*Аѳинъ* въ наблюденіи своихъ выгодъ. „

Если по разрушеніи союзнаго правленія,
 каждая республика должна была на себя
 только надѣяться, и если сосѣди ея были
 ей злодѣи; то для чего *Демосфенъ* думалъ
 что онъ право имѣеть требовать, чтобы
Ѳессаліяне на предѣлахъ *Македонїи* живущіе
 и *Филлломъ* отъ мучителей избавленные,
 были благодарны, и подвергая себя
 прежде всѣхъ всѣмъ воинскимъ дѣйствїямъ,
 подавали бы бесплодно *Греціи* примѣръ
 мужества, и казались бы прилѣпленны
 ко правиламъ согласія, коихъ уже болѣе
 не было? Если *Аргїане* просили *Филиппова*

по-

покровительства, по сѣ происходило отъ того, что *Лакедемонъ* хотѣлъ еще быть Пелопонискимъ мучителемъ, и что не могли вѣрнаго ни съ какою во *Греціи* республикою заключить союза, *Македонія* токмо могла имъ дѣйствительную подать помощь. Если *Филлине* въ союзъ вступили съ *Филиппомъ*, по сѣ было для того, что они видѣли, что Греки не хотѣли уже быть вольными, что всѣ стяжали мучительство, и за благо разумнее почисляли дѣло, не оскорблять сильнѣйшаго непріятели народныхъ вольности.

Какъ *Демосфенъ* не чувствовалъ; что ругательства изрекаемыя имъ на знатнѣйшихъ судей *Миссены*, *Мегалололя*, *Фипъ*, *Аргоса*, *Фиссаліи* и проч. не токмо не приготавливали разумы къ союзамъ, о коихъ онъ помышлялъ, но могли усугубить и домашнія распри *Греціи*? Испышавъ *Аѳиняны* немощь, нерѣшимость и подлую робость, для чего хотѣлъ онъ чтобы другіе города дѣлали для нихъ то, чего они сами не дѣлали? Познавъ опытомъ что посольства, коими онъ утруждалъ *Грецію* были бесполезны, для чего онъ не перемѣнилъ намѣренія? и можно ли не презирать его какъ политика и какъ гражданина, въ то время какъ ему, какъ вѣщю удивляешься?

Онъ дерзнулъ предложить *Аѳинянамъ* набрать двѣ тысячи человекъ пѣхоты и двѣ-

двѣсти человѣкъ конницы, изъ коихъ граждане составляють третью часть и снарядить десять галеръ легко вооруженныхъ. Я болѣе не требую, говорилъ онъ, для того, что телерешнее наше состояніе не дозволяетъ намъ довольно имѣти псайса, дабы съ Филиппомъ сражаться въ полѣ. Какое же было Демосфеново намѣреніе? мы должны, продолжаетъ онъ, дѣлать только набѣги. Странное намѣреніе! кое вмѣсто мужества вперить долженствовало Аѳинянамъ смѣшное безпокойствіе, которое не токмо не вселяло страха въ непріятели ихъ силами превосходящаго, но могло его раздражить, и оправдало бы его властолюбіе. Или Демосфенъ надѣялся, что сіе слабое усиліе возбудитъ вновь мужество Греціи и вселитъ въ нее увѣреніе и соревнованіе? Онъ самъ ничего не ожидалъ отъ своихъ предприятий для того что въ великомъ множествѣ вступленій, кои онъ приготовлялъ заранѣе и употреблялъ при случаѣ, едва найдутся два или три, кои бы онъ приготовилъ для счастливаго случая. Полибий упрекаетъ ему, что онъ будущаго не предузнавалъ, а вмѣсто политики имѣлъ дерзкую вспыльчивость. Аѳиняне, говоритъ сей историкъ, енисходя на конецъ на прошенія своего вѣтѣя, восстали противъ Филиппа; разбишы при Херонѣе они бы не соблюдали ни своихъ домовъ, ни храмовъ, ни гражданскаго сана, если бы побѣдитель не внушалъ своему великодушню.

Мнѣ

Мнѣ гораздо лучше кажется разсужденіе Фокіона, который будучи столь же великій полководецъ какъ Демосфенъ худый воинъ, располагался по своимъ согражданамъ и побуждалъ ихъ къ миру, хотя война поставила бы его республики главою. „Я согласенъ, говорилъ онъ нѣкогда Аѳинянамъ что вамъ надлежитъ стараться, быть всѣхъ сильнѣе, или снискивать сильнѣйшихъ дружбу. Не жалуйтесь на вашихъ союзниковъ; но на самихъ себя Вы, коихъ роскошь вкореняетъ всѣ забупотребленія, жалуйтесь на вашихъ полководцовъ, коихъ грабительство возмущаетъ противъ васъ даже и тѣ народы, кои погибнутъ, если вы побѣждены будете. Я вамъ, говорилъ онъ, буду тогда войну совѣтовать, когда вы будете въ состояніи оную производить, когда я увижу что молодые люди повинуются, и своего въ бою мѣста не покидаютъ, что богаче добровольно помогаютъ республикѣ въ ея нуждахъ а витіи общесства не грабятъ.“

Въ семъ то состояла вся политика сего великаго мужа, который не судилъ о силахъ и средствахъ государства, но припадкамъ такъ сказать мужества и смѣлости отъ своенравія происходящимъ, и разрушающимся своенравіемъ; но по своему нраву и своей привычкѣ утвержденнымъ законами непреложными. Фаллонъ изи-
раетъ

раабъ на *Анины* и на всю *Грецію* какъ на больныхъ, копорымъ не вдругъ должно возвращать здравіе; но коихъ надлежитъ продолжать жизнь и укрѣплять пблослаженіе по малу *детою* благоразумною и оспорожною. Въ самомъ дѣлѣ разслабленны долговременнымъ теченіемъ золъ, имъ необходимо должно было погибнуть въ случаѣ обоюдномъ сильными врачеваніями причиненномъ. Народу добродѣтельному *Фокіонъ* позволилъ бы предаться опчаянію, для того, что отъ онаго произойти можетъ его спасеніе; но онъ зналъ, что поврежденная республика бываетъ только опважна, если дерзнетъ предпринять трудное намѣреніе.

Хотя *Демосфенъ* не основательнымъ своимъ поступкомъ усугублялъ Грековъ несогласіе, и слѣдовательно самъ служилъ властолюбію *Филиппа*; однако же сей государь, будучи увѣренъ, что онъ можетъ во *Греції* производить движенія чрезъ своихъ наемниковъ и союзниковъ, и по своей волѣ возбуждать въ ней смяшенія, всевозможно старался привлечь сего витія на свою сторону или воспрепятствовать ему говорить къ народу. Онъ могъ бы обойтись безъ услугъ *Демосфеномъ* ему оказуемыхъ; но онъ боялся стремительнаго его краснорѣчія представляющаго сего государя мучителямъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы гордость Грековъ возобновилась воспоминаніемъ

веніемъ великихъ дѣлъ ихъ предковъ. Говорить имъ о цѣли вольности было то же, что принуждать его дѣйствовать съ безпокойною для властолюбиваго человека оспорожностію. Чемъ болѣе *Филиппъ* старался вперить Грекамъ нерадѣніе о своей вольности и нѣкоторое недоумѣніе, кое бы ихъ къ повиненію уготовило, когда она будетъ побѣждена; темъ прискорбнѣе для него было видѣти, что *Афинскій* вѣстій открывалъ его намеренія, научалъ Грековъ заранѣе спыдаться своимъ порабощеніемъ, коего имъ избѣжать было не возможно, и дѣлалъ нѣкоторымъ образомъ плодъ его побѣдъ не вѣрнымъ, приготовляя ихъ бытъ не спокойными и кнѣжниками.

Къ тому же сей государь въ послѣднихъ войнахъ видѣлъ, что *Спарта*, *Афины*, *Оники* и другіе республики прибѣгали по чредѣ къ покровительству *Персіи* и къ побѣжденію своихъ непріятелей употребляли ея силы. Таковая попятка не казалась уже болѣе ненавистною; и не удивительно бы было, что *Демосфенъ* не сыскавъ въ *Греціи* помощи прошивъ *Македоніи*; прибѣгнулъ бы къ *Ассійскимъ* Сатрапамъ. *Филиппу* темъ болѣе должно было ожидать таковаго поступка отъ сего вѣстія, что онъ какъ всѣмъ знакомо было, имѣлъ съ *Персидскимъ* дворомъ переписку, да и былъ его кнѣжникъ.

Есди

Если бы сія держава виѣшалася въ двѣ Греціи, то бы Филиппы намѣренія не удалися, или по крайней мѣрѣ исполненіе оныхъ гораздо бы было труднѣе. Безчисленнымъ богатства Асіи, отвлекши бы отъ сего государя всѣхъ его друзей; царей Персидскихъ деньги легко бы соединили всѣхъ не соглаемыхъ республикъ, для того что ихъ суди, равную имѣли къ богатству спросты. Въсто того, что бы Греками побѣждать Грековъ, Филиппъ былъ бы принужденъ на ихъ соединившіяся напасть силы; а дабы ихъ покорить, то надлежало бы побѣдить и самихъ Персовъ.

Время оказало справедливость того, чего Филиппъ опасался. Демосфенъ предложилъ мѣрѣ, что надлежитъ послать къ Персидскому царю пословъ, дабы ему представить, сколько ему полезно, чтобы Македонія не усиливалася, и просить о присылкѣ Аѳинянамъ помощи. Витій итнншавъ сперва положеніе разумовъ всевозможно побуждалъ въ другомъ своемъ словѣ согражданъ своихъ къ сему предпріятію; на которое на конецъ народъ согласился. Аѳинянамъ въ ономъ удался; а Филиппъ содѣлавъ нужную для него осаду Перинѳомъ и Византіи принужденъ былъ переимѣнить свое намѣреніе для того, что Персидскій дворъ и Аѳинская республика прислали осажденнымъ вспомогательное войско.

Тогда шо оказалъ сей государь всю свою премудрость. Онъ разсудилъ, что упорствуя во своемъ предпріятіи, онъ раздражитъ непріятелей своихъ, сопряжетъ ихъ пѣснымъ союзомъ, и принудитъ ихъ содѣлать шо приспастіемъ, къ чему бы ихъ никогда не побудило ни мужество ни благоразуміе. Дабы отвратить грозящую ему бурю, онъ оставляетъ осаду городовъ почти ему здающихся, и усремяетъ оружіе свое противъ *Скивопъ*.

Аѳиняне темъ щеславиѣ, чемъ они были подаѣ, не сомнѣвались, чтобы Филипповъ походъ во *Скивію* не происходилъ отъ опчаянія; мнили что уничиженный своимъ урономъ, онъ тамо стыдъ свой сокрыть хочеть; видя его войну предпріемлющаго противъ народа невѣдающаго земледѣлія, твердаго жилища не имѣющаго, пасущаго предъ собою стадо свое, и непріятелю оставляющаго свою степь, въ коей сему пипаться нечемъ, льстилися что *Македонія* погибнетъ. Однако же Филиппъ намѣренія своего противъ *Скивопъ* въ самомъ дѣлѣ не исполняетъ; и безъ нужды не начинаетъ военныхъ дѣйствій, которыя бы ему препящствовали войни во *Грецію*, когда онъ захочеть; а Аѳиняне почитаютъ его благоразумный поступокъ знакомъ его смяненія, и радуются уже его замѣшательству. Персидскій же дворъ привыкшій къ рабскому ласкательству

опыту внушилъ несмысленному Оху , что онъ надъ Филиппомъ торжествуесть. Чемъ менше труда сія побѣда стоила , темъ болѣе сей гордый самодержавецъ мнилъ , что не нужно уже большія пропавъ Филиппа устремлять силы , и что ужасъ его имяни наложитъ узы Филиппову властолюбію. Гордость союзниковъ и радость ихъ воспредтели имъ принять мѣры для будущаго времени , и связь ихъ совокупающая по предсказанію ихъ врага ослабла.

Однако же Филиппъ не спуская съ нихъ взоровъ помышлялъ и во Схисии о мщеніи; но дабы скорѣе всѣхъ привести въ замѣшательство и возбудить между Персеею и Лациемъ несогласіе , вознамѣрился онъ Грековъ упразднить такимъ дѣломъ , въ коемъ казалось , что онъ не пріемлетъ ни малѣйшаго участія. Пользуясь своею надъ Амфиктіонами властію , онъ побуждаетъ ихъ къ объявленію войны Амфискимъ Лакрианамъ , завладѣвшимъ нѣкоторыми полями Делфическому храму посвященными ; и по его наставленію опдають они предводительство войскъ Коттифу , преданному со всѣми Филипповыми повелѣніями. Сей послушный даннымъ ему наставленіямъ льстецъ , войну производитъ слабо , и не токмо не желаетъ имѣть успѣховъ , но Лакрианамъ предоставляетъ столько выгоды , что набожные люди боялися соблаза , и опасались , чтобы величество Дельфическаго

снago божества не оспалоса безъ мщенія, всѣ приходятъ въ движеніе, при жалобахъ Аполоновыхъ и Филипповыхъ соучастниковъ; всѣ Греція намѣряется содѣлать всеобщее усиліе, ко испребленію поругателей божества. Лохріане напоминаятъ о Фоксанахъ; Филиппъ ихъ побѣдилъ, онъ шокмо и сихъ покорить можеть; народное желаніе вручаетъ ему повелѣніе; злодѣи его не дерзаятъ тому прошивити ся, опасаясь быть въ безбожін обвиненными, и на конецъ Дификціоны къ нему прибѣгають.

Сколько сей государь сокрывалъ до сего времени свои намѣренія, столько онъ старался величествомъ сего похода привести въ робость своихъ непріятелей, сколь скоро онъ признанъ былъ Греціи мстителемъ, и какъ въ самомъ дѣлѣ мститель содѣданный Дельфискому храму обиды, онъ могъ предаться своему власшолоубію, Едва онъ разбилъ Лохріанъ, какъ подъ видомъ, чтобы принудить Аѳинянъ отпасть отъ союза бунтующихъ, онъ вошелъ въ Фокіяду и взялъ Елатею, прежде нежели кто проикнулъ его истинныя намѣренія.

Сія вѣдомость и извѣстіе о его походѣ въ Аттику, получены были въ Аѳинахъ среди ночи; смященные градоначальники объявили оное шотъ же мигъ чрезъ народныхъ возвѣщителей: всѣ приходятъ въ
двѣ

движеніе, смященіе распространяется по всему городу; и граждане не дожидаясь созыву, прибегаютъ на мѣсто собранія, гдѣ сперва царствуетъ молчаніе велие. Ни единый вишій не осмѣливается взойти на кафедру, какъ *Демосфенъ* ободренный народомъ взоры свои на него устремившимъ, началъ говорить. Онъ увѣщавалъ согражданъ своихъ, чѣобы они не отчаявались во спасеніи отечества, и предлагалъ чѣобы послать посольство къ *Филипамъ* для испрошенія помощи противъ непріятеля, не старающагося уже сокрывать своего властолюбія, и коего новое предпріятіе равно ихъ и *Аттики* вольности угрожаетъ. Народъ утвердилъ сіе предпріятіе своими плесканіями; и *Демосфенъ* безъ труда заключилъ союзъ съ республикою, которою *Филиппъ* начиналъ принижать, съ шѣхъ поръ какъ онъ ее сдѣлалъ *Вестин* ненавистною. Казалось что сіи обѣ союзницы воспринимали паки духъ оживлявшій ихъ подъ предводительствомъ *Фемистокла* и *Елланнода*; при *Херонѣ* сражались онѣ съ удивительнымъ мужествомъ, но участіе имъ стало прошивно.

Филиппъ стараяся всегда сорить своихъ непріятелей и смятять милосердіемъ своимъ строгость, къ коей наблюденіе священнаго блага его иногда принуждало, предупредилъ *Афинянъ* благодареніями, отдавъ имъ ихъ палачиковъ безъ выкупа, и

предложилъ имъ выгодной миръ; а да Оливянами гнался онъ съ наибольшимъ жаромъ и не прежде даровалъ имъ миръ, какъ поставилъ войско свое въ ихъ городѣ.

Сей государь оладѣлъ уже наибольшими во Греціи постами, войски его обыкли побѣждать, всѣ республики прещали предъ имъ побѣдителя, или возвышали его уиѣренность. Но далеко было отъ того, что бы сіе владычество *Македоніи* непоколебимо утвердилось; да и гораздо было труднѣе сдѣлать Грековъ терпѣливыми подъ игромъ на нихъ наложеннымъ, нежели ихъ побѣдить. Пороки ихъ и распри довели ихъ не примѣрно до порабощенія; но присутствіе вождя, могло имъ возвратити древній ихъ духъ, ошверзая ихъ очи надъ ихъ жребіемъ: и народъ ни когда столь опасенъ не бываетъ, какъ когда онъ сражается для возвращенія потерянныхъ своей вольности, не привыкнувъ еще повиноватися. Въ народѣ непостоянномъ, беспокоящемся, горломъ, дерзкомъ и воинственнымъ, малѣйшее произшествіе могло бы произвести перемѣну или по крайней мѣрѣ всегда новые бунты, кои бы на конецъ истощили силы *Македоніи*, или которые бы ее привели въ необходимость сражатися еще долгое время, прежде нежели она бы могла пользоваться своими побѣдами.

Филиппъ

Филиппъ не былъ ослабленъ своими удачами; подобенъ Римлянамъ, спольвавшимъ искусство управлять по вольсвоимъ народами, и покорившимъ спуска нѣсколько сподбшій Грековъ, онъ зналъ всѣ срединны, чрезъ кои народу переходить должно изъ вольности въ рабство, и недальность, съ кою надлежитъ его провождать, дабы приучить его къ послушаню. Онъ смятилъ гордость своел побдд, привлекъ къ себѣ паки разумы, кои хощаще его, казался; очуждило, спарада въ Греховъ, что войну онъ ведъ до себѣ и побждадъ для него только, что бы ихъ избавить отъ ихъ мучителей и покровительствовать ихъ независимости. Изящнѣйшее дѣйствіе его политики было то, что онъ ихъ посорилъ съ Персидскимъ дворомъ. Возжигая паки ихъ древнюю ненависть противъ сея державы, руководству имъ въ завоеваніи Асін, онъ угождадъ ихъ гордости, отвращалъ вниманіе ихъ отъ потерянїя вольности, насыщалъ ихъ природную безпокойность и присвоивалъ всѣ тѣ силы, кои бы Греція могла противъ его обратиться.

По завоеваніи Самрапствъ малыя Асін, Греція находяся въ срединѣ Македонскія державы, и не имѣя ни союзниковъ ни соудей, ни надѣяся на чужую помощь, узрела бысебя неможною возвратити свою свободу: скоро бы почувствовала она подѣ

Финипповой рукою, сіе тяжкое рабство, хъ коему ея осудили Римляне. Наизна-
 меннѣйшая республика, могла бы покло
 содѣлать возмущеніе, и всѣ Греки скоро
 бы познали опасность и неудобства сихъ
 преходящихъ волнованій, кои мучитель-
 ственно употребляетъ всегда для расшире-
 нія своихъ правъ и оныхъ утвержденія.

Награждая единою рукою, нося во дру-
 гой казнь, *Фимиллъ* упоминалъ бы твер-
 дость своихъ непріятелей и усугубилъ бы
 число своихъ участниковъ. Довольно для
 него было отдаватьъ единыхъ отъ градо-
 начальства, а другихъ облакать въ оное
 чрезъ свои проски, дабы наслаждаться
 наконецъ сею неограниченною властію,
 коея властолюбцы столь жаждутъ, и ко-
 торая однакоже бываетъ предтеча ихъ
 немощи, паденія и разрушенія.

Я не знаю представляло ли власто-
 любіе какого челоуѣка столь притязатель-
 ное зрѣлище, какъ царствованіе *Фимилла*.
 Какое остроуміе, какое мужество во всѣхъ
 подробностяхъ поведенія сего государя!
 Какая точность въ порядкѣ возвышенія,
 которое онъ себѣ сдѣлалъ предмѣтомъ!
 Не можно довольно удивляться, съ какими
 постоянствомъ онъ ему сдѣловалъ. Какое
 знаніе челоуѣческаго сердца! Какое иску-
 стство во приведеніи его въ движеніе; сколь
 мудро онъ умѣлъ пользоваться страстью!
 Всякій

Всякій государь, который имѣя такой же разумъ, будетъ поступать по тѣмъ же правиламъ, будетъ безъ сомнѣнїа имѣть равномѣрныя успѣхи; онъ ужасенъ будетъ своимъ соудамъ, побѣдитъ непрїятелей и сдѣлаетъ завоеванїя. И я бы по возможности моей старался разыскать пружины сея несчастныя политики, если бы предпологаемой ея предмѣтъ не казался малъ, презрителенъ и осуждаемъ сею изящною политикою, не спарохающею служить спраспѣмъ правителя, но пекущеюся о благоденствїи государствъ. И въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлалъ Филиппъ для благополучїя Македонїи и своего дома? Помышляя только о своемъ частномъ блаженствѣ, стараяся только о удовольствованїи своего властолюбїя, онъ употребилъ наибольшія дарованїя и наирѣдчайшїя средства остроумїя душевныя къ возведенїю зданїя, кое скоро послѣ его обвалилось должнествовало. Люди худо понимаютъ корысти человѣчества, когда несмысленно удивляясь превзойденнымъ трудностямъ; они безъ исключенїя выхваляютъ дарованїя, кои хъ употребленїе было вредно.

Была ли въ томъ нужда Филипповой фамили и его государству, чтобы онъ основалъ великое владѣнїе? Усиливаясь ополь много, онъ насадилъ сѣмяна тмыи войнъ, и угошовалъ миру превращенїя и опустошенїя. Если бы наследникъ его былъ

былъ человекъ обыкновенный, то бы весь плодъ трудовъ его изчезъ въ единый день. Онъ оставилъ вѣнецъ свой Ироку, содѣлавъ его довольно могущественнымъ, чтобы завоевать Асію; но сіи завоеванія не были обладаемы Александровыми потомками и *Македонскою*. Наслѣдники сего государя погибли жалостнымъ образомъ; а государство ихъ, стѣсненное пакы въ прежнія свои предѣлы, сохранило изъ прежняго своего щастія, токмо неограниченное владычествіе его испощевающее, а наконецъ стало хищею Римлянъ. Если бы *Фимиллъ* имѣлъ достойнаго себѣ наследника, то есть такого, которой бы вмѣсто того, чтобы помышлять о завоеваніи всего свѣта, утвердилъ свое владычество во Греціи; то можно бы его было похвалить искренности остатковъ мужества, отъ вольности ихъ происшедшаго. Наконецъ для чего же порочить употребленіе содѣланное *Фимилломъ* своихъ дарованій, ибо щастіе, которое онъ спяжалъ, могло только повредить его наследниковъ, и усугубить тяжесть царскія должности?

Сколько велика была бы слава сего государя, если бы по вѣществу своему въ Амфиіонскій совѣтъ, онъ спарался только приобрести такое владычество, какое имѣлъ *Спарта*, и оживляя угасшій духъ союза, онъ бы возобновилъ древнее Грековъ сопряженіе

женіе. Время уже было помышлять о шаковомъ поновленіи. Республики будучи довольно могущественны къ ощущенію властолюбія, довольно уже испыталаи бѣдствіи, чтобы увидѣть, что онѣ шолько не основательныя сооружали предпріятія. Всѣ чувствовали нужду въ союзѣхъ, отъ того произошли ихъ непрестанныя негоціаціи, а если союзы ихъ были не шверды, то сіе было для того что ни единый городъ не имѣлъ ни довольно силы, ни довольно мудрости, чтобы вселить въ другихъ увѣреніе, и имѣ покровительствовать дѣйствительно. Какую бы заслужилъ *Филиппъ* хвалу, если бы по исправленіи пороковъ своего государства, онъ утвердилъ свои учрежденія, придавая законамъ ту власть, коея онъ столь жаждалъ; если бы онъ воспрешилъ своимъ наследникамъ употреблять во зло могущество, кое онъ имѣ оставилъ; и становясь такъ сказать зиждитель всего блага, кое они содѣлаютъ, онъ составилъ бы единый народъ изъ своихъ, древнихъ подданныхъ и изъ Грековъ? Сей государь сравнилъ бы съ *Анхургомъ*. Шасптивная внутри *Македонія*, была бы онѣ чужестранцовъ въ безопасности; силы ея соединенныя съ силами Греціи, могли бы противиться нападеніямъ, и въроятно, чтобы Римское могущество рушилося, сражаяся съ симъ *сильнымъ* государствомъ вольныхъ и цвѣтущихъ.

На-

Назначенный Филиппъ вождемъ Грековъ для Асійскія войны, послалъ уже тогда нѣкоторыхъ изъ своихъ полководцовъ и вознамѣряся самъ за ними слѣдовать съ ужаснымъ войскомъ, какъ онъ былъ убитъ. Получа сѣ извѣстїе, Фракіане, Песитане, Иллириане и Тапелентяне воспринимаютъ оружїе, и они рушили бы худо утвержденное Македоняны могущество, если бы не Филиппу наследовалъ Александръ. Греки съ своей стороны жнили, что уже паки приобрѣли свою вольность. Филиппе побуждаемы Демостреномъ, не хотѣли чужестранному повиноватися вождю; и сопрягаясь съ Атталомъ, братомъ впрочемъ Филипповой супруги и Александровымъ неприятелемъ, ласкались возбудить столько въ Македонїи возмущенїй, что Грекамъ легко будетъ возстановить свою независимость. Етоліане спѣшили призвать обратно въ Ахарнанїю изгнанныхъ Филиппомъ жителей. Амбракіоты выгнали поставленный у нихъ симъ государемъ гарнизонъ. Жители Арбеа, Елмса, Спартяне и Архадяне подали въ Пеллопоннсъ примѣръ возмущенїя; а Филиппе отрицая Александру титулъ вождя, данное ему его отцу, опредѣлили, чтобы находящїеся въ Кадмеи (*) Македоняне, вышли изъ оныя.

Та.

(*) Оньская цитадель называлась Кадмея, отъ имени Кадме царя Оньскаго ее построившаго.

Такиѣ образѣ Греки упаявалися на дѣждю; что младый *Филллойд* наследникъ удержанъ будещъ во своемъ государствѣ войною съ варварами; но ему ни что не противится. *Бракіане*, *Иллириане*, *Леоиане*, *Талентяне*, всѣ уже воспріяли назнѣ, всѣ обратилися паки ко своей должнѣсти. *Александръ* является во Греціи, а *Фивяне* не покидаютъ при приходѣ его осаду *Кадмей*. Они ругаются сему государю, которой ихъ самихъ въ городѣ ихъ осаждаещъ. Не взирая на чудесную храбрость, отчаяніемъ имъ внушенную, городъ ихъ взявъ приступомъ, и нещастное ихъ отечество было позорищемъ ужасныхъ войны бѣдствій. Всѣ воины погибли мечемъ. Жены, дѣти, старики, извлеченные изъ храмовъ служившихъ имъ убѣжищемъ проданы были съ публичнаго торгу. Подъ смертною казнію запрещено было всякому Греку принять въ домъ свой бѣгственнаго *Филлипа*, и бѣлы въ пепелъ обращенныя представляли только кучу развалинъ. Вольность Греціи казалась уже разрушенною: и *Александръ* пользуясь распростертымъ имъ ужасомъ, получаетъ шипло вождя Греціи, которое имѣлъ *Филллойд* и грядещъ завоевати Персію.

Если государь не смысленный или злый, можетъ легко рушить монархію основанную на крѣпчайшихъ основаніяхъ; те какъ Кирова государство могло бы противившеся

ск-

Силами съ конми *Филиппъ* на него напасть
 вознамѣрился? Государямъ презрѣннѣя до-
 стойнымъ, о коихъ я уже имѣлъ случай
 говорить, наследовалъ *Охъ*. Сей извергъ
 погубивъ достойнѣйшихъ себя престола
 своихъ братьевъ, распростеръ звѣрство
 надъ всѣмъ своимъ родомъ. Обогранный
 кровію своихъ родственниковъ и поддан-
 ныхъ, вдался онъ въ роскоши. Единный
 человекъ былъ во всей Персіи столь же
 мерзокъ, какъ *Охъ*; сей былъ скопецъ
Багоасъ его любимецъ. Безчеловѣчество и
 злодѣйство, кои онъ употребилъ дабы
 погубить своего государя возбуждаютъ
 ужасное препетаніе; но то успокоиваетъ,
 видя что сіе то и нужно было, дабы
 отмстить достойно за препетрѣнное Пер-
 сами зло. *Арсей* съ препетомъ возшелъ на
 родительскій престолъ; а *Багоасъ* погубивъ
 его въ скоромъ времени возложилъ вѣнецъ
 на *Дарія Коломана* сужденнаго зрѣти па-
 деніе Персидскаго владѣнія.

Историки гораздо съ меньшимъ о *Даріи*
 говорятъ презрѣніемъ, нежели о его пред-
 шественникахъ. Сей государь былъ храбръ,
 великодушенъ, могъ даже слѣдовать пра-
 восудію и чинить права челоѣчества,
 имѣя власть безпредѣльную. Но будучи
 не рѣшителенъ и мало просвѣщенъ, имѣлъ
 онъ недостатокъ въ потребныхъ каче-
 ствахъ ко правленію въ обоюдныхъ обсто-
 ятельствахъ. *Дарій* возшелъ на престолъ
 по-

почти въ то же время, какъ *Александръ* наслѣдовалъ *Филиппу*; и хотя бы онъ былъ и великій мужъ, то какъ могъ бы онъ отвратить грозящую ему бурю? Какимъ искусствомъ могъ бы онъ незапно исправить застарѣлые Персіи пороки, побудить рабовъ ко спаранію о государственномъ благѣ, словомъ придать владѣнію своему пружины могущія оное приводить въ движеніе? Непрiятелю своему противопоставлялъ онъ неученое и храбрости не имѣющее войско, обыкшее предъ Греками обращаться въ бѣгство, и наперсниковъ пользующихся слабостями своего государя и народными бѣдствiями для удовольствованiя своего сребролюбiя, своего рабскаго любочестiя и раздѣляющей ихъ зависти; словомъ людей опечесства невѣдающихъ, познавшихъ долговременнымъ испытанiемъ, что имъ никогда не можно участвовать во благоденствiи государя.

Александръ вошелъ во Асію съ тридцатью тысячами челобѣкъ пѣхоты и съ пятью тысячами конницы. *Дарій* былъ побѣжденъ, Персія покорена Македонскимъ оружіемъ; но Филиппово намѣреніе не исполнилось. Сей государь, (я уже оное сказалъ) помышлялъ о завоеванiяхъ въ Асіи, дабы утвердить власть свою во Греціи, а *Александръ* вошелъ напрошивъ того въ Даріевы области, какъ завоеватель, спаряющийся только опровергать а не созидать. Онъ покоряетъ земли не помышляя о томъ,

К

какъ

какъ ихъ сохраняшь; довольствуется удручать ихъ ужасомъ своего имени, и составляетъ владѣнiе, коего части почти уже распадаются.

Филиппъ для завоеванiя Персiи, хотѣлъ ирисовокупить ко своимъ войскамъ двѣсти тридцать тысячъ Грековъ; а сею политикою онъ не токмо увѣренъ былъ, что побѣдитъ *Дарiя*; но отнималъ у Греции воиновъ опасныхъ для *Македонiи*, предварялъ бунтамъ и обезсиливая ее нечувствительно приучалъ ее къ повиновенiю. Сынъ же его напрошивъ, оставилъ въ государствѣ своемъ только двенадцать тысячъ человекъ, подъ повелѣнiями *Антипатра*, дабы удерживать въ послушанiи землю, коея онъ зналъ къ возмущенiю склонность; землю наполненную гражданами ревнующими ко своей вольности; и въ войнахъ оружье носить обычными, землю могущую своимъ примѣромъ возбудить ко сверженiю ига, *Бракiю*, *Иллирию* и проч. Однако же единственный изъ нашихъ славнѣйшихъ писателей похваляетъ его, что при началѣ своего предпрiятiя, онъ мало пещей подвергалъ случаю, и что поздно уже употребилъ отгагу, какъ средство къ достиженiю цѣли. (*) Что же

(*) *Монтескью о разумѣ законовъ*, томъ I. Кн. X. Гл. XIV. объ *Александрѣ Великомъ*. Въцѣ его вѣчныхъ слова: въ началѣ своего предпрiятiя, то

же будущъ отважно, коли благо разумно
восхотѣшь завоевать Асію съ тридцатью
пятью тысячами воиновъ и заграбишь
чужія земли, не приведши прежде своихъ
въ безопасность? Или Греки пропово-
спавишиа Ксерксу, въ четверо болѣе сихъ
силы, жершвовали оными безъ нужды; или
они не столько были храбры, не столько изу-
чиды, какъ Александровы воины, или имъ
нужны были многочисленныя войска?

Если бы въ самомъ дѣлѣ Дарій хотѣ
столько имѣлъ мужества, чтобы не спра-
милъ Александровой отважностію ужасъ
наводящія, и слыауд мудрому совѣту Ме-
лиа, рассыпалъ бы по примѣру единого изъ
своихъ предшественниковъ, во Греціи сребро,
дабы побудилъ ея къ нападенію на Маке-
донію въ пользу Асіи, и вооружилъ бы къ
защитенію Персіи воиновъ, коихъ неприя-
тель его по неосторожности не сдѣлалъ
своими наемниками; то вѣроятно, что
сей отважный Александръ похолодъ не
лучшій бы воспріимъ жребій, какъ похолодъ
Даріа. Сей принужденъ былъ оставить
свои завоеванія и итти на помощь Спарты,
а другій принужденъ бы былъ спѣшитьъ

Къ
есть въ такое время, когда малый уронъ могъ бы
его опровергнуть; онъ мало вещей подвергалъ слу-
чаю; но какъ счастье поставило его превыше про-
вѣстстей, то отъага бывала иногда единое изъ
его средствъ.

хъ зашщценію своего государства , и испо-
щилъ бы свои силы покоря Грецію, Да-
ріевыми деньгами совокунленную.

Что Александръ былъ великій полково-
децъ, въ томъ ни кто не сомнѣвается ;
но онъ можетъ быть мудрый былъ воинъ
въ подробностяхъ всякаго своего воинскаго
движенія, а очень не осторожный поли-
щикъ въ общемъ начертаніи своихъ пред-
пріятіи. Напримѣръ сего государя хвалятъ
за то, что пользуясь Исскимъ сраженіемъ
онъ похорилъ Египетъ, когда Дарій пы-
ведши изъ онаго пойсхи несчетныя въ дру-
гомъ концѣ мира собиралъ силы. (*) Но мнѣ
кажется, что они хвалятъ ошибку. По-
что нападать на отверстную землю, ко-
шорая бы безъ труда Македонянамъ поко-
рилася? Александру должно было по Ис-
скомъ сраженіи гнаться за Даріемъ съ та-
нимъ же жаромъ и съ такою же послѣ-
шностію, какъ онъ за нимъ гнался по Ар-
вельскомъ сраженіи. Между темъ, какъ
онъ безъ нужды осаждаетъ Тиръ, и дра-
гоцѣнное теряетъ время во Египтѣ и во
храмѣ Юпитера Аммона, Дарій собираетъ
восемь сотъ тысячъ человекъ пѣхоты и
двѣсти тысячъ конницы; сіе войско онъ
вооружаетъ, обучаетъ и являся въ Ар-
вель-

(*) *Монтескью о разумъ законовъ, Томъ I. Кн. X.
Гл. XIV. съ Александръ Великомъ.*

вельскихъ долинахъ съ большими нежели при *Иссѣ* силами, принуждаетъ своего непріятеля подвергать свое счастіе и славу удачѣ вѣроятнаго боя, когда бы сей могъ первый содѣлать окончательнымъ.

Александръ оказалъ можетъ быть въ печеніи своихъ подвиговъ всѣ дарованія соспавляющія наивеличайшаго вождя; но не меньше того справедливо, что не будучи доволенъ *Киропыломъ* владѣніемъ, проникая во *Индію*, помышляя о завоеваніи *Африки*, хотя покорить *Испанію*, *Галлою*, перейти *Алпійскія* горы и возвратиться въ *Македонію* чрезъ побѣжденную *Италію*, онъ чрезмѣрно удалялся отъ Филипповыхъ намѣреній, и вмѣсто оныхъ мечталъ себѣ безразсудное. Каковы суть тѣ завоеванія, коихъ предметъ есть земли опустошеніе? Какое довольно ненавистное имя дадимъ мы завоевателю, смотрящему всегда впередъ, и ни когда очи вспять не обращающаго, грядущаго съ шумомъ и стремленіемъ разливагося источника, истекающаго, и исчезающаго, а по себѣ оставляющаго только развалины? Чего надѣялся *Александръ*? Не чувствовалъ ли онъ, что завоеванія столь стремительныя, столь пространныя и столь много *Македоніи* силы превосходящія, соблюдены быть не могутъ? Если онъ не ощущалъ столь простыхъ истинны, если онъ не познавалъ средства и цѣли политики отца

К ;

сво-

своего, по Ирѣ сей долженствовалъ оченъ бышь ограниченъ во своемъ просвѣщеніи; если же напротивъ того ни что изъ него не избѣжало его проищанія, и онъ не могъ при помѣ воздержать свои желанія; по онъ былъ бѣшенный, коего людямъ ненавидѣшь должно.

Дарій давалъ Александру десять тысячъ талантовъ и половину своего владѣнія, и Парменіонъ думалъ, что благоразумно будетъ не отвергать сїи предложенія. Я бы на оныя согласился, сказалъ онъ, если бы я былъ Александръ; и я бы отвѣтствовалъ Александръ, если бы я былъ Парменіонъ (*). Сему не смѣсленному отвѣту удивлялся для того, что оной означаетъ нѣкоторымъ образомъ весь Александровъ нравъ, и представляетъ разуму безпредѣльное власполюбіе и мужество. Филиппъ согласился бы съ Парменіономъ, и заключаа миръ съ Даріемъ, онъ испыталъ бы по крайней мѣрѣ составить владѣніе, коего чрезмѣрное пространство не было бы не прео-

(*) У Кв. Курція, Александръ отвѣтствуетъ Парменіону слѣдующими словами: и я бы лучше возлюбилъ деньги нежели славу, если бы я былъ Парменіонъ: но я Александръ, вѣдннсти не боюсь и помню, что я не кулець, но царь. Сїи слова сушь нѣсколькн Парменіону уничижительны и побуждаютъ думать, что Александръ не самого лучшаго о немъ былъ мнѣнія.

преборимую препною къ его благоденствію и сохранности.

Разсматривая подъ единымъ видомъ сихъ двухъ государей, какое между ими находишь чрезмѣрное неравенство! Въ *Филиппѣ* вижу я мужа превыше всѣхъ произшествій. Щастіе не можетъ ему противопоставить препонъ, коихъ бы онъ не предвидѣлъ, и которыя бы онъ не превзошелъ своего мудростию, своимъ терпѣніемъ, своимъ мужествомъ или своимъ проворствомъ. Я обрѣтаю въ немъ разумъ проспиранный, коего всѣ предпріятія совокупны и взаимную себѣ придаютъ силу. Исполняемое имъ, приготовляетъ всегда успѣхъ начинаемаго имъ предпріятія. Въ *Александрѣ* вижу я только непонятнаго воина, единымъ средствомъ дѣйствующаго, коего дерзкое и не терпѣливое мужество, разсѣкаетъ вездѣ гордіанскій узелъ, которой бы *Филиппъ* развязалъ. Безмѣріе его качествъ объемлетъ воображеніе, и кажется его великимъ, для того что разсматривающимъ его онъ даетъ возчувствовать слабость ихъ духа: вмѣсто того, чтобы токмо обьятымъ быть симъ рѣдкимъ явленіемъ, мы оному удивляемся.

Вообразимъ мы себѣ *Филиппа* во Асті, вождемъ Греческихъ войскъ. Если мудрость его не столь великій сперва въ *Даріа* вселилъ страхъ, какъ изступленіе *Александра*

дрово, но она его доведетъ до шоя же цѣли. Слѣлость Александра для того была ему удачна, что возбудила въ непріятель его боязнь, сію страсть разумъ стѣсняющую, заспужающую воображеніе, и обременяющую всѣ душевныя силы. Филиппъ окружилъ бы Даріа ловитвами и стремнинами. Онъ бы воспользовался распрями Ассіи, коея земли различествующія нравами, законами и вѣрою, ни малата между собою не имѣли сообщенія. Онъ бы искусилъ властолюбіе и сребролюбіе сихъ гордыхъ и алчныхъ Сатраповъ, управляющихъ землями сего государства не будучи прилѣпленны къ его правленію; онъ бы торговалъ ихъ города; и какъ уже сказано, ведучи войну какъ купецъ и какъ воинъ, онъ бы разорилъ можетъ бы Персидскую Монархію, не побѣждая Даріа оружіемъ.

Поставъ Александра въ тѣ же обстоятельства, въ коихъ находился отецъ его, то увидишь Македонію не изнемогшею еще совсѣмъ подъ несмысленностію послѣднихъ своихъ царей, раздавленною Александровымъ мужествомъ. Если единый изъ его непріятелей захочетъ воспользо-ваться его немощію и замѣшательствомъ его дѣлъ; то онъ бросится къ отпущенію не утоповя оное. Здѣсь не нужно будетъ проходить всѣ щекотливыя обстоятель-ства, въ коихъ Филиппъ находился; я на-поминаю только осады, Перинфы и Визан-
тіи.

тин : *Александръ* могъ ли бы поступить такъ какъ онъ.

Наконецъ онъ покинулъ Греческіе или Македонскіе нравы и воспріялъ нравы Персовъ. Нѣкоторые писатели желая соблюсти славу сего Ироя, возмечтали что сія перемѣна была дѣйствіе его полиптики, и что онъ помышлялъ чрезъ то приобрѣсти довѣренность варваровъ для подкрѣпленія своей державы. Но хотя бы сіе было въ самомъ дѣлѣ тайное Александрово намѣреніе, еію перемѣну произведшее, по меньше ли будетъ грубо его заблужденіе? Угождая Персамъ, благоразумно ли было прешипъ Македонянамъ? Давая побѣдителямъ нравы побѣжденныхъ, онъ ихъ успроевалъ гибель, онъ дѣлалъ ее неизбѣжимою; да и думая, что *Александръ*, не вѣдая сея просныя истинны, почиталъ поврежденіе и уничтоженіе Македонянъ основаніемъ своего могущества. Асіатцы обыкши подъ самодержавствомъ пресмыкаться, должныствовали оковы носить съ послушаніемъ. Единые Греки достойны были блуденія. Храбры, воинственны и ревнители вольности, они покусились свергнуть Македонское иго, въ то время какъ *Александръ* исполнялъ Асію ужасомъ своего ияни; а шерпеливые и послушные Персы подъ рукою ихъ угнѣщающею, ни когда не мыслили взбунтоваться: какое имъ было дѣло до жребія ихъ повелителя? Перемѣна

И 5

возло-

возложившая Даріевъ вънецъ на главу *Александра*, не была переѣна для государства, оно въ томъ же оставалось положеніи.

Какія бы наши Персы выгоды, говоритъ одинъ славный политикъ, лучше повиноватися роду Даріеву, нежели *Александрову*? По чино имъ хотѣть было опущевать погибель государя, коего они любить не должныствовали. Кому удастся, продолжаетъ *Мариавель*, свергнуть съ престола государя самодержавнаго, потъ не боится, заступая его мѣсто, что у него отнимутъ его хищу. Побѣжденный повелѣвалъ людьми робкими, кои не будутъ столь мужественны, чшобы за него отмстить. Онъ единъ всею владѣлъ властію; и ни кто по его паденіи не будетъ въ народъ довольно имѣть довѣренности, чшобы его вооружить, бытъ его вождемъ и покуситься опровергнуть щастіе побѣдителя. И въ самомъ дѣлѣ, властолюбіе то *Македонскихъ* полководцевъ, а не *Персовъ* непослушаніе, произвело при *Александровыхъ* преемникахъ, великій радъ превращеній.

Переѣна сего государя была истинное поврежденіе, происшедшее отъ чрезмѣрнаго щастія для единаго человекъ. Онъ одержалъ побѣду при *Иссѣ*, и душу еще имѣя отверстную только спрасти завоеванія, онъ не могъ однакожъ воспрешить себѣ что-

чтобы не быть ослабленну богатствами
обрѣтенными въ Даріевой палаткѣ, и что-
бы не сказать тѣмъ, кто съ нимъ были,
что сіе то было то, что называть дол-
жно царствовать. О какъ по семъ словъ,
Ирой кажется мнѣ обыкновеннымъ человѣ-
комъ! Щастіе произнесло плоды сокрывав-
шагося въ сердцѣ его семени поврежденія.
Обладая всею, Александръ восхотѣлъ на-
конецъ онымъ наслаждаться. Не полишика
была причиною, что онъ сжегъ *Персеполь*;
предался сладостямъ трапезы; собралъ во
дворецъ свои три или четыреста наипре-
краснѣйшихъ женщинъ своего государства,
которыя всякой вечеръ приходили испы-
тывать надъ нимъ власть своихъ преле-
стей; и восхотѣлъ, не почитая себя болѣе
уже человекомъ, чтобы придворные его
творили ему то же богослуженіе какъ
Ваху и *Ираклію*.

Не взирая на то, что говоритъ *Плу-
тархъ*, не должно мнить, чтобы сей Ирой
помышлялъ о тѣсномъ сопряженіи разныхъ
земель своего владѣнія, дабы составить
единое тѣло, вѣчно жить долженствующее.
Діодоръ сохранилъ намъ оставшія
Александровы записки, въ которыхъ за-
ключались предпріятія, кои онъ хотѣлъ
произвести въ дѣйствіе. Тамъ упоминалось,
о новой надгробной чести, копорою онъ
воздастъ хотѣлъ *Ефесціону* воспомина-
ненію, о возведеніи *Филиллу* гробницы,
ко-

которая сравнилась бы съ Египетскими пирамидами, о созиданіи разныхъ храмовъ, о войнѣ въ Африкѣ, въ Испаніи, въ Сициліи; а для произведенія въ дѣйство сего намѣренія, онъ хотѣлъ соорудить тысячу кораблей величиною превосходящихъ обыкновенныя галеры, и уготовить пристани для сего флота долженствовавшаго овладѣть средиземнымъ моремъ. *Александръ* назначалъ средства къ населенію новыхъ городовъ имъ построенныхъ, и намѣреніе имѣлъ послать во Асію поселянъ Европейскихъ, а въ Европу Асійскихъ.

Ни что въ запискахъ сихъ не являетъ намѣренія основателя твердыя монархіи; они содержатъ только предпріятія чело-вѣка тщеславнаго, людей удивить хотящаго, и властолюбца не упомянушагося дѣланіемъ завоеваній. Покореніемъ ли новыхъ земли утверждается пространное государство? Какое *Александръ* оказалъ почтеніе правосудію? Какія были его старанія въ основаніи правленія? Почему можно въ немъ познать разумъ законодателя? *Александръ*, говоритъ одинъ славный писатель, оставилъ любъжденнымъ ихъ гражданскіе законы, а иногда и ихъ правленіе; онъ не прикоснулся древнихъ преданій и истъ знаменій славы и тщеславія народовъ (*). А
изъ

(*) *Монтескью о разумъ законовъ томъ I. Кн. X. Гл XIV. объ Александрѣ великомъ.*

изъ онаго позволяется ли заключить что *Александръ* былъ законодатель? Довольно ли того къ достиженію имени законодателя, чтобы не разрушать всѣ законы и правленія покоренныхъ народовъ? *Александръ* былъ бы не смысленъ, если бы не чувствовалъ невозможности дать въ единый день новые законы половинѣ свѣта. Должно ли его осыпать похвалами, для того, что не имѣлъ онъ несмысленнаго вѣрства нѣкоторыхъ завоевателей, кои не мнили царствовать, коли не наложатъ всѣмъ законамъ молчаніе во своемъ присудствіи. Сія мудрость, коей удивляются въ *Александрѣ*, бываетъ не рѣдка; да и варвары овладѣвшіе Римскою Имперією, оную имѣли. *Александръ* поспѣшая всегда къ новымъ завоеваніямъ, не имѣлъ времени давать законы. Почто разрушать ему знаменія славы и щеславія народовъ? Чрезъ то сдѣлаался бы онъ ненавистнымъ безъ всякаго плода; чрезъ то затмилъ бы онъ честь имени побѣжденныхъ и помрачилъ бы славу своихъ побѣдъ.

Правда, что *Александръ* построилъ города и учредилъ въ завоеванныхъ земляхъ Греческія поселенія; но для чего дѣлать честь его политикѣ дѣлами его щеславія? Завоеванія его находились ли между народовъ непокойныхъ, непослушныхъ и воинственныхъ, которыхъ бы должно было содержать въ порядкѣ гарнизонами

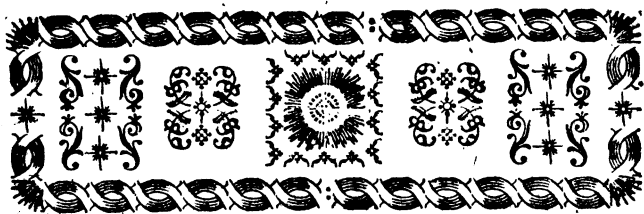
и

и крѣпостями? Преселенные Греки и Македоняне въ Персію и Египетѣ, не удобнѣ ли были подать примѣръ бунта, нежели повиненія? И въ самомъ дѣлѣ Александръ помышлялъ только о воздвиженіи знаменъ своей славы. Сіи города имѣ построенные, сіи поселенія имѣ учрежденныя почиталъ онѣ профетями, кои Греки по своему обыкновенію воздвигали на мѣстахъ одержанной ими побѣды.

Какъ обращемъ мы разумъ и намѣренія законодателя или политика, великое будущаго пространства объемлющаго въ государствѣ, которой не только не учредилъ наслѣдіе своего владѣнія и не предварилъ бѣдствій имъ отъ властолюбія наперстниковъ его произшедшимъ; но который напротивъ того предвидѣлъ съ нѣкою радостію ихъ распри, и взиралъ на ихъ междуусобныя брани, какъ на игры надгробныя, коими они почтятъ его похороны? Не подавалъ ли онѣ къ началу оныхъ знака, называя преемникомъ своимъ достойнѣйшаго ему наслѣдовать. Александръ мнилъ можетъ быть, что для сохраненія его славы надлежитъ преемнику его не столько быть могущественному какъ онѣ, и чтобы изъ единого его государства возрасли многія знаменитыя монархіи.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЯ КНИГИ.

РАЗ-

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ,
или
О ПРИЧИНАХЪ БЛАГОДЕНСТВІЯ И
НЕСЧАСТІЯ
ГРЕКОВЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

*Состояніе Грековъ по смерти Алек-
сандра и при его преемникахъ. О
началѣ, нравахъ и законахъ Ахей-
скаго союза. Римляне начинаютъ
пмѣшиватися по Греческія дѣла;
Греція становится Римскою про-
винціею.*

*Ужасъ распостертый Александровымъ
имянемъ. Удивленіе его особъ
великимъ множествомъ Иройскихъ
качествъ вперенное, и нѣкоторое изсту-
пленіе.*

пление, войско его оживляющее, были единныя связи, сплѣснившія въ единое пѣло всѣ часпи Македонскія имперіи. Сей государь царствовалъ краткое время; а какъ онъ умеръ, тогда владѣніе его очень еще ново было, чтобы въ немъ были обычай силу законовъ имѣющія. Всякъ знаетъ, что *Пердикку*, коему *Александръ* умирая вручилъ свое кольцо, препоручено было правленіе государства. На престолъ возведены были во единое время *Аридей* сынъ *Филипповъ* и въ пеленахъ еще находящійся младенецъ, коего *Александръ* прижилъ съ *Роханою*; правленіе же Сатраповъ препоручено было знавшійшимъ полководцамъ.

Не возможно было, чтобы въ семъ правленіи не произошла перемѣна въ скоромъ времени. Воинскій *Александровъ* *Станъ* не былъ училищемъ, гдѣ бы можно было научиться быть правосуднымъ и умѣреннымъ; а намѣстники *Ироя* почитавшаго мужество и силу, законными пицлами къ царствованію вѣздѣ, гдѣ были люди, долженствовали быть упоенными властолюбіемъ. Возможно ли имъ было повиноватися долгое время власти младенца или несмысленнаго *Аридея*, которой имъ столь же казался презрительнъ, какъ *Александръ* великъ? Ограничивая власть свою во своихъ Сатрапствахъ, они бы разслабили правленія пружины. Вѣроятно, что при царствованіи

Алек-

Александр не имѣли ни малаго понятія о сихъ мудрыхъ установленіяхъ, коими власть ограничивается, для предупрежденія оныхъ злоупотребленій; а хотя бы шаковая полишка имѣ и была свѣдома, какимъ бы образомъ могъ правитель оную употребить въ дѣло? Въ Пердикхѣ было то пороки, коего ни что не могло исправить, что онѣ были наравнѣ со градодержателями провинціи: если бы они боялись его власти, то бы они ей завидывали и старались бы отъ оныхъ освободиться, если же они ее не страшились, то имѣ должно было ее пренебрегать. Угрозы Пердикховы были щещны людямъ могущимъ во своихъ земляхъ собирать войски; обѣщанія же его ихъ мало прогали, для того что отъ властолюбія своего они большаго ожидали счастья, нежели отъ своей управленію вѣрности.

Хотя градодержатели бояся свѣдѣть о ненавистными, не дерзали возстать противу законнаго власти, однако же всякій дѣлалъ себѣ во своемъ Самрапствѣ права правленія, располагая по своимъ частнымъ корыстямъ. Всякій имѣлъ свои войска и свои крѣпости, и отрицался давать отчетъ въ даняхъ и податяхъ собираемыхъ его подчиненными. Подданнымъ бытъ не захочешъ имѣ царскія силы и богатства. Самрапы сопряглись между собою союзами, а Пердикхѣ со своею

Л

сто

стороны принужденъ былъ вступать въ переговоры, дабы сохранить правительству хотя шѣнь власти: словомъ, Македонская Монархія по виду еще соединенная и сославляющая единое шѣло, раздѣлялася въ самомъ дѣлѣ на разныя независимыя единое опѣ другаго государства, и единое другому завидующія.

Антиохъ, коему на долю досталася *Памфилия*, *Ликия* и великая *Фригія*, былъ изъ всѣхъ вельможъ томъ, коего властолюбіе наименѣе вѣдѣвшимъ образомъ миръ сносило. Онъ непрестанно *Пердикку* представлялъ мучительствъ, старающимся подъ щещными видами отнять у вельможѣй земли ихъ правленію порученныя, а на мѣсто ихъ поставитъ своихъ наперениковъ, дабы по томъ безпрепятственно погубитъ обоихъ царей и завладѣть престоломъ. Подозрѣнія, ненависть, духъ возмущенія и независимости, столь усилился, что *Пердикку* не можно было иначе сохранить власть ему препорученную, какъ уничижая своихъ совѣтниковъ; сіе надлежало сдѣлать для примѣру; онъ собралъ свои войска и отправился съ великою силою, дабы покоритъ *Египетъ*.

Жестокостію и гордостію своими сталъ онъ ненавистнымъ собственнымъ своимъ войнамъ; а противное ему счастье при началѣ сего похода, возмутило ихъ про-

противу его. Поведеніе его сравнивали съ поведеніемъ *Птолемя*, копорый своимъ благоразуміемъ, своимъ мужествомъ, своимъ правосудіемъ и челоѡколюбіемъ, привлекъ къ себѣ во Египтѣ равно любовь и почтеніе. Военачальники содѣлали всеобщій бунтъ; а по убіеніи *Пердикка*, войски хотѣли опддать правленіе самому *Птолемяю*, съ коимъ они войну имѣли.

Сей государь, ибо можно уже начинать давань ему сіе названіе, хотя онъ еще онаго не принялъ, отрекся благоразумно отъ сана, коего онъ не могъ соблюсти преимущесва, не становясь непріателемъ всѣхъ правителей провинцій; которые оставая ему мнимую и спорную власть надъ всею *Александровою* Имперією, лишила бы его вѣрояпно Египта. Правительство всея Имперіи вручено было *Армидею* и *Пифону*, начальникамъ бунта погубившимъ *Пердикка*; но или ради частыхъ своихъ дѣлъ, пребующихъ присутвіе сихъ двухъ мужей во другомъ мѣстѣ, или удрученны будучи тягостію своего сана, они оной возложили на *Антилатра* Македонскаго градодержателя, пришедшаго изъ Европы во Асію съ войсками, дабы учинить диверсію въ пользу *Птолемя*, и напасть на *Едмена* и на другихъ полководцовъ оставшихся съ *Пердикковой* стороны.

Столь же искусенъ, какъ *Птолемей*, *Антилатеръ* не жертвовалъ счасіемъ, коимъ

онѣ наслаждался, корыстями правленіе
 всея Имперіи. Зная намѣренія бунтовщи-
 ковъ чрезъ сообщеніе, которое онѣ имѣлъ
 съ ними, онѣ разсудилъ, что распаденіе
 Александровой монархіи было неизбежно.
 Онѣ видѣлъ опасность отпасть отъ дре-
 внихъ союзовъ, для составленія союзовъ
 новыхъ и сомнительныхъ съ Пердикковы-
 ми друзьями; и покидая общія дѣла Им-
 періи, онѣ хотѣлъ, казалось, царство-
 вать только въ *Македоніи*; въспомо того,
 чтобы усмирять возмущенія во Асїи, онѣ
 ихъ почелъ способными ко утвержденію
 своей власти въ Европѣ; онѣ усугубилъ
 оныя, опнивая у *Епмена*, *Алкіна* и у
 другихъ полководцовъ земли, которыя они
 имѣли и отдавая ихъ наглавиѣшшимъ
 Пердикковымъ непріятелямъ: единые не-
 таковы были, чтобы покинуть вверенныя
 имъ земли, если по повеліи Имперіи пра-
 витель, а другимъ должно было старать-
 ся всякимъ образомъ, дабы овладѣть оны-
 ми. *Антигонъ* поставленъ былъ вождемъ
 войскъ, которыя оба цари имѣли во Асїи,
 не столько для того, чтобы власть ихъ
 была почитаема, какъ для разрушенія
 оныхъ; а *Кассандръ* сынъ *Антипатра* былъ
 его намѣстникъ. Между темъ, какъ вла-
 столюбие сихъ двухъ мужей, новья воз-
 вѣдало распри, войну и блиское распада-
 ніе Александровыхъ завоеваній, правитель
 Имперіи перешелъ пакъ въ Европу, имѣя
 подъ своимъ вѣдомомъ ономъ обожъ дарей,
 ко-

которыя въ дощорымъ образѣ были египетскіе паѣнники.

Греки благоразумно бы поступали, если бы для возвращенія своея вольности, они дождались, чтобы первый несогласіа, о коихъ я теперъ говорю, и кои легко предвидѣть можно было, спали явны во Асіи. Фокіонъ употребилъ все къ удержанію стремленія, съ коимъ Аѳиняне восхотѣли воспріяты оружіе, получивъ извѣстіе о Александровой смерти. Если Александръ, говорилъ онъ имъ, мертвъ сего дня, то онъ и завтра и послѣ завтра будетъ мертвъ. Но Македонское господство уже наскучило; Греки чувствовали, что сдѣлали проступокъ не предупреждая Даріана паденія, и хотѣли неосторожностью своею наградить отвагою. Демосѳенъ возвращенный изъ ссылки, явилъ съ обыкновеннымъ своимъ краснорѣчіемъ, срамъ и зло поработенія; а Аѳиняне почитая прусосстію, что за нѣсколько лѣтъ назадъ, не подали помощи Спартянамъ и Царю Агиду, погибшимъ сражаясь за вольность Греціи преданыя воспоргу своего Витія.

Республика объявляетъ войну Македонціи, повелѣваетъ, чтобы всѣ города освобождены были отъ находящихся въ нихъ чужестранныхъ гарнизоновъ, строитъ флотъ, вооружаетъ всѣхъ гражданъ, котрымъ не было сорока лѣтъ, и посылаетъ

пословъ во всю Грецію, побуждая ее къ сверженію ига общими силами. Съ Аѳинянами вступили въ союзъ *Етоліане*, *Тессаліане*, *Фтіоты*, *Мелане*, жители *Донды*, *Фокиды*, и *Локрыды*, *Еніане*, *Аисіане*, *Доллы*, *Агаманты*, *Лекхадіане*, *Молоссы*, и въкоторыя мѣста *Иллрїи* и *Фракїи*, а въ *Пеллопонисѣ*, *Аргіане*, *Сихіоніане*, *Елеане*, *Мессеніане*, и жители *Ахтеи*. *Леосвѣнъ* вождь сего совокупленія, одержавъ побѣду надъ *Антипатромъ*, которому не осталось другаго убѣжища, какъ укрышися съ остатками своихъ войскъ въ *Ламію*, гдѣ союзники его осадили.

Между темъ, какъ Греки радовались, не имѣлъ ли *Фокіонъ* права говорить, что бы онъ очень былъ доволенъ, если бы привелъ ту баталію, которая покрыла *Леосвѣна* славою; но чтобы стыдился, если бы онъ ее далъ *Лексохтоналъ*. Чего надѣялись союзники? Бунтъ ихъ противъ *Македонской Имперїи*, коея части еще были совокупны и управляемы мужами достойными наследовать *Филиппу* и *Александру*, не могло быть иное что, какъ возмущеніе за кое они жестокою казнью воспримуть. Въ самомъ дѣлѣ, едва извѣстіе о *Леосвѣновѣ* и побѣдѣ дошло во *Асію*, какъ *Леонатъ*, градодержатель *Елеспонтскїя Фригїи*, спѣшилъ перейти въ Европу съ двадцатью тысячами воиновъ. Сіе на помощь пришедшее войско было такъ же разбито

Анн

Антифиломъ, которой воспріимъ предводительство надъ Греками, по смерти *Ассенея* убишаго при осадѣ *Ламии*; но *Клитъ* сооружалъ уже великій флотъ, а *Кратеръ* Киликійскій градодержатель велъ къ *Антилатру* тысячу воинственныхъ Персовъ, тысячу пять сотъ конницы и десять тысячъ Македонянъ, коихъ большая половина была съ *Александромъ* во всѣхъ его походахъ.

Македонія темъ легче оптимшила первые свои уроны, что союзники будучи спешоль же наглы по своимъ двухъ побѣдахъ, какъ были дерски начиная войну, мнили, прежде нежели спаралися о утверженіи своей вольности, что уже оную возвратили. Войско ихъ было со всѣмъ разбито; и смятеніе послѣловало смѣлости, какъ *Антилатръ* объявилъ, что онъ не вступитъ въ переговоры объ общемъ мирѣ; но что выслушаетъ пословъ, кои приидюцца къ нему отъ каждаго города, каждаго особо: тѣ которые первыя сдѣлали предложенія, восчувствовали побѣдителево милосердіе; а сего уже довольно было, чтобы рушить Греческій союзъ. Каждая республика спѣшила договориться на щетъ другихъ, а Аѳиняне положивъ оружіе позске всѣхъ, были принуждены оставить *Антилатру* власть предписать мирныя условія. Онъ переселилъ во *Фракію* двадцать дѣтъ тысячъ гражданъ, которыхъ не

имѣя никакого издивенія, всегда готовы были возмущаться прошиву шеперещищаго правленія. Намѣсто народнаго правленія учредилъ онѣ Аристокрашію, а въ *Мурмихиской* крѣпости оставилъ Македонской гарнизонѣ. Но хотя бы сей вождь и вспомогательные войски присланныя къ нему *Леонатоу*, *Критосу* и *Кратеросу*, много разѣ еще разбиты были, то не несомнительно, чтобы къ нему новыя изѣ Асін присланы были войски; и что разслабѣвшая Греція своими побѣдами, и немѣлющая уже ни единыя изѣ древнихѣ своихѣ добродѣтелей, принуждена бы была наконецѣ принять законѣ отѣ побѣдителя.

Если же бы напротивѣ того Ассиняе дожидались, чтобы взбунтоваться, того времени, какѣ распри Александровыхѣ намѣстниковѣ явны будутѣ; то бы они могли надѣяться привлечь во свой союзѣ многихѣ республикѣ, которыя предвидя бѣдственныя слѣдствія *Ламійскія* войны, оспадиса посредными или вѣрными *Македоніи*. *Антилатръ* помощи изѣ Асін не получилъ бы, для того, чтобы всѣ градодержатели имѣли нужду во своихѣ войскахѣ. Греки имѣли бы шу выгоду, чтобы напали на *Македонію* въ такое время, когда во ной не было войскѣ; ибо не для чего сомнѣваться, чтобы *Антилатръ*, должностію сопротивлявшиса *Пердикху* властолюбію, и помогашъ *Дтолемею*, и

Ан

Антиоху буншу, досто успѣхъ всѣмъ
 нуженъ былъ властолюбцамъ, не пошелъ
 во Асію при первомъ извѣстїи о начавшей-
 ся тамъ войнѣ. Вся Греція столь же бы
 тогда была для нихъ опасна, какъ были
 Этолїане, коимъ дружества и союза Ан-
 тилатрѣ и Пердиккѣ на прерывъ просили,
 сколь скоро начался первая замѣшатель-
 ства.

Успѣхъ въ сихъ обстоятельствахъ без-
 плоденъ бы не былъ; и Греки вспоможе-
 ствуемые и подкрѣпляемые противъ Ма-
 кедонѣ согласно съ Имперією партією,
 возвращали бы и укрѣпили свою вольность.
 Напротївъ того смѣшенные шдешнымъ
 усиленіемъ ко сверженію ига, и обезсилен-
 нымъ казнію воспослѣдовавшею имъ за ихъ
 возмущеніе, они ни малато у самихъ себя
 не обрѣли убѣжища, какъ война возгорѣлась
 между Александровыми наслѣдниками. Они
 были чрезмѣру уничижены, чтобы съ
 ними стали поступать со удовлепворе-
 ніемъ; а республики подавшія подозрѣніе
 спяжанія независимости, были тошъ же
 мигъ удручены. Греція стала тогда вой-
 ны позорищемъ; и была всегда жер-
 твою, каковы происшествія ни были. Го-
 рода сохранившія доселѣ хотя видѣ воль-
 ности при прежнемъ образѣ ихъ правле-
 нія, были хищено тысячи мучителей за-
 грабившихъ верховную власть, пользуясь
 смѣшеніями Александрову Имперію шрево-
 жу-

жущими, о коихъ и говорить буду столько, сколько нужно будетъ для объясненія положенія Греціи.

Антипатръ не долго пользовался своимъ возвышеніемъ; и видѣно того, чтобы при смѣрти своей вручить общее Имперіи правленіе и частное правленіе *Македоніи* своему сыну, онъ ввѣрилъ оное *Полиперхонту*. *Кассандръ* негодуя на мнимую несправедливость отца своего, сторабъ во мщеніи, и жаждалъ завладѣть царствомъ, кое онъ своимъ почиталъ наслѣдіемъ; но будучи доселѣ всегда въ нижнихъ чинахъ, у него не было ни денегъ, ни кораблей, ни войскъ. Сокрывая свое властолюбіе, и показывая себя довольнымъ своимъ жребіемъ, онъ тайно вступалъ во *Египтъ* со *Птолемѣемъ* въ переговоры, старался привлечь на свою сторону *Селевха* Вавилонскаго градодержателя, и просилъ помощи у *Антигона*, который побѣдивъ *Ахата*, *Евмена*, и *Аттала*, сталъ нѣкоторымъ образомъ повелителемъ *Асіи*. Сии государи стараяся усугублять замѣшательства, содержащія ихъ въ независимости, темъ болѣе должны были радоваться видя *Кассандра* властолюбіе, что *Полиперхонтъ* отвергся *Антипатровою* подлинки. Или новой правитель прельстился мнимою властію своего сана; или слѣдуя нѣкакимъ должно-сти правиламъ, онъ былъ привлеченъ къ корыстямъ обоихъ царей, что явился дру-
гомъ

томъ *Пердикхопидъ* сообщниковъ; а заграбители, дабы ему отомстить, дали *Кассандру* войско, и привели его въ состояніе содѣлать предпріятіе на *Македонію*.

Полиперхонтъ предвидѣлъ войну ему угрожающею; и опасаяся, чтобы гарнизоны поставленные *Антипатромъ* въ выгоднѣйшихъ мѣстахъ Греціи, не приняли *Кассандру* сторону, повелѣлъ, чтобы всѣ республики, кои по окончаніи Ламійскія войны Аристократическое воспріяли правленіе, имѣли отселѣ Демократическое. Онъ имъ повелѣлъ возвратитъ изгнанныхъ, изгнать своихъ градоначальниковъ, и клятвенно обѣщавъя никогда ничего не предпринимать прошивнаго корыстямъ *Македоніи*. Правитель думалъ, что Греція обязанная ему возвращеніемъ своея вольности, прилѣпится къ его жребію, и будетъ *Македоніи* оградю; но повелѣніе сіе умножило токмо безпорядки, возобновляя изгнаніи и ссылки обыкновеніе. Города встревоженные новыми распрями, не могли воспріять образъ какого либо правленія, и безначальство вселилось во всю Грецію.

Однако же худо утвержденный во своемъ правленіи *Полиперхонтъ* принужденъ былъ оное оставить приближающуся *Кассандру*; онъ укрылся съ своими войсками въ *Деллонисъ*, взявъ съ собою извлеченное
69.

богатство изъ сокровища царей Македонскихъ. Онъ принялъ въ свою службу всѣхъ Грековъ, которые въ слѣдствіе многихъ обращеній не имѣя ни отечества ни изживенія, другаго не имѣли убѣжища, какъ служить за деньги какому либо полководцу, и коимъ *Филиппъ* сказалъ, что война есть мирное время.

Между темъ, какъ правитель Имперіи былъ въ *Пеллопоннѣ* подобенъ бродягѣ, а *Македонія* ежедневно новыя испытывала превращенія, въ коихъ весь *Александровъ* родъ погибъ наиблаженнѣйшимъ образомъ; *Антигонъ* разбилъ *Епмена*, *Алхита* и *Атталла*, и рассыпалъ послѣдніе остатки сообщниковъ *Пердикха* и правленія. Но шаковыхъ успѣхахъ, вождь сей сшалъ повелителемъ Асіи; но единая Александрова монархія могла удовольствованъ его властолюбіе. *Кассандръ*, *Птолемей*, *Селевкъ*, и *Лисимахъ* были его совѣтники, на счастье коихъ онъ взиралъ со скорбію. Или считая въ *Македоніи* найти наиблаженнѣйшее мужеству своему ристалище, въ разсужденіи приобрѣтенной ею при *Филиппѣ* и *Александрѣ* славы, или думая что земля ея дастъ царямъ своимъ право на опредѣленные отъ нея части; *Антигонъ* вознамѣрился объявить *Кассандру* войну прежде всѣхъ.

Желая приобрѣсти пріязнь *Полиперсонна*, онъ ему послалъ войско на помощь, дабы

дабы сей могъ укрѣплятися въ *Пеллопоннѣ*; но дабы въ то же время привлечь Греческія города на свою сторону, онъ повелѣлъ имъ бытъ вольными, и освободилъ ихъ отъ удручающихъ ихъ чужестранныхъ гарнизоновъ. Сынъ его *Димитрій Пеллопоннѣ*, ходилъ два раза во Грецію для произведенія въ дѣйство сего повелѣнія. Сей юный Ирой хопя и опнялъ у *Птолема* большую часть городовъ, гдѣ онъ имѣлъ гарнизоны, и выгналъ *Кассандра* изъ нѣхъ, кой онъ занялъ; но Греки темъ счастливы не были; войски опустошающія ихъ землю, лишали ихъ вольности, кою имъ бесполезныя усвоевали повелѣнія; а вся ихъ выгода, (если только то выгода есть,) состояла въ томъ, что они переиблияли иго, и зрѣли злодѣевъ своихъ по чредѣ другъ друга терзающихъ, и взаимно наказывающихся за свое властолюбіе.

Кассандръ видя себя изъ *Македоніи* изгоняема, вывелъ *Птолема*, *Селевки* и *Антисимаха* изъ слѣпошы, въ коей они находилися, и показалъ имъ, что опасность, въ коей онъ находился, были для нихъ общія, и что ихъ надевіе послѣдуетъ за его паденіемъ. Онъ имъ представилъ, что *Антигонъ* былъ чрезмѣру властолюбивъ, дабы *Македонію* сдѣлать предѣломъ своихъ завоеваній; и что теперь по уже время, или никогда оно не будетъ, соединившися противу сего удручителя. Сіи чепыре государя сопратаися, и славное

Илское

Илское сраженіе рѣшило на конѣхъ **Александрова** наслѣдство **твердымъ** образомъ : разбишый **Антигонъ** , потерялъ въ семъ сраженіи жизнь , а непріатели его раздѣлили его владѣніе.

Греція узрѣла бы себя освобожденну отъ сей пшмы мучителей ея удручающихъ ; или по крайней мѣрѣ она бы начала чувствовать нѣкоторыя выгоды мира , подѣлываясь покровительствомъ **Македонскихъ** царей , коимъ она на долю досталася , если бы она не была суждена бытъ еяшпромъ странныхъ приключеній государя , надѣ коимъ , казалось , счастье хотѣло истощить все свое своенравіе. **Димитрій Полиорхитъ** собралъ изъ остатковъ опцовскаго счастья только **Тиръ** , островъ **Килръ** , и нѣсколько весьма ограниченныхъ владѣній на берегахъ **Асіи** ; но ему оставались еще его властолюбіе , мужество и надѣжда ; а со времени **Александра** сіи то и были шипла ко спяжанію царствія. Онъ вошелъ во **Грецію** , гдѣ имѣлъ друзей и сообщниковъ ; и между темъ , какъ предводительствуя войскомъ бродятъ его достойныхъ , онъ дѣлалъ завоеванія , но потерялъ свои другія земли. Счастіе наградило его за оныя ; распри возставшія между **Кассандровыхъ** сыновей за его наслѣдство , отверзли ему путь къ **Македонскому** престолу. Изгнанный изъ онаго царства , по седмилѣтнемъ правленіи , **безпокойность** его переселила его

его во Асію, для снисканія новаго государства, и сыну своему Антигону Грчату онъ покинулъ тамъ силы, коими онъ держался во Греціи. Сей то былъ оный государь, который, по повѣствованію историковъ, не довольствуясь учрежденіемъ Аристократіи вмѣсто народнаго правленія, пославилъ во всѣхъ почти городахъ мучителей, или явилъ себя кровопителемъ всѣхъ желавшихъ заграбить верховную власнъ во своемъ отечествѣ. Съ ихъ помощію, онъ сдѣлался столь силенъ, что по смерти Сосвена онъ овладѣлъ Македонією, утвердился во оной и покинулъ ее своимъ наслѣдникамъ.

Греція неопринувшаяся еще надѣжды быть вольною, но всегда новыми колеблемая превращеніями, долженствовала, казалось, бояться токмо власнолюбія Александровыхъ наслѣдниковъ, какъ узрѣла покрышою себя бурю, воздвигшеюся на другомъ концѣ Европы. На предѣлахъ *Фессаліи* явились двѣсти тысячъ *Галловъ* подъ предводительствомъ *Бренна*. Сіи варвары не имѣли другаго наибренія, какъ жить грабежемъ, и брать со вся земли такъ сказать контрибуцію. Издревле природная беспокійность *Галловъ* выволила ихъ изъ ихъ земли, и Греція со ужасомъ еще напоминала ихъ прежнее опусиошеніе *Фрахіи*, *Иллиріи* и *Македоніи*. Страхъ былъ общественъ всѣмъ Грекамъ, общая корысть дол-

долженствовала ихъ соединить; но плачевное состояніе многихъ республикъ связывало ихъ руки, и ко изгнанію сихъ новыхъ непріятелей воспріяли оружіе согласно токмо *Беотіане, Локріане, Етоліане*, жители *Мессары* и *Фокяды* и *Афиняне*.

Галлы перешедъ безпрепятственно *Спердін*, поставили станъ свой близъ *Иракліи*; а во сраженіи ихъ со Греками видно было все превосходство, воинскаго распоряженія, упражненія и искусства, надъ звѣрскимъ мужествомъ вѣдающимъ токмо не бояться смерти. Галлы, говоритъ *Палсаній*, сражались съ великимъ жаромъ; смѣлоспѣна черталася на лицахъ умирающихъ, и многія извлекши изъ ранъ своихъ стрѣлы, смертельно ихъ ранившія, мешали еще оныя въ непріятеля.

Сіе разбитіе и другое, которое они испытали спустя нѣсколько дней, когда они хотѣли ворваться въ *Фермопильское* ущелье, *Етоліанами* защищаемое, не отвраило ихъ онѣхъ предпріятія. *Бреннъ* отрядивъ отъ своего войска сорокъ тысячъ человекъ, послалъ ихъ во *Етолію*, дабы принудить ее возвратить своихъ воиновъ; но сія диверсія не отверзла бы ему внутренности *Греціи*, если бы *Иракліоты* утомленные вѣрніемъ, что земля ихъ служитъ войнѣ позорищемъ, не показали Галламъ дороги, которою прощамъ вѣкогда *Персы* во *Ксерсовой*,

вой войнѣ. Густыи пумаи способствова-
валъ имъ въ пуши, и они напали нечаян-
но на Фокіанѣ защищавшихъ *Вермолимъ*,
сіе прославившеся и вѣсто храбростію *Леонидъ*
и прехъ соиъ *Скертланъ*. *Фоліане* не
ожидавшіе сего нападенія, защищалися
сперва съ великою храбростію; но након-
ецъ принужденны будучи уступитъ мно-
жеству, подъ коимъ они изнемогали, на-
несли бѣгучи ужасъ на Греческій станъ,
который потъ же мигъ разбѣжался, не
держалъ ко стыду своему дожидатися не-
пріятеля.

Галлы подступили къ Делфскимъ стѣ-
намъ, а *Аполлоны* жрецы спаси Грецію.
Они возбудили *Делфлянъ* мужество, обѣ-
щая имъ чудесныя оиъ бога ихъ помощи,
и счастье исполнило ихъ обѣщаніе. Во
время ночи возстала ужасная буря, громъ
многokrатно низпалъ въ Галлской станъ,
и и вѣсто, гдѣ онъ стѣялъ почувствовало
землетрясеніе. *Ешолтане* и *Фокіане* не со-
мнѣваясь, чтобы *Аполлонъ* за нихъ не
сражался, напали на устрашенныхъ *Гал-
ловъ* при входѣ солнца. *Врениъ* раненъ,
воины его разбѣжались, наконецъ ночь ихъ
остановила; и обѣщаные ложнымъ ужа-
сомъ, они перебили другъ друга, думая
что защищаются противу Грековъ. Го-
нимые голодомъ, не осмѣивалися остано-
виться въ *Ираклійскомъ* своемъ стану, и были
разбиты въ другой разъ перехода *Скертси*
М Ешо-

Епюліанами и Фокіанами. Тогда *Бренизъ* слѣдуя своему отчаянію принялъ ядъ, а остатки его войска погибли въ засадахъ содѣланныхъ имъ Маліанами и Фессаліанами.

Могло бы случиться, что Греки ревную всегда ко своей вольности, и наконецъ познавъ чрезъ великое множество непрерывныхъ бѣдствъ, истинныя свои корысти, были въ состояніи опомниться, воспріять древнюю свою полицику и соединиться; если бы какой народъ имѣя добрую славу, оказалъ всей Греціи такія услуги, какія ей оказали Епюліане во время войны съ Галлами. Случай казался бытъ къ тому удобнымъ. Силы Александровыхъ наслѣдниковъ гораздо менѣе были ужасны, нежели силы *Александра* и отца его; духъ властолюбія и завоеванія ихъ уже не оживотворялъ, съ шѣхъ поръ, какъ *Илскою* бой ввелъ любовь мира на мѣсто древнихъ распрей. Государя Асію между собою раздѣлившіе, старались болѣе наслаждаться своимъ счастіемъ, нежели оное усугублять; а *Македонія* во прежнія свои предѣлы приведенная, и упомянная бѣдствіями, изъ Александрова счастья произросшими, не была уже управляема государемъ подобнымъ *Филиппу*. Мучители возставшіе во многихъ Греціи округахъ, боялися своихъ согражданъ, отъ чужестранцовъ же едва ожидали покровительства. Наконецъ естествен-

ственно было, чтобы разбитіе Галловъ возвратило Греціи чрезмѣрное на себя самое надѣяніе, и чтобы республика ее спасшая, пользуясь своимъ мужествомъ составила новый союзъ; но нравы Епোলіанъ чрезмѣрно были свирѣпы, чтобы Греки могли на нихъ положиться и почитать ихъ вольности покровителями. Чемъ болѣе Епোলіане великія дѣлали дѣла, темъ болѣе сосѣди спали ихъ опасаться; они еполько же ненавистны были, какъ Галлы; они соблюдали сей духъ грабежа и разбойничества, испребившійся во другихъ Грекахъ при составленіи правильныхъ обществъ.

Епোলіане, говоритъ *Полубій*, походятъ болѣе на дикихъ звѣрей, нежели на людей. Правосудіе, право, союзы, договоры, клятвы, суть для нихъ суетныя имена, кои они презираютъ. Привыкнувъ жить грабежемъ, они тогда еполько щадятъ своихъ союзниковъ, когда непріятели довольствуютъ ихъ сребролюбіе. Сколь долго Греція единую составляла республику подъ правленіемъ *Спарты*, то разбойники сіи населяя безплодные поля на берегу моря, между *Ахарнаніи* и *Локриды*, дѣлали набѣги еполько на *Македонію*, *Иллирію* и на нѣкоторые острова, которые малое съ швердою землею имѣли сообщеніе. Они возмѣляли увидя Грековъ ослабѣвшихъ домашними войнами; и ограбя сперва нѣкоторыя части

М 2 Пе-

Меломениса, наприимѣрѣ, *Ахею* и *Емиду*, начали въ скоромѣ времени опустошати весь сей полуостровѣ; и подызуя союзомѣ, который они по томѣ всегда имѣли съ нѣкоторымѣ изѣ Александровыхѣ наслѣдниковѣ, рассыпалися по всей Греціи и содѣлавали наивеличайшія грабежи и мучительства.

Чудное дѣйствіе сего спранныго волшебства соцепляющаго дѣла человеческія, или лучше сказать, слѣпошы смертныхѣ, долженствующихѣ бѣдствомѣ изучашиса своей должности, и бысть по неволѣ несчастіемѣ спремимымѣ ко счастью! Еполиа-не оказали Греціи услуги самими своими насильствіями и неправосудіемѣ; для того, что не хотя бысть ихѣ жертвою, начати вѣйшія города *Ахен* положили между собою основанія союза, которой, казалось, возобнови дѣ древнее Греціи правленіе. Достигшія *Ахен* до той степени, на коей прежде сего находилися во Греціи *Лакедемонѣ* и *Атены*, надлежитѣ описать нравы, законы и успѣхи.

Ахен, такѣ какѣ и другія земли Греціи, имѣла сперва полководцовѣ или Царей. Сии государи были *Оретопа* поколѣнія, и родѣ ихѣ соблюдѣ вѣвнецѣ до сыновей *Огига*, кои ставѣ ненавистными, изгнаны были изѣ своего владѣнія. Тогда *Ахенцы* начали бысть вольны. Въ городахѣ
 ся

ея были одинаковые вѣсы, одинаковыя мѣры, одинаковые законы, одинаковый дух и одинаковыя корысти; однако же каждый изъ оныхъ составлялъ независимую республику, имѣющую свое правленіе, свою землю и своихъ градоначальниковъ. Различіе введенное градоначальствомъ между гражданами исчезло; не было уже болѣе благородныхъ преимуществами тордящихся; и общее народа собраніе имѣло въ каждомъ городѣ верховную власть. Сіе народное правленіе столь бурное во всей Греціи, не произвело въ Ахенъ ни малаго безпорядка, или для того, что законы основаны были на мудрому равновѣсіи, такъ что оставляя градоначальникамъ довольно власти, дабы заставить себя повиноватися, жало имъ оныя оставили, дабы дѣлать изъ оныхъ злоупотребленія; или для того, что Ахенне подверженные всегда набѣгамъ Вполіанъ своихъ сосѣдей, не имѣли досуга думать о домашнихъ распряхъ, и что общій совѣтъ ихъ союза прилагалъ наибольшее стараніе къ предупрежденію и утушенію оныхъ при ихъ рожденіи.

Каждая изъ ихъ республикъ отринувъ преимущества частныя заключать союзы съ чужестранцами, и всѣ условнилась, чтобы чрезмѣрное равенство было основаніемъ ихъ союза, а чтобы могущество и древность какого либо города, не давала ему преимущества предъ другими,

Они учредили общій сенатъ всея націи, который собирался два раза въ годъ въ *Эйонѣ*, въ началѣ весны и осени; и составленъ былъ изъ равнаго числа депута- товъ отъ каждыя республики. Сіе собра- ніе опредѣляло войну или миръ, дѣлало союзы, давало законы частной ея поря- докъ учреждающіе, посылало пословъ или принимало оныхъ, какъ присланныхъ къ Ахеманъ. Если случилось какое важное дѣло въ то время, какъ сенатъ непри- судствовалъ, то два Претора созывали оной не въ очередь. Сіи градоначальники, ко- ихъ власть годъ продолжалася, предводи- тельствовали войсками; и хотя они ни- чего не могли предпринять безъ согласія десяти комиссаровъ, совѣтъ ихъ сосна- дившихъ, однако же они казались нѣко- торымъ образомъ хранителями всея наро- дной власти, сколь скоро сенатъ, гдѣ они первенствовали, не былъ въ собраніи.

Ахемне не желали ни приобрѣщать ве- ликихъ богатствъ ни сдѣлашься ужасными своими подвигами; они спяжали ирачное благополучіе, для коего то, върошно, люди и сотворены. Сенатъ ихъ прину- жденный согласовать поведеніе свое съ ра- зумомъ всея націи, былъ не властолюбивъ, и для шого правосуденъ безъ принужденія. Любовь его ко правосудію дѣлала его по- чтеннымъ, и соблюдала ему славу, бытъ не рѣдко судією возставшихъ распрей въ Ле-

40-

долонствъ, и въ другихъ земляхъ Греціи и даже у чужестранцовъ.

Какъ сей народъ не былъ подозрителенъ ни *Филлилу* ни его сыну, то сіи государи сохранили ихъ законы, его правленіе, я скажу почти его вольность; но онъ не избѣгнулъ бѣдствъ испытанныхъ Греціею при ихъ наслѣдникахъ. Ахейскіе города почувствовали удары частыхъ превращеній превожущихъ *Македонію*; единные приняли гарнизоны отъ *Поллехонта*, *Димитрія*, *Кассандра*, и послѣ того отъ *Антигона Гоната*; другія узрѣли мучителей изъ нѣдръ ихъ возрастающихъ. Различіе ихъ счастья дало имъ разныя корысти, повелители оныя имѣли часто прошивныя, и весь союзъ рушился.

Однако же *Димъ*, *Патръ*, *Трителъ* и *Фаръ*, пользуясь счастливыми обстоятельствомъ для сверженія ига, возобновили свой союзъ; и будучи въ состояніи прошились *Еполіанамъ*, положили основаніе вшорога союза, который не взирая на шеперешнія Греціи пороки предположилъ себѣ первый союзъ образцемъ, и воспріялъ онаго нравы, законы и политику. *Егіане* освободясь чрезъ пять лѣтъ отъ гарнизона ихъ удручавшаго, соединились съ сею рождающеюся республикою, усилившеюся совокупленіемъ *Карніанъ* и *Вуріанъ* псбившихъ своихъ мучителей. Нѣкоторые Пе-

Допонискія города просили изъ милости бытъ принятыми въ сей союзъ; другія ждали, чшобъ имъ показали ихъ корысти, или чшобы даже содѣлали имъ родъ насилія, коимъ они по томъ очень были довольны.

Между темъ, какъ *Македонія* завязавъ внутренними дѣлами, на Греческія дѣла слабое обращала вниманіе, Ахейскій союзъ, говоритъ *Полубій*, весьма бы могъ усилился, если бы онаго градоначальники воспользовались сими обстоятельствомъ съ большимъ искусствомъ и мужествомъ. Или усмиреніе Грековъ и ихъ распри, заставляли обоихъ Преторовъ думать, что дерзко или по крайней мѣрѣ бесполезно будетъ возобновить древнія правила; или завидуя другъ другу, не могли они произвести важнаго въ дѣйствіе предпріятія: и для того въ безплодномъ пребывали недѣйствіи. Союзъ сей не присоединилъ къ себѣ ни единого вновь народа, и не прежде воспріялъ новый видъ, усугубляя число своихъ союзниковъ, какъ когда сдѣлавъ щастливую ошибку, ввѣрилъ правленію всѣхъ дѣлъ единому Претору.

Черезъ четыре года, послѣ сего преобразованія правленія, Аратъ освободилъ Спартоу, свое отечество отъ мучителя *Николед* овымъ овладѣвшаго, и соединилъ оный съ Ахейскимъ союзомъ. Превосходныя качества сего великаго мужа возвели его на Прешуру; увѣренные *Аратъ*

емъ шерпѣли, что *Ахей* столь прежде всего предъ *Лахонією* и *Аттикою* низившаяся, хотѣла занять мѣсто, которымъ они щещно паки овладѣть спаралися. Умѣренность *Ахей* столь удобная привлечь имъ Греціи почтеніе и довѣренность, возторжествовала бы на конецъ надъ всѣми препонами, если бы сей народъ по примѣру древнихъ Спартянъ, зналъ искусство сотворять полководцовъ, и мудрый и строгій воинскій порядокъ. Никогда республика, желающая возвыситься надъ Грецією, и бытъ почкою соединенія всѣхъ ея народовъ, не имѣла столь нужды во продвѣтаніи воинскихъ качествъ и добродѣтелей; но любовь *Ахей* къ миру, побуждала ихъ насаждать съ большимъ спараніемъ должности гражданскія, нежели свойственныя качества военному челоуку. Нѣкоторый родъ нерадѣнія воспрецадъ имъ составлялъ смѣлыя предпріятія; а какъ казалось, что они не полагаются на свои силы, то и другимъ они посредственную внушали смѣлость. Огранича себя на исполненіе болѣе вѣрныхъ, нежели блестящихъ предпріятій, они не возбуждали сіе удивленіе, кое столь нужно было для отвращенія Грековъ отъ ихъ зависти, и для сверженія боязни и обезмуженія, къ коимъ ихъ приучили бѣдспвенныя времена, *Александровы* подвиги и могущество его на слѣдниковъ.

Аратъ

Аратъ, коего можно почитать творцомъ вторичнаго Ахейскаго союза, весьма способствовалъ къ соблюденію сего духа. Онъ былъ, говоритъ *Полубій*, наиспособнѣйшій человекъ ко правленію дѣлъ въ республикѣ. Преизящная точность разсужденія побуждала его ко принятію наилучшихъ средствъ во гражданскихъ мятежахъ. Умѣя удовлетворять различнымъ страстямъ шѣхъ людей, съ коими онъ вступалъ въ переговоры, онъ говорилъ съ пріятною осанкою, умѣлъ молчать, и зналъ искусство приобретать друзей и привлекая ихъ ко своему жребію. Искусенъ во привлеченіи сообщниковъ, въ поставленіи непріятеля сѣпей, и въ нечаянныхъ на него нападеніяхъ, ничто не могло сравниться съ его проворствомъ и съ его мужествомъ, во произвожденіи и во исполненіи сего рода препрїятій. *Аратъ* столь превосходный мужъ въ шаковыхъ дѣлахъ, былъ предводительствуя войскомъ человекъ посредственный: не рѣшителенъ, когда явную силу употреблять должно, незапная робость заграждала нѣкоторымъ образомъ дѣйствіе его разума; и хотя онъ наполнилъ *Пелопоннсъ* знаками своихъ побѣдъ, однако же мало было полководцовъ имѣвшихъ менѣе его къ войнѣ способности. *Полубій* долженствовалъ бы прибавить, что *Аратъ* отдавалъ себѣ справедливость, и чувствовалъ, предводительствуя войскомъ, свое замѣшательство. Онъ самъ
въ

въ томъ признавался, истерія оное повѣ-
стуетъ; и свойственно было, чѣшбы онъ
обращалъ всѣ свои мысли къ миру, дабы
не приши въ замѣшательство, и чѣшбы
онъ въ Ахеянахъ питалъ болзни чувствія,
кои произвели ихъ союзъ.

Дабы предварить опасностямъ, кото-
рыя Ахеянахъ уготовляли не воинствен-
ныя ихъ учрежденія, имѣя же при вра-
тахъ своихъ опаснаго въ Македонскомъ
Царѣ непріятеля, ожидающаго удобнаго
случая ихъ поработить; Аратъ употре-
билъ въ пользу соперничества господство
вавшее между Александровыхъ наслѣдни-
ковъ. Хотя властолюбіе сихъ государей
казалось удовольствовано раздѣломъ по *Ил-
сломъ* бо въ воспослѣдовавшимъ; но они не-
престанно другъ другу недовѣрялись. Другъ
за другомъ они примѣчали, съ сею беспо-
коющуюся полишикою превожущею нынѣ
Европу. Всякой изъ нихъ хотѣлъ распро-
странить свое владѣніе, и воспретить
другимъ новыя дѣлаши приобрѣтенія; они
имѣли нашу полишику о равновѣсіи. Еги-
петскій и Сирскій дворы, болѣе всѣхъ на-
блюдали движенія Царей Македонскихъ,
которые почитая себя истинными *Алек-
сандра* наслѣдниками, думали, что всѣ от-
падшія отъ его Имперіи земли, должны
имъ принадлежать; и намѣрялись ихъ при-
вести паки подъ свою державу, какъ ско-
ро поработеніе всяя Греціи подастъ имъ
способъ собрать оныя силы, и принять
ше

шо же наобрѣненіе, которое имѣлъ Филиппъ, а въ дѣйство произвелъ Александръ.

Сіи державы съ веселіемъ взирали, что *Пеллопонисъ* не только не подвергался игу, но содѣлывалъ еще союзы вольности его способствовавшіе, и что пропившяся *Македоніи*, онъ имъ служилъ защитою. Они должныствовали покровительствовать *Ахейцамъ*; *Арачіи* оное почувствовалъ, и заключилъ союзы съ *Египетскимъ* и *Сирийскимъ* Царями, онъ заставилъ *Антигона Гоната* и его сына *Димитрія* себя бояться и почитать.

Сколь сія полишика благоразумна ни была, однако далеко отъ того было, чтобы *Аратъ* могъ *Ахею* почитать совсемъ въ безопасности. Могло случиться, чтобы покровители или союзники *Ахейскаго* союза между собою поссорилися, или будучи заняты иѣкоими важными дѣлами, они приуждены были нерадѣть тогда о дѣлахъ *Греціи*, когда *Пеллопонису* наибольшая нужда была въ ихъ помощи. Вольные народы, коихъ правленіе не совсемъ есть *Демократическое*, имѣютъ во своихъ правилахъ и своемъ поведеніи иѣкоторый родъ постоянства, служащаго предписаніемъ и *коммандою* ихъ союзникамъ и ихъ непріятелямъ, и утверждающаго на опредѣленной почвѣ ихъ боязнь и надежду; но самодержавные государи не внемлютъ часто какъ своей воли, а воля ихъ всегда бываешь колеблющаяся; иногда почитаютъ

юшѣ они корысть своихъ страстей ко-
 рыстїю своего государства, а страсти
 ихъ превращаются и переищуются по
 волѣ обстоятельствъ и особѣ ихъ окру-
 жающихъ. Случай могъ бы возвести на
 Македонскій престолъ Царя дѣйствию лю-
 бящаго, воинственнаго, и предприимчиваго,
 а *Египетъ* и *Асія* повиновалися бы владѣль-
 цамъ лѣнивымъ и робкимъ: какія бы бѣдства
 угрожали тогда Ажейской республикѣ! Но
 могло случиться и то, чтобы Македонскій
 Царь уловя союзниковъ Греціи, предста-
 вилъ имъ ихъ корысти подъ ложнымъ ви-
 домъ, купилъ бы, такъ сказать, подарками
 Египетскихъ и Сирскихъ Министровъ и
 полководцовъ, и уготовилъ бы такимъ
 образомъ завоеваніе *Пеллопониса*. Кто мо-
 жетъ предвидѣть всѣ своенравія счастья и
 всѣ государствъ опасности? И въ самомъ
 дѣлѣ въ *Пеллопонисѣ* явилось такое неча-
 янное приключеніе, которое принудило
Арата переищнуть политику: сіе была
 переищна происшедшая въ *Лакедемонѣ* при
 царствованіи *Клеомена*.

Уже въ семъ городѣ давно не видно
 было нимаалѣйшаго слѣда древнихъ нравовъ.
 Царь *Амидъ* желавшій возобновить *Ахур-
 гоны* законы, воздвигъ противу себя всеоб-
 щій бунтъ; а плачевная его смерть, кою
 Спартяне наказали его добродѣтель,
 увѣнчала, казалось, ихъ оскверненіе. Но
Клеоменъ не обезмужалъ отъ онаго, и вла-
 столюбіе побудило его предпріять то,
 что

что *Агидъ* умыслилъ изъ ревности къ обще-
му благу. Онъ уничтожилъ долги, сдѣлавъ
земли новой раздѣлъ, а выведенные имъ
изъ бѣдности граждане, коимъ онъ пода-
валъ надѣжду ко приобретению великаго
иждивенія, обѣщавая имъ добычу сдѣлан-
ную надъ сосѣдними народами, объялися
вѣскоимъ испушеніемъ. *Македемонъ* во-
спрѣялъ новый видъ; впрочемъ явился онъ
населеннымъ воинами, коихъ мужество
и смѣлость побудили ихъ вождя сдѣлашь
предпріятіе достойное его властолюбія и
дарованій; и *Клеоменъ* обратился всѣ свои
силы противъ Ахейвъ, завладѣвшихъ
владычествомъ въ *Пеллопонисѣ*.

Аратъ почувствовалъ потъ же мигъ,
что Сирскому и Египетскому Царямъ не
было столько нужды защищать Ахейскій
союзъ противу Спартской республики,
какъ противъ *Македоніи*. И въ самомъ
дѣлѣ, то мало до нихъ касалось, который
изъ Пеллопонискихъ городовъ возвысится по
чредѣ надъ другими, а только бы *Маке-*
донія оставалась во прежнемъ своемъ со-
стояніи. Да можетъ бытъ имъ и должно
было способствовать той республикѣ,
которая приобрѣвъ паки свою славу, яви-
лась бы гораздо достойнѣе Ахейскаго
союза; соединить Грековъ противу *Ма-*
кедоніи, и вспомоществовать ихъ незави-
симости.

Да

Да хотя бы *Аратъ* и надѣялся на покровительство своихъ союзниковъ, то бы много прошло между темъ времени, какъ бы онъ послалъ пословъ, и вступалъ бы въ переговоры, а проворный, прилѣжный, неутомимый, *Клеменъ*, велъ бы въ то время войну стремительно, и не терпалъ бы ни одного игновенія. Положимъ, хотя и не вѣроятно, чтобы Сирскій и Александрійскій дворы поспѣшили подать Ахеянамъ помощь; то и въ кажется, чтобы *Аратъ* весьма поступилъ неосторожно, если бы призвалъ въ *Пеллопонесъ* ихъ войска. Се уже очевидно, если не ошибаюсь, чтобы *Македоня* не равнодушно возрела на пришествіе своихъ во Грецію непріятелей; являя въ семъ случаѣ боязнь или несмысленное равнодушіе въ разсужденіи жребія *Пеллопонеса*, побудила бы она чужестранцовъ къ содѣланію поселеній, и къ нанесенію войны даже въ вѣдры *Македоніи*. Хотя бы *Антиохъ Дозонъ* и сердечно желалъ мира, однако ему должно бы было прийти на помощь къ Спартянамъ; частная война Лакедемонянъ съ Ахеянами, сдѣлалась бы общею войною между Александровыхъ наследниковъ; а держава превосходящая другія, употребила бы свое превосходство къ удрученію Спартянской республики, Ахейскаго союза и всего *Пеллопонеса*.

И въ кажется не можно довольно хвалить *Арата*, прибѣгнувшаго къ покровительству са-

самой *Македонии*; въ опасныхъ обстоятельствахъ, отъ чего зависило Ахейнъ спасеніе. *Плутархъ* иначе рассуждаетъ. „*Аратъ*, говоритъ онъ, долженствовало лучше уступитъ *Клеомену*, нежели наполнитъ *Пелопоннесъ* вторично Македонянами. Какъ, когдъ сей государь ни былъ, но онъ промѣсходилъ отъ *Иракля*, и родился въ *Лаккедемонѣ*; да *Целопонискимъ* жителямъ, пристойнѣе бы было повиноватися послѣднему изъ *Спартянъ*, нежели Царю *Македонскому*..

Плутархъ сей великій живописецъ славы мужей, коихъ онъ начерпалъ жизни, но посредственный иногда полиптикъ, не легко ли убѣждаетъ себя, что возможно было побудить Ахейнъ признашь надъ собою власть *Клеомена*? Въ семъ полагаются надлежитъ на *Полубіа*, почти современнаго историка, наивеличайшія и мѣвшаго свѣденія о дѣлахъ войны и мира. Онъ намъ повѣствуетъ, что сей государь спавъ ненавистнымъ всей Греціи, почитался по справедливости мучителемъ своего отечества, и злодѣемъ своихъ сосѣдей: щещно сообщники его старались оправдать его примѣромъ *Ликурга*, содѣлавшаго иногда *Спартянамъ* мудрое насиліе, дабы преобразитъ ихъ нравы и законы. Въ семъ законодатель являлся отецъ отечества, забывая въ своемъ предпріятіи самъ о себѣ, дабы помышлялъ единственно

Н

ественно объ обществѣ благѣ , и стараніемъ содѣлать своихъ согражданъ столь же добродѣтельными , каковъ онъ былъ самъ. Напротивъ того *Клеоменъ* началъ свое преобразование , отправленіемъ *Епридама* , своего же царствѣ сотоварища. Онъ мучительски опиялъ у сенаторовъ ихъ власть , содѣлалъ другихъ , которыми онъ оставилъ внешнее только тишало ; онъ погубилъ *Ефоровъ* , и пользуясь , какъ творецъ семъ перемѣны , властью ею ему данною , сдѣлался въ отечествѣ своемъ самодержавнымъ ; буде онъ издалъ нѣсколько мудрыхъ законовъ , то въ ономъ поступилъ онъ какъ мучитель несправедливый , призывающійся и въ ролюмный.

Если бы сей государь подобенъ былъ всеподобию своему образу *Плутархомъ* начертанному , и возобновилъ бы въ самомъ дѣлѣ *Ликургово* въ *Лаккедемонѣ* правленіе ; то бы не только онъ не восхотѣлъ поработить *Ахейцъ* , но желалъ бы быть пріобрѣтены ихъ союзу , и былъ бы наивеличайшій нуженъ во Греціи. Но если сребролюбивый , властолюбивый , ходошель *Клеоменъ* , являлся Грекамъ оскверненъ такими пороками ; то я желалъ бы , чтобы *Плутархъ* какъ открылъ таинственное средство , кимъ бы онъ въистно *Арта* , побудилъ города *Ахейскаго* союза , опредѣлится своея волюности. Какая *Пелопоннскимъ* народамъ была въ томъ польза , что *Спаршанс*

жизне прежисе возпрѣван мужествомъ, и земскій порядокъ, если сѣи новыя добродѣтели долженствовали служить похищеніемъ *Клеомену* властолюбію? *Лакедемонъ* долженствовали щемъ ненависти бытъ своимъ сосѣдямъ.

Или *Плутархъ* не зналъ, что народъ никогда по волю своей не оставляетъ свою независимость, и что онъ скорѣе самъ надъ собою поставитъ мучителя, нежели станетъ повиноваться хотящему похитить его вольность? Таково есть печеніе страстей въ человеческомъ сердцѣ. Къ тому же Ахейскій союзъ былъ составленъ изъ великаго числа такихъ городовъ, которые бы захотѣли лучше погрестись во своихъ развалинахъ, нежели отречься вкоренившейся въ нихъ ненависти къ Спартианамъ: да и тогда бы со трудомъ оную опложили, когда бы *Лакедемонъ*, воспрѣялъ какъ подъ десницею втораго *Лисурга* всѣ свои древнія добродѣтели. *Политъ* повѣствуетъ, что *Мессенія* и *Мегалополь* хотѣли, отдѣляясь отъ союза, прибѣгнуть къ покровительству *Македоніи*. Не должныствовали и всѣ другія Пелопоннскія города имѣть почти такую же политику; для того что *Клеоменъ*, обѣщая уничтожить долги, и новыя въ земляхъ имъ завоеванныхъ учинить раздѣлъ, воздвигъ противу себя гражданъ имѣвшихъ тогда въ Пелопоннѣ наибольшую власть.

Что наиболѣе всего возбудило въ Плу-
тархѣ прошивное сему мнѣніе, то было
сѣе; что по конечномъ разбитіи *Клеомена*
и *Спаршия* при *Селасѣи*, *Антигонъ* назван-
ный *Досонъ*, правитель *Македонѣи* во время
малолѣтствія *Филиппа* сына *Димитріева*, на-
ложилъ нѣкоторымъ образомъ на *Пеллопо-
ннскѣ* оковы. Народы Ахейскаго союза взи-
рали безъ сомнѣнія съ безпокойствіемъ на
Филипповы гарнизоны въ *Коринтѣ* и *Орхо-
минѣ*; и вольность ихъ отъ онаго пре-
шперпѣвала; но довольно ли сего побужде-
нія, чтобы обвинять *Арата*? Были ли
бы жилиши *Пеллопонкса*, полагаясь на со-
вѣсть *Лакедемона*, вольнѣе и счастливѣе?
Македонскій дворъ не нарушилъ ни ихъ
правленія, ни законовъ, и оставилъ имъ
ихъ градоначальниковъ; а властолюбивый
Клеоменъ не употребилъ ли бы напротивъ
того съ наглостію во зло свое превосход-
ство.

Аратъ былъ единственный изъ величайшихъ
мужей во древности; но таковъ
то есть жребій правителей народовъ, что
ихъ часто судящъ, не взирая на то, что
политика, повинуюся теченію обстоя-
тельствъ узъ на нее полагающихъ, не
вритъ во кругъ себя, какъ токмо преш-
ковенія, и выбирать долженствуетъ ток-
мо между бѣдствіями. *Аратъ* побудилъ
слабую свою республику противиться *Кле-
омену*, прибѣгнувъ къ единому сред-
ству,

ству, кое могло предварить ея погибели; онъ удерживаетъ ее на краю пропасти, воспрещаетъ ей въ оную упасть; а его порочаетъ, что Ахеяне, соблюдая свою вольность, принуждены были имѣть снисхожденія ко двору Македонскому.

Какъ уже пороки, кои Греціи не были болѣе чужды, воспрещали ей воспріять паки сіе мудрое правленіе, устроившее ивкогда ее блаженство и могущество, то надлежитъ союзъ Ахеянъ съ Антигономъ Досономъ почитать наисчастливейшимъ для Грековъ и Македонянъ произшествіемъ, если мы обратимъ вниманіе наше на войну возставшую вскорѣ по томъ между двумя наимогущественнѣйшими въ мірѣ народами, которая уговоря повелителямъ, долженствовала новыя для нихъ содѣлать корысти.

Между темъ, какъ Греція обращала вниманіе свое на позорище явившееся ей приходомъ Картагенцовъ во Италію, и колебалась между Ганнибаловымъ духомъ и духомъ Римскія республики; она еще не предвидѣла, что сама будетъ сея войны жертвою. „Колико бы желать должно было, говорилъ Агелай Наплатскій, чтобы боги вселили въ насъ чувствія союза и согласія, дабы соединивъ наши силы, опочество наше не подвержено было наглости варваровъ! Не надлежитъ бить

„великимъ полчищомъ, дабы предвидѣти
 „что побѣдитель, хотя Римъ, хотя Карфа-
 „генъ, не ограничитъ владычество свое на
 „Италію и Сицилію. Тамъ не велико про-
 „странство для его властолюбія; онъ обра-
 „титъ оружіе свое на наше отечество.
 „Если туча грядущая къ намъ со западу,
 „надъ нами разверзется, то смотрите,
 „можно ли будетъ противитися сей бурѣ.
 „Но въ нашей уже волѣ будетъ вести
 „войну по произволу или договариватся
 „о мирѣ; мы должны будемъ повинова-
 „ться.

Для оправданія истиннаго Агелая о-
 пасенія довольно бы было дѣлать здѣсь
 Римскій духъ; разыскавъ причины вели-
 чества сего властолюбиваго народа, воз-
 жедшаго изъ наиподабнѣшаго состоянія до
 величайшей степени, который побужда-
 емъ будучи пружинами своего правленія къ
 разширенію, не прежде прекращитъ дол-
 женствовалъ свои побѣды, какъ когда бы
 покорила всѣхъ или самъ бы побѣжденъ
 былъ своимъ счастьемъ. Римляне спускали
 въ самомъ дѣлѣ всеобщую Монархію, всѣ
 ихъ установленія дѣлали ее воинствен-
 нымъ народомъ, спокойствіе ненавидѣли
 долженствующимъ; для того что война
 не шломе его не испощевала, но ибкнмъ
 чудеснымъ образомъ усугубляла его силы
 и средства. Они съ рожденія своего объ-
 канъ вмѣшивавшися въ дѣла долженствующія

ждя по виду казашься до ихъ не касяю-
димися; не возможно было бышь ихъ со-
сѣдами, и не сдѣлашья ихъ невріятелями,
или ихъ подданными, подѣ иянемѣ
союзниковѣ; а вѣдешолюбіе ихъ всегда скры-
валося подѣ завѣсою правосудія, умѣрен-
ности и великодушія: иѣры взятыя ими для
покоренія *Италіи*, *Сициліи* и *Сардиніи*,
являя шю, что они содѣлають усугубляя
свои силы, и что они по побѣжденіи *Афри-
ки* нападутѣ на *Грецію* и на *Македонію*.

„Ни *Греція* ни *Македонія*, говорилѣ
„*Акселай*, не могутѣ никогда каждая особо
„прошившися силамѣ побѣдителя. Намѣ
„твоя помощь нужна, продолжалѣ онѣ о-
„бращая рѣчь къ *Филиппу*, для подкрѣ-
„пленія смѣлѣ нашихъ противу варваровѣ.
„Тебѣ боги велятѣ покровительствовашъ
„нашей вольности: пользуйся ихъ мило-
„стиво; но защищая Грековѣ, помни что
„для самаго себя шруднися, помни что
„Царство твое обращетѣ по своей чредѣ
„во дружествѣ ихъ нужныя средства къ
„своему величеству. Вся твоя политика
„долженствуетѣ состоять въ чистосерде-
„чїи. Если Греки подозрѣватѣ будущѣ, что
„шны для того защищашь входѣ въ ихъ
„землю чужестранцамѣ, дабы предоста-
„вить себѣ оныя завоеванія, то я пред-
„вѣщаю, что уже все пропало. Устра-
„шенные наши города, не убоятся вступ-
„пить въ союзѣ съ варварами; а удоволь-
„ствіе

„звнѣе шебѣ отмснпшь, уснремпшь ихъ
 „ко своей погпбели, едпншвенно для того,
 „чтобы и шеба погубпшь. „

Флпмпплѣ наученный собѣшами Ателла, коему просвѣщеніе разуиа открьвало будущее, долженспвовалѣбы въ сншль обоюдныхъ обстоятельствохъ бышь вшорымъ Флпстохломѣ: хотя бы онѣ имѣлѣ дѣла не со Керксомѣ, не съ Мардоніемѣ, и не съ Асійскими воинами, однако же Римскимѣ легіонамѣ противупосщавплѣ бы онѣ людеп могущпхъ прпвсптп ихъ во удпвленіе, и можетѣ быть цоложпшь предѣла ихъ завоеваніямъ; еслп бы онѣ продолжалѣ поступать во мудрымъ ѣ умѣреннымъ правпламъ, прославпвщпмъ начало его царствованія, и Антпмономѣ Досономѣ ему давнымъ.

Прпрода, говорящѣ исторпкп, соединпла въ Флпмпплѣ всѣ качества, честь престола дѣлающія. Разумъ имѣлѣ онѣ острый, пространный, и пронпцательный, Иройская храбрость шемъ удобпѣ могла прпвлекчь ему сердца, что онѣ совокупалялѣ съ нека сѣ прелесшное нравпньс искусство, пледѣ прпвѣшлпвостп соединенный со властпю и съ великпми дарованіями. Славу, любплѣ онѣ спрасшно, и мпмлѣ, что она не можетѣ совокупалянпся съ неправосудіемъ. Мудрая умѣренность, отдалала всѣ подозрѣнія, котороря был Грековѣ прп-
 нуч

нуждали его опасаться. Всѣ сн добродѣтели исчезли во единѣ день; что было явленіе, если можно такъ сказать, шемъ удивительнѣе, что сей государь будучи давно уже окруженъ поддѣдами, не могущими возвыситься иначе, какъ содѣловая своего государя столь же презрительнымъ, каковы они суть сами, имѣлъ, казалось, уже и нравъ и качества истинныя.

Димитрій Фарскій возбудилъ Филиппово властолюбіе, представляя ему завоеваніе *Италіи* весьма легкимъ предпріятіемъ послѣ *Канскаго* сраженія. По его мнѣнію Римляне не могли возстановить своихъ уронѣвъ; Карфагенской же республикѣ будучи столь худо управляемой, не возможно было утвердиться надъ побѣжденными своего владычества, и себлоспи свою хищу, если *Филиппъ* оную у нихъ опянь восхощетъ. Сей государь упоенный Димитріевыми обнадеживаніями, пресмалъ радѣть о своихъ истинныхъ корыстяхъ, и съ тѣхъ поръ каждый его поступокъ была погрѣшность. Вѣдомо того, чпобы пользуясь превосходствомъ своимъ надъ Еподіанами, ему ихъ надлежало привести въ несостояніе, нарушать спокойствіе Греціи, и царствовавшее тогда согласіе между *Пеллопониса* и *Македоніи*; онъ снискивалъ ихъ дружество, въсдѣлаался подозрительнымъ, вступаая въ союзъ съ народомъ

ненавистнымъ всей Греціи: страшный по-
ступокъ! Поссориться со своими сосѣдами
для того, что намѣрене имѣешь завоевать
землю отдаленную.

Если *Фитилл* мнилъ, что могуществен-
ный духъ *Ганнибала* разрушитъ Римскую
республику, то ему надлежало бы дожи-
даться для произведенія своего властолю-
биваго умысла, пока *Италія* подвешена
станетъ купцамъ, *Ганнибалъ* умретъ,
и *Картагенцы* не будутъ болѣе опасны.
Если же, напротивъ того онъ не надѣялся
на успѣхи сего вѣдья, и посредствомъ
основательнѣйшаго свѣденія Римскаго пра-
вленія, нравовъ, и политики, онъ судилъ
что ихъ приближица превосходятъ ихъ уро-
ны, что ихъ надлежитъ истребить, если
хочетъ воспретить имъ быть обладателя-
ми міра; то безъ сомнѣнія должно ему было,
совокупляясь съ *Ганнибаломъ*, помогать ему
всѣми силами, и употреблять въ пользу
его всѣ способы, которые бы самъ *Карта-
генъ* употребить долженствовалъ.

Но Римляне свѣдавъ о его союзѣ, ему гро-
зили; чего онъ уболся, прешелъ изъ чрезмѣр-
ной бодрости въ болявь чрезмѣрную,
видя же къ тому, что они въ величай-
шихъ бѣдствіяхъ соблюдали величайшую
надежду, и уже полупобѣжденные имѣли
мужество дѣлать нападенія на его земли.
Онъ возкачался о своемъ предпріятіи, онаго
со-

совсемъ не покинулъ, и впалъ въ новыя по-
грѣшности, желая исправить прежнія.
Если онъ вздумаетъ приготовитьсь къ
войнѣ, и приши въ защитительное про-
тиву Римлянъ состояніе; то позабываетъ
жудрыя Агелавы совѣты, думаетъ что
для усугубленія своихъ силъ надлежи-
т сперва поработить Грецію, а симъ безу-
мыиъ поступкомъ содѣлываетъ себѣ но-
ваго злодѣя.

Каждый Филипповъ поступокъ умножалъ
его заищательства и его опасности. Онъ
ищетъ причинъ дабы покорить Грецію; до-
садуетъ на царствующую въ оной тищину,
возбуждаетъ смятенія и возобновляетъ дре-
внія распри. Между Мессенянъ востала
домашнія неустройства; *или вы не имаете
законовъ*, говоритъ онъ богачамъ, *что вы
не можете укротить дерзости черни? Или
у васъ нѣтъ руля*, говоритъ онъ народу,
что вы не сперзаете своихъ мучителей. Онъ
повелѣлъ отправить Арата, Еприклида и
Михона; чрезъ что пришелъ у всѣхъ въ
омѣрженіе, и союзники ого спали ему зло-
дѣи. Ажеяне, со всею своею терпѣли-
востію, взбунтовались; и подѣ предво-
дительствомъ столь великаго полководца,
каковъ былъ Филипповъ послѣднимъ избъ
Грековъ названный, и поставившій Длами-
нонда себѣ примвромъ, они защищали воль-
ность свою съ большимъ мужествомъ, не-
жели Греки онато ожидаютъ дерзали. Фи-
липповъ,

ялль, коего надежда вся исчезла, зрѣлъ что *Италія* опходила отъ *Картагенцовъ*; онъ не можетъ покорить Грековъ, боится мщенія *Римлянъ*, и несчастія его споль много его ожесточили, что слѣдуя токмо гнѣву и бязни, онъ сталъ наконецъ отъ отчаянїя наискредивѣйшій мучитель.

Римская республика соблюдала еще строгость нравовъ, споль могущественною ее содѣлавшую, какъ *Етолїане*, *Ахей* и *Афиня*, просили ее отмстить за нихъ *Филиппу*. Обогащенный *Римъ* *Картагенскою* добычею, могъ наиразточительнѣйшїя войны сносить убытки. Запворенное въ народной казнѣ ее богатство, не ввело еще поврежденїе въ жилище гражданъ: союзъ наибѣснѣйшїй царствовалъ между ими; бѣдствїя, коими угрожалъ имъ *Ганнибалъ*, новую придали токмо силу пружинамъ правленїя. На конецъ *Римляне* увѣрены были, что они все возмогутъ своею шерпѣливостїю, своею любовїю ко славѣ, и мужествомъ своихъ легионовъ. Сколь бы кто малое свѣденїе ни имѣлъ о второй *Пунической* войнѣ; но чувствовать должно, сколь велико было неравенство между силами *Македонїи* и силами *Римскїя* республики, отъ части Греками вспомоествуемой; и для того то *Филиппъ* былъ побѣжденъ и принужденъ согласиться на условїя уничижительнаго мира, чрезъ кошорой онъ лишился городовъ за-
на-

нятыхъ имъ во Греціи, остался безъ ко-
раблей и исполнилъ свою казну.

Съ тѣхъ поръ Римляне начали упо-
треблять надъ Греками сію искусную и
мудрую политику, обманувшую и пора-
ботившую толикое число народовъ. Подъ
видомъ, что они хотянъ возвратитъ ка-
ждому городу его вольность, законы и
правленіе, они запретили имъ вступать
въ союзы и привели Грецію въ несосто-
яніе имѣть единую корысть и соединя-
шися. Римская республика начала надъ Гре-
ками господствовать чрезъ самихъ Грековъ;
она вознамѣрилась ихъ сперва содѣлать
подлыми и разслабить, дабы темъ легче ей
было удручить ихъ силою оружія. Она
содѣлала себѣ во всякомъ городѣ сообщни-
ковъ, осыпая благодареніями гражданъ дер-
жащихъ ея сторону: Исторія соблюла и
мяна многихъ изъ сихъ мерзкихъ людей,
вѣщавшихъ (будучи почредѣ осудителемъ
въ Римѣ согражданъ своихъ и сооружае-
ли мучительства своему отечеству), не
быти во Греціи другаго права, другихъ
законовъ, другихъ нравовъ и другихъ обы-
кновеній, oprичъ воли Римлянъ. При ма-
лѣйшемъ несогласіи республика предлага-
ла свое ходатайство, дабы пріучить Гре-
ковъ признавать ее судією; говорили все-
гда о мирѣ, для того, что она желала
имѣть исключительное преимущество на-
чинать войны; давали совѣты, держали
ино-

многа отдавашь приказы ; но всегда во удобныхъ случаяхъ, и сокрывая свое властолюбіе подъ покровомъ общаго блага.

Етоліане обѣщавали себѣ, вспоможеніемъ Римскому оружію, противъ *Филиппа* великія выгоды ; но въ воздаяніе за оное принужденны были или болѣе не превратить Грецію своими грабительскими, и въ бѣдности погибнуть, или привыкать къ работѣ, и награждать честнымъ промысломъ, эо миромъ имъ причиняемое. Почитая себя поверженными несноснымъ мучительствомъ, умыслили бунтъ ; но не надѣясь безъ чужія помощи свергнуть Римское иго, они послали нѣсколько изъ своихъ гражданъ къ Сирскому двору, дабы побудить *Антиоха* къ воспріятію оружія противу Римскія республики. Разбитіе сего государя отняло у него малую Асію ; а Греки оставшіяся безъ прибѣжища, спали со всѣхъ сторонъ окружены Римскихъ могуществомъ.

Первый плодъ сего выигрѣша для побѣдителей было разореніе Етоліанъ. Римская республика даровала имъ миръ, но съ такимъ условіемъ, чтобы они всегда находились въ готовности служить подъ ея повелѣніями, и никогда не давали помощи ея непріятелямъ, ни непріятелямъ ея союзниковъ. Етоліанскій союзъ заплашивъ Римлянамъ дѣйстви-

ша-

шалантовъ, и обязался дать имъ еще триста черезъ шесть лѣтъ. Онъ выдалъ имъ сорокъ изъ своихъ знатнѣйшихъ гражданъ, которые посланы были въ Римъ, и ему не дозволено было выбирать другихъ во свои градоначальники, какъ изъ сихъ Аманатовъ. Города порицавшія союзъ его съ Антиохомъ, объявлены были вольными. Наконецъ Римляне отдали Аквантанамъ во мзду ихъ вѣрности, городъ и землю Енидодъ. Не въ силахъ будучи болѣе обижать своихъ сосѣдей, Етоляне, говоритъ Полибий, обратили лютошь свою противу самихъ себя, и ихъ домашнiя неустройства побудили ихъ къ најесточайшимъ насилiямъ. Сей народъ опистилъ наконецъ самъ себя за свое безчеловѣчiе противу Грековъ, и во всей Етолiи не видно было инаго, какъ только неправосудiе, смятенiе, смерть и убивство.

Греки ревную всегда ко своей вольности, но день опо дня становяся менѣе вольными, познали содѣланный проступокъ, что прибѣгнули противъ Филиппа къ покровительству Римскiя республики; хотя опистили злодѣю, коему они могли пропивиться, они посшавили надъ собою власшiеся, коему они должны были повиноватися. Съ радоснымъ узрили они восторгомъ, что Персей покушался изступитъ изъ уничиженiя, въ коемъ его содержали Римляне; но сей дерзскiй и боя-

ли-

влиный государь былъ побѣжденъ такъ, какъ *Филиппъ* отецъ его, и съ нимъ поступлено было столь же жестоко. Онъ украсилъ торжество *Папа Емилиа*; прѣстола *Филипповъ* и *Александровъ* уничтожился; *Македонія* покорившая цѣлую Асію, стала Римскою провинціею; побѣдители переселили оныя жилища въ единое мѣсто, во другое, дабы она была послушна; и Греція со ужасомъ узрѣла образъ жребія ей уготованнаго, если дерзнетъ возснать противъ такой республики, которая начиная терять свои нравы, начинала уже не почитать болѣе своихъ законовъ, и которую безпредѣльное щастіе побуждало употреблять во зло свою власть.

Римскій сенатъ навскѣ призываетъ къ себѣ на судъ тѣ города, между которыми случались несогласія; онъ имъ давалъ токмо совѣтъ, онъ былъ ихъ токмо претейской судія; но Греки возчувствовали, что имъ не повиноваться, было преступленіе. Среди сего всеобщаго порабоженія единый Ахейскій союзъ дерзалъ являться вольнымъ: онъ безъ согласія сената учреждалъ внутреннія свой дѣла, и заключалъ союзы; онъ мнилъ, что имѣетъ еще права; твердилъ объ оныхъ ежечасно; но былъ однакоже столь благоразуменъ, чтобы не дерзать почти оными пользоваться. „Если „то, что Римляне отъ насъ требуютъ, „говорили по словамъ *Филолемена* знаменитѣ
„шме

„тѣмъ, въ народѣ своемъ Ахейне, сходству-
 „емъ съ закономъ, со правосудіемъ и догово-
 „рами съ ними нами заключенными, по
 „да неукоснѣмъ оказатьъ имъ мудрое снис-
 „хожденіе; но если требованія ихъ оскор-
 „бляющъ нашу должность и наши обыкно-
 „венія, то да покажемъ имъ причины,
 „ради коихъ мы имъ не повинuemся. Пред-
 „ставленія, прозбы, неоспоримое право,
 „все ли будетъ безплодно? Пославимъ
 „боговъ свидѣтелями неправосудія, намъ
 „содѣлаемаго; но и тутъ да повинuemся
 „и уступимъ насилію, или лучше ска-
 „зашь необходимости.„

Сіе смѣшеніе повиновенія, и твердо-
 сти, божни и мужества дѣлало Ахейнъ
 подозрительными; но Римская республика
 мудростію своею во предвареніи наималѣй-
 шимъ опасностямъ, сооружала ежедневно
 великость своего жребія. И для того
 боялася, чтобы Ахейнъ гордость, оставаяся
 неукротенною, не сдѣлалася во Греціи
 заразительною, и не возбудила бы въ
 оной воспоминаніе древня ея незави-
 симости. Къ тому же она на столь
 великую взошла степень возвышенія, и всѣ
 народы столь были предъ нею уничижены,
 что она уже не различала представленія
 отъ бунтовъ. Жалоба щиталася непо-
 чтеніемъ; и всѣ честные и добрые Ахейскіе
 граждане, осуждены были закономъ о изгна-
 ній оставишь свое отечество.

О

Сей

Сей строгости примѣръ, долженство-
валъ было истребить въ *Пеллопоннѣ* даже
надежду вольности; но онъ напрошивъ
того озлобилъ всѣхъ. Спали жаловаться,
стали роптать безъ мѣры; и якобы
хотѣли навывасть къ бунту приучая себя
презирасть Римлянъ, разгласили во всей
Греціи, что владычество ихъ было дѣй-
ствіе счастья. Сколь таковое мнѣніе
несмысленно ни было; но оно долженство-
вало утвердиться у народа щеславнаго,
почитающаго другихъ варварами, и для то-
го ласкающаго себя изключительнымъ иму-
ществомъ всѣхъ дарованій. Ахеяне не уко-
снули быть жертвами ихъ щеславія. Рим-
ская республика искавшая случая къ ихъ у-
ничженію, воспользовалася происшедшимъ
несогласіемъ между ею и Спартянами, и
назначила Коммисаровъ, которыхъ, подъ
видомъ суда, препоручно было разслаблять
Ахейскій союзъ, и отвлекать отъ онаго,
сколько можно болѣе городовъ, а наипаче,
Спарту, Аргосъ, Оргоменъ, и Ираклію.

Ахеяне дерзнули явить къ Римскимъ
депутатамъ знаки презрѣнія; но сія рес-
публика, коея политика столь хорошо
умѣла устремить къ гибели народъ
довольно мудрый, чтобъ оныя удалаться,
и подъ ложнымъ видомъ подавашъ вспомо-
жествующую десницу тому, которой
самъ въ оную низвергася, скрыла обиду
содѣланную ея посланникамъ. Сенать на-
зна-

значилъ другихъ Коммисаровъ, коимъ повелѣлъ поступать съ великою ласкою, и токмо побуждая Ахеянъ возвратишь свои войска, и прекратишь непріятельскія дѣйствія, въ Спаршской землѣ ими начатыя.

Таковыиъ поведеніемъ по виду столь умѣренными, они спарались только обвинить *Ахею*, и оправдать чрезмѣрную строгость, которую они противу ея упоприбихъ хотѣли. Чемъ болѣе они являли ложно удовольствованія и умѣренности, темъ болѣе осмѣлившіеся Ахеяне оказывали гордости и наглости. *Діей* и *Критолай* правили тогда союзомъ; и *Полибий* описываетъ ихъ двумя злодѣями, коихъ владычество было безпредѣльное надъ всѣми гражданами обезчещенными, и столь разоренными, что имъ нѣчего было терять въ погибели отечества. Полагая на сихъ двухъ человекъ повѣрили, что припверная Римскія республики ласка, была плодъ ея боязни. Они увѣрили Ахеянъ, что занята будучи прешією войною противъ Картагенцовъ, столь могущественнаго народа, она сперва старялася обоязнить Грековъ пышнымъ посольствомъ; но какъ сей способъ ей не удался, то она прислала новыхъ пословъ, коихъ умѣренное поведеніе являло, что Римляне не дерзали сдѣлать себѣ новыхъ непріятелей, и каляся, что своими мучительствами они потрясли владычество надъ

Грецію ими приобрѣтенное, и отъ коего уже время настало имъ освободиться. „Римъ прещещетъ, говорили. они, и для „того наддежитъ намъ нынѣ или ошрѣ- „щуся не возвращаю наша вольности, или „пользуясь симъ послѣднимъ случасемъ, „оною защититъ и утвердитъ. „ Таковыя чувствія вселилися во всѣ сердца, и впорыя Римскія посланцы столь же неудачной имѣли успѣхъ какъ и прежнія.

Метелъ повелѣвавшей тогда въ *Македоніи*, употребилъ все ко истребленію заблужденія Ахейнъ и къ побужденію ихъ къ повиновенію; но всѣ его усилія были безплодны, наконецъ послалъ онъ противъ ихъ легіоны. *Ахей* со своей стороны приготовилася уже къ войнѣ; войски сошлись въ *Локридѣ*, и не взирая на знашій уронъ прешерпанный Ахейнами, они не опчаявалися еще своего спасенія. *Критомай* былъ убитъ; *Діей* товарищъ его собралъ остатки разбитаго войска, и вооружая даже рабовъ, мнилъ что въ состояніи будетъ противиться еще счастью Римлянъ.

Метелъ дошедъ до *Коринфа*, дѣлалъ непрестанно предложенія о мирѣ, какъ *Муммію* вручено было войскъ предводительство. Сей Консулъ стольже извѣстный во Греціи грубостію своего нрава и своимъ невѣденіемъ художествъ ее прельщающихъ, какъ

какъ жестокостію , съ кою онъ поступилъ съ нею , разбилъ совсемъ Ахеянъ ; конхъ смятеніе послѣ сраженія столь же было велико , какъ была дерзка къ себѣ довѣренность , съ кою они въ оное вступили .

Надлежало , чтобы избѣгшіе Римскаго меча сокрылися въ Коринѣ : и защищая городъ , который былъ ключъ Пелопониса , сдѣлали довольно сильное сопротивленіе , чтобы можно было сдатьъся на честный для нихъ договоръ , или оправдать дерзость вложившую имъ въ руки оружіе . Но смятенные солдаты будучи столь близки отъ своихъ побѣдителей , побѣжали въ безпорядкѣ внутрь Пелопониса , и большая часть Коринѣянъ пришедъ въ равнотѣрный съ войскомъ ужасъ , сами оставили свой городъ . Мумміей предавъ оный грабленію своихъ воиновъ . Всѣ оставшіеся путѣ граждане погибли мечемъ ; жены , дѣвцы , дѣти , всѣ были проданы . Гордый Коринѣ превратился въ пепелъ , а Греческая вольность погреблася въ его развалинахъ . Римляне сломили спѣны всѣхъ городовъ , участвовавшихъ въ бунтѣ . Они уничтожили вездѣ народное правленіе . Словомъ , Греція потеряла свои законы и своихъ градоначальниковъ ; а управляема будучи Преторомъ , спала провинціею Римскія Имперіи подъ именемъ Ахейскія провинціи .

Сей то былъ жребій народа наименѣйшаго можетъ быть всея древности ,

и коего слава возбудила, при самомъ его паденіи, въ Римлянахъ зависть. Есть ли другій народъ, коего бы испорія преддлага полишическимъ размышленіямъ, столь вѣрныя и столь великое число правилъ, для всего того, что можетъ содѣлатьъ обществѣмъ благоденствіе или бѣдствіе? Со временемъ *Анхурга*, до того бѣдственнаго мгновенія; какъ власнолюбіе возжгло войну Пелопонискую, ненависти и мщенія не были непреборимы; таковы по были ихъ уснаовленія, что разумъ воспринимая паки въ скорбѣ владычество свое надъ страстьми, миръ обновлялся прежде нежели немощь продолжать войну, или надежда дѣлать завоеванія, были возчувствованы. Любовь къ шипинѣ, съ любовью ко славѣ всегда сопряженная, не превратилася въ сіи щасливья времена во праздную и помящуюся лѣноснѣ, копорая возбуждая въ ихъ сосѣдахъ презрѣніе ко Грекамъ, содѣлала бы имъ непріятелей. Уготованные играми Греки къ воинскимъ упражненіямъ, всегда могли защищать свое опечество; скорѣ бы они погибли, нежели бы снесли обиду; и нѣкое то было чудо, что сіи воинственные граждане не употребили во зло, ни своего мужества, ни своего воинскаго порядка, ни другихъ своихъ превосходствъ, противъ своихъ сосѣдей, и не помышляли отнять у нихъ имѣнія.

Ни-

Ни единыя во Греціи не было республики, которая бы не прославилась. Я не упомяну о *Афинахъ*, *Коринтѣ*, *Аргадіи*, *Веотіи*, и пр. Но кое общество явило, когда разуму благороднѣйшее, величественнѣйшее зрѣлище, какъ *Лахедемонъ*? Болѣе шести сотъ лѣтъ Ликурговы законы, превосходящіе мудростію всѣ данные законы челоукамъ, были тамъ наблюдаемы съ наивысшею точностію. Который народъ будучи споаъ прилѣпленъ къ добродѣтелямъ, какъ Спартіяне, давалъ примѣры споаъ великіе, споаъ непрерывныя умѣренности, терпѣнія, мужества, великодушія, воздержанія, правосудія, презрѣнія богатствъ и любви вольности и отечества? Читая ихъ исторію, мы возпламеняемся; если въ сердце своемъ имѣемъ хотя малое зерно добродѣтели, то духъ нашъ воздымается, и хочеть, кажется, испустить изъ пѣсныхъ предѣловъ, въ коиъ насъ удерживаетъ поврежденіе нашего вѣка.

Какъ ни стараются единый изъ наиразумнѣйшихъ въ древности писателей, умаляя славу Грековъ, доказать, что ихъ исторія заимствуетъ наибольшее свое сіяніе отъ разума, и искусства великихъ мужей оную писавшихъ; но онъ въ ономъ не увѣритъ. Можно ли возрѣть на все тѣло Греческаго языка, и не признаться, что онъ иногда превышаетъ силы челоучества?

ства? Мы видимъ иногда цѣлый народъ, который бываетъ столь же великодушенъ, какъ *Велистоклоъ*, и столь же правосуденъ, какъ *Аристидъ*. Не признаешь ли *Саллустіи*, что *Марфонъ*, *Фермолилы*, *Саламина*, *Плател*, *Михалл*, возвращеніе десяти тысячъ и множество другихъ подвиговъ произведенныхъ внутри сама Греціи, во время ея междоусобныхъ браней, превышаютъ хвалы историками имъ возданныя? Римляне побѣдили Грековъ самими Греками. Но каково было бы счастье сихъ побѣдителей, если бы вмѣсто поврежденной Греціи тьмою пороковъ, и ослабѣвшей своими ненавистными и внутренними распрями, они бы обрѣли полководцовъ, воиновъ, градоначальниковъ, гражданъ торжествовавшихъ надъ Ксерксовымъ оружіемъ? Тогда бы мужество пропавилося мужеству, воинскій порядокъ, воинскому порядку, воздержаніе воздержанію, просвѣщеніе просвѣщенію, любовь вольности отечества и славы, любви вольности отечества и славы.

Чемъ болѣе всѣхъ Греціи хвалы достойна, тѣмъ болѣе что произвела наибольшаишихъ мужей, коихъ исторія долженствуешь сохранятьъ воспоминаніе. Я не изключу и Римскую республику, коея правленіе столь удобно было воспламять разумы, возбуждать дарованія, и являть ихъ во всемъ ихъ сіяніи. Кого сравнить она съ *Лихургомъ*, съ *Велистоклоомъ*, съ *Климономъ*,
 съ

съ *Еламинодомъ* и пр. Можно сказать, что величество Римлянъ было дѣйствіе вся республики; ни единый Римскій гражданинъ не превышаетъ своего вѣка и мудрость государства, дабы новое принять намѣреніе и новый ей придати видъ. Каждый Римлянинъ, не былъ мудръ и великъ какъ мудростію правленія; онъ слѣдуетъ пути проложенному, и наивеличайшій человекъ подается токмо на нѣсколькѣ шаговъ далѣе другихъ. Во Греціи же, напротивъ того, я вижу часто сіи обширные, могущественные, жизнедеятельные разумы, стремленію обычаевъ противящіяся, различные недостатки государства исправляющіе, новый себѣ путь отвергающіе, и будущее ощущая овладѣвающіе пріизшествіями. Греціи не приключилося ни единого бѣдствія, которое бы за долгое время не было предузнано, нѣкоторымъ изъ ея градоначальниковъ; да и многіе граждане извлекли отечество свое изъ презрѣнія, въ кое оно впало, и явили оное въ наивеличайшемъ сіяніи. Но кто изъ Римлянъ предвѣщаль республикѣ, что завоеванія причинятъ ея паденіе? Когда правленіе разстроивалось, когда Проконсуламъ давалась власть долженствовавшая освободить ихъ отъ ига законовъ, кто тогда изъ Римлянъ предсказалъ, что республика побѣждена будетъ собственными своими войсками? Какъ Римъ колебнулся во своемъ паденіи, кто изъ его

II

гра

гражданинъ пришедъ къ нему на помощь, и мудростію своею пропихивая судьбинѣ влекущей, казалось, окомъ погибель.

Какъ скоро Римляне лишились своей вольности, що они стали, наискарѣднѣйше рабы. Порабощенные Греки *Филиппомъ* и *Александромъ*, не отчаяваясь еще возвращить своей вольности; и въ самомъ дѣлѣ они сдѣлалися не подвластны пре-емникамъ сихъ государей. Если во Греціи возстали тысячи мучителей, то возста-ли въ оной такъ же тысячи *Трезилуловъ*.

Угнетенная на конецъ пятостию своихъ несогласій и Римскаго могущества, Греція соблюла надъ своими побѣдителями, нѣ-кошорый родъ весьма похвальнаго влады-чества. Просвѣщеніе ее и склонность ко словеснымъ наукамъ философіи и художе-ствамъ опмстили, такъ сказать, за ея побѣжденіе, и покорили по чредѣ гордость Римлянъ. Побѣдители стали ученики побѣжденныхъ, и обучилися языку, ко-торой *Омиры*, *Пиндары*, *Еухидды*, *Ксено-фоты*, *Демосвены*, *Платоны*, *Еврипиды* и пр. украсили всѣми прелестями своего разума. Витій *Римъ* уже прельщающіе, или во Грецію почерпнуть сей острый и разборчивый вкусъ, наирѣдчайшее можетъ быть дарованіе, и сіи шависства художе-ства, новую разуму силу придающія; ядовомъ, они щазъ научающа обавяющемъ да-

дарованію все украшати. Въ училищахъ
любомудрія , гдѣ наименішійше Римляне
слагали свои предразсужденія , они
научалися почитать Грековъ ; они при-
носили съ собою въ отечество свое , благо-
дарность и удивленіе , и Римъ облегчалъ
свое надъ ними иго ; онъ боялся упопре-
бить во зло право побѣды , и своими благо-
дѣянїями ошличалъ Грецію отъ другихъ
земель имъ побѣжденныхъ. Колика слава
для наукъ , что онъ предостерегли землю
имъ учившуюся , отъ золъ коихъ ее зако-
нодатели , ее градоначальники и ее полко-
водцы не могли ее избавить. Онъ опм-
щены за презрѣніе , кое къ нимъ являетъ
невѣжество , и будутъ конечно почтены ,
когда случатся споль же правдивые цѣни-
тели достоинства какъ Римляне.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТЫЯ И ПОСЛѢДНЯЯ КНИГИ.

